

Юрий Дьяконов

Восемь волшебных желудей

ОТКУДА БЕРУТСЯ СКАЗКИ!

Я всегда завидовал людям, которые умеют придумывать сказки. Помню, ещё в детстве я мечтал сочинить какую-нибудь сказочную историю, но сколько ни пробовал, ничего не получалось. Вот тогда я и подумал впервые: «Откуда берутся сказки?»

Я спрашивал об этом у многих. И все отвечали по-разному. Одни говорили: «Их придумывают бабушки и дедушки». Ну что ж, это правда. Я тоже самую первую сказку про деда, бабу и курочку-рябу услышал от дедушки.

Другие говорили: «Нет, сказки сочиняют писатели». И тоже верно. Вот, например, «Сказка о царе Салтане». Откуда она? Написал её Александр Сергеевич Пушкин. И так хорошо написал, что живёт эта сказка вот уже больше ста лет.

А один мальчик сказал мне, что сказки берутся из бутылки.

— Ты, наверное, ошибся? — говорю я ему.

— Нет, — отвечает он, — я точно знаю! А откуда появился старик Хоттабыч? Тот самый, что говорит: «Ёх-тери-дох-тери-дох-тох-тох», и делает какое хочешь чудо для пионера Вольки... Из бутылки! Он просидел там тысячу лет, вот и напридумывал сказок.

Ну как с ним спорить? Ведь я сам читал про Хоттабыча.

Шли годы. Я стал уже взрослым, но вопрос: «Откуда берутся сказки?» — по-прежнему не давал мне покоя.

Успокоил меня один знаменитый профессор литературы. «Сказки берутся из жизни, — сказал он. — Вокруг нас столько чудесного и удивительного! Если, конечно, смотреть на всё добрыми глазами. Так что — ищите!» И пошёл я куда глаза глядят. Решил: без сказки домой не вернусь!

Иду. На краю города большие, красивые дома стоят. Во дворе дети играют. Спрашиваю одного мальчика:

— Ты сказки сочинять умеешь?

— Нет. Зато я в футбол умею, — сказал так и убежал.

Навстречу мне девочка идёт, торопится.

— С тобой чудеса случались? — спрашиваю.

— Со мной, — говорит, — нет. А вот с Женей Платоновой случались. Да ещё какие! Я побегу, дяденька, она вон опять что-то рассказывает.

«Ага, — думаю. — Вот мне повезло! Пойду послушаю, что эта самая Женя рассказывает...»

* * *

Когда Женя Платонова прошлой весной переехала в посёлок с папой, мамой и бабушкой, про неё никто ничего не знал. А она, оказывается, такая глазастая — просто удивительно.

Сидят ребята на скамейке. По сторонам поглядывают. Чем бы заняться? А Женя в небо уставилась;

— Вон! Вон! Смотрите!

— А чего смотреть?.. Тучи,и всё! — говорит Генка.

— Да как же ты не видишь?! — удивляется Женя. — Вон гора. А на горе — замок с башенкой. А к замку плывёт человек-амфибия...

И правда. Если присмотреться — и гора, и замок с башенкой есть. Только человека-амфибию рассмотреть не успели. Одно облако стало наползать на другое. Всё перемешалось. Скоро и замка не стало. Только опустили головы, Лидка, Женина подружка, как закричит:

— Ох ты-ы! Глядите! Гора. А в горе — дыра. А из дыры медведь выглядывает!

Опять головы вверх задрали. Точно. Медведь. Лохматый такой. Пасть разинул — рычит. Только не слышно. Далеко же очень...

И пошло!.. Один увидел трактор. Другой — верблюда двугорбого. Третий — всадника с головой под мышкой... Целый час на небо смотрели, пока шея не заболела. А всё с Жени началось. Она всегда первой заметит что-нибудь необычное. Или в небе, или на земле, а то и на крохотном кустике.

Когда Женя дома рассказывает свои истории, мама улыбается:

— Ну и фантазёрка ты, дочка! Что с тобой дальше будет?..

Ладно — скажет папа. — Без фантазии жить неинтересно.

А дедушка за Женю совсем горой стоит:

— Человек без фантазии, как птица без крыльев. Если бы человек не имел фантазии, так он бы и колеса не придумал!

* * *

Все подружились с Женей. Один Генка на неё злится и вредничает. Генка вообще такой воображала, каких мало.

Ещё в позапрошлом году, когда все въезжали в новый дом, Генка заявил мальчишкам:

— Зовите меня — Гений. Потому что правильно меня зовут Гений Павлович Бирюлькин! Так меня мама назвала, когда я родился... А гений это знаете кто?.. Гений — это самый умный человек на свете!

Ребятам это не понравилось. И все, даже самые маленькие малыши, стали звать его просто Генкой.

Завидно Генке, что все любят слушать Женины рассказы. И пообещал он такое выдумать, что и во сне не приснится.

Думал он целых три дня, даже в тёмной комнате сидел. Говорят, когда темно и страшно, — лучше придумывается. Генке и правда было страшно, но ничего не придумывалось.

Потом услышал он, как учитель истории рассказывал старшеклассникам, что какой-то древний философ нарочно залез в бочку и жил там, чтобы ему не мешали думать.

Генка спустился в подвал, залез в пустую бочку и закрыл глаза. В бочке было тихо. Пахло рассолом и плесенью... Но и там ничего не придумалось...

И вот однажды утром Бирюлькин вышел во двор и закричал:

— Эй, вы! Идите сюда! Скорей! Со мной такое приключилось! Будете дрожать от страха! Это не то что у Женьки!

— Ну, рассказывай!.. — окружили его ребята.

— Один раз иду я по Америке, — начал Бирюлькин, — а навстречу мне... слон. Я ка-ак закричал на него! А он ка-ак припустит бежать!.. А я ка-а-ак стрельнул в него разрывной бомбой! Так и разорвало его на мелкие кусочки!.. А потом — лев...

— Эх ты! Болтун! — рассердились ребята и пошли прочь.

— Подождите!.. Не уходите! — кричал Генка.— Там ещё про тигра будет!..

Но его и слушать не стали. Сразу видно, что врёт.

Чуть не заревел Бирюлькин с досады. Погрозил Жене кулаком:

Ну, подожди! Я такое сделаю! Такое!.. Вот назло вам стану знаменитым охотником и снайпером!..

* * *

Когда я подсел на скамейку рядом с ребятами, никто меня и не заметил. Все Женю Платонову слушали. И я стал слушать.

Оказывается, всё началось с того воскресенья...

ТАЙНА КУКУШКИ, КОТОРАЯ ЖИВЕТ В ЧАСАХ

В воскресенье утром Женю разбудила Кукушка.

Большие стенные часы зашипели, щёлкнули. Распахнулись маленькие дверцы, из них высунулась птичка с рябенькими перышками и острым носом. Она встрепелась, разинула широкий клюв и поспешно сказала:

— Ку-ку!..

Женя глянула на часы. Стрелки показывали ровно девять. «А вот я сейчас загадаю, — подумала она. — Если Кукушка ошибётся, значит, сегодня обязательно случится какое-нибудь расчудесное чудо».

Птичка прокуковала восемь раз и спряталась. Дверцы часов ещё подождали, не высунется ли она снова, и сердито захлопнулись.

— Ура-а! Кукушка опять ошиблась! — закричала Женя. — Значит, сегодня будет чудесное-расчудесное чудо!

Одеяло взлетело вверх. Женя вскочила на ноги и запрыгала по квартире, как весёлый, туго надутый мячик. Раз-два-три! К умывальнику... Радостно загудел кран. Холодные брызги ударили в раковину... Быстро, быстро! Вот уже и постель убрала. Ещё минута — и обута, и одета, и готова в дальний путь.

Она надела свою любимую голубую косынку с белыми горошинами и постучала в дверь дедушкиной комнаты:

— А вот и я!.. А что сегодня будет?

* * *

Кукушка, что живёт в часах, ошибалась уже не первый раз. С самого начала весны она стала частенько путать время.

— Стара, видно, стала! — шутил папа.

А Женя только морщила нос и отворачивалась к стене. У неё было своё мнение, но она пока держала его в секрете.

Женя точно знала, что Кукушка иногда куда-то

девается. А потом прилетает снова. Ну, а куда ей летать, если не в рощу?..

Женя много раз слышала там приглушённый расстоянием голос Кукушки. Потихоньку подкрадывалась. Но всякий раз, едва только она приближалась, хитрая птица замолкала. А чуть погодя начинала куковать совсем в другом месте.

Жене очень хотелось знать, кто это играет с ней в прятки. Та кукушка, которая живёт в часах, или совсем другая.

Она бежала домой, садилась перед часами и ждала. Подходило время — дверцы раскрывались, и рябенькая хитруля как ни в чём не бывало появлялась из часов... Женя обиженно поджимала губы. Ей казалось, что карий блестящий глазок птицы смотрит на неё насмешливо.

И всё-таки один раз Кукушка попалась.

Услышав в роще далёкое «ку-ку», Женя стрелой помчалась домой. Мигом взлетела на второй этаж. И как раз вовремя: стрелки показывали час. Раскрылись дверцы... но никто не появился. «Точно. Это она кричала в роще. Только так далеко забралась, что не успела прилететь», — решила Женя.

Целый час она никуда не выходила из комнаты. И когда с перепуга за опоздание Кукушка прокричала вместо двух три раза, Женя сказала ей укоризненно:

— Глупышка. Я же знаю твою тайну. Но я никому не скажу. Только дедушке. Да ты не бойся. Он добрый и тебя никогда не выдаст.

Жене показалось, что крылышки птицы виновато вздрогнули. Но дверцы стали закрываться, и Кукушка исчезла, так ничего и не сказав.

ВСТРЕЧА НА РОМАШКОВОМ ЛУЖКУ

Женя с дедушкой прошли мимо больших пятиэтажных домов с весёлыми разноцветными балкончиками. Обогнули белую изгородь школы. Быстренько перебежали широкое асфальтированное шоссе и очутились в роще Красная Весна.

Солнце уже высоко поднялось над землёй. В посёлке душно. По шоссе мчатся, торопятся автомашины. Кричат сердитыми голосами:

— Стой!.. Берегись!.. Раз-дав-лю-у-у!..

Гром железа. Дым. Чад.

А в роще тихо-тихо. И воздух такой вкусный, что его ртом хватать хочется, как клубничное мороженое.

Женя глядела вокруг во все глаза. Она очень боялась пропустить момент, когда начнутся чудеса.

Только подошли они к Ромашковому лужку, как с дерева раздалось:

— Кар-р-р-а!.. Ка-р-р-ра!

Женя посмотрела вверх и закричала:

—Дедушка! Это же наша Карра! Карра нашлась!

—А погляди-ка получше, Женечка. Может, ещё кого увидишь, — сказал дедушка.

Ой, правда! И Щеглик тут!

Над самыми их головами, на ветке, сидела молодая чёрная галка с красивой серой манишкой. А рядом — маленький щегол с тёмно-красным колечком вокруг клюва, в нарядном кафтанчике, с ярко-жёлтыми узорами на чёрных боках.

Карра от радости раз двадцать подряд повторила своё имя. А Щеглик, закрыв глаза, закатил такую длинную трель, что чуть не задохнулся...

* * *

Да! Ведь вы совершенно ничего не знаете о Кар-ре и Щеглике. Было это так. Прошлой осенью Женя отняла совсем ещё молоденькую галку Карру у Генки Бирюлькина. У Карры была сломана нога, и он хотел бросить её на съедение рыжему коту по имени Пожар.

Когда Женя взяла её, Карра так клюнула в руку, что потекла кровь. Но Женя всё равно её не бросила. Она же не со зла, а от страху клюнула!

Дома Женя с бабушкой надели Карре на нос резиновое колечко, чтоб не клевалась. Отломали от спичечной коробки лучинки, приложили к поломанной ноге и крепко забинтовали — пусть срастается...

А через месяц появился Щеглик. Рано утром посмотрела Женя в окно, а балкон — как стеклянный. Толстый слой льда вырос на перилах, на цементном полу. Даже верёвка для белья стала толстая-толстая и прозрачная, как сосулька. Гололёд.

—Как красиво! — вскрикнула Женя.

—Красиво-то красиво. Да сколько птиц погибнет в эту непогоду, — грустно сказал дедушка. — Весь корм подо льдом. Не достать. Перышки птицам дождь намочил, а мороз льдом сковал. Вот и конец бедняжкам.

Только проговорил он это, как в стекло что-то стукнуло.

Кинулась Женя к окну. За стеклом какой-то пёстренький комочек виднеется. Выскочила она на балкон и принесла замёрзшего, умирающего щеглёнка...

Всю зиму прожили Карра и Щеглик у Жени.

Сначала они почти не понимали друг друга и ссорились. Потом поближе познакомились и подружились. Нога у галки хорошо срослась. Но белую ленточку лейкопластыря на ноге Карра так и не дала снять.

— Это она себе на память оставить хочет, — догадалась Женя. — Тогда мы ещё красивей сделаем.

Взяла Женя тюбик с бронзовой краской и покрасила колечко на ноге галки. Карре золотое колечко так понравилось, что она то и дело косила на него глазом.

Хоть и хорошо было Карре и Щеглику жить у Жени, но когда пришла весна, они затосковали. И Первого мая Женя выпустила их на волю...

А вот теперь они так неожиданно встретились.

* * *

Женя от радости не могла устоять на месте. Её лёгкие, похожие на пушок одуванчика волосы так и взлетали над головой, как воздушное облачко. Она погладила Щеглика по головке. Поправила на груди Карры растрепавшуюся манишку. Рассказала последние новости. Про стрижей и про новую воробьиновую семью, что поселилась под крышей дома. Про кота Пожара, который погнался за удоком и так шлёпнулся с крыши, что чуть не поломал себе все рёбра. Про новую кормушку, что дедушка сделал на балконе.

Карра и Щеглик притихли и с удовольствием позволяли Жене гладить и прихорашивать их перышки.

— Ой, да вы же, наверное, кушать хотите! — спохватилась Женя.

Она мигом достала из карманчика платья кусок белой булки и наскребла чуточку конопляного семени.

— Кушай, Каррочка, булку! Иди сюда, Щеглик! Вот твоя любимая конопля.

Не успели они покончить с завтраком, как прилетели три вороны. Они тяжело опустились на ветку и закаркали.

Должно быть, они кричали что-то очень обидное, потому что Карра так расстроилась, что оставила недоеденную булку и взлетела к ним наверх.

Щеглик склонил головку набок, послушал-послушал, потом бросил свою коноплю и взлетел на помощь Карре.

Ссора наверху всё разгоралась. Маленький Щеглик волновался, взмахивая крылышками, кричал тонким голосом, защищая Карру.

Злая ворона с большущим носом замахнулась, хотела клюнуть его в голову. Но Карра так сердито вскинула крылья, что носатая попятилась.

— Эге! — сказал дедушка. — Пора, кажется, кончать этот разговор. А то дело дойдёт до драки.

Он приложил ладони ко рту и как-то по-особому, по-вороньи, крикнул. Что тут произошло! Вороны с перепугу кудахтнули куриными голосами.

Подскочили вверх, будто в них выстрелили из ружья, и, теряя перья, сквозь ветви деревьев кинулись в разные стороны.

Карра тоже взметнула крыльями. Но дедушка успокоил её.

Женя с восторгом смотрела на него:

—Ты волшебник, дедушка! Что ты им сказал?

—Просто попугал этих задир, — улыбнулся дедушка.— Я крикнул им: «Ястреб летит!» Теперь у них от страха три часа хвосты дрожать будут.

—А о чём они спорили, дедушка? Наверно, про тайну?!

—Конечно, про тайну... Карра и Щеглик хотели рассказать её тебе. А эти...

—А какая тайна, дедушка?

—Какая, Женя, я толком не понял. А вот где она — понял. Нужно идти к Большому Дубу...

—Так идём же скорей, дедушка! — заторопилась Женя. — Карра, Щеглик! Спасибо вам за тайну! Мы идём! До свиданья!

Карра на прощание сказала: «Кр-р-а-ак!» Щеглик пискнул тоненько: «Фью-у-ить-ти!» Они взмахнули крыльями и, довольные, полетели по своим делам.

У БОЛЬШОГО ДУБА

В самом глухом углу рощи Красная Весна рос старый дуб. Все почтительно называли его Большой Дуб. И не даром. Верхушка его качалась так высоко над землёй, что пятиэтажные дома посёлка по ту сторону шоссе с завистью смотрели на него, как на великана. Ветви его раскинулись так широко, что под ними могли бы спрятаться, наверно, все ребята Жениной школы да ещё и соседний детский сад в придачу.

Большой Дуб рос тут с незапамятных времён.

Одни говорили, что Дубу триста лет, другие — все пятьсот!

За свою долгую жизнь Большой Дуб видел много. Мимо него пробегали разные звери, под ним отдыхали многие люди, на его ветви садились всякие птицы... Поэтому Дуб знал языки, на которых говорит всё живое, что ходит, бегают, летает и скачет вокруг него, в Придонской степи.

Много легенд ходило о Дубе. Много загадочных историй рассказывали о нём. Но про одну загадку не знал никто из людей. Знали только птицы. Они щебетали об этом в садах и рощах. Но люди не понимали языка птиц и не обращали на них никакого внимания.

С тех пор как люди живут вокруг, никто не видел ни одного жёлудя Большого Дуба. Но это не удивляло людей. Одни просто не замечали этого, другие замечали и говорили: «Стар стал дуб. Где уж ему желуди иметь!...»

А ведь всё было не так. На самой вершине Большого Дуба раз в десять лет вызревали восемь желудей. Об этом птицы знали. А вот куда они деваются потом — не видел никто.

* * *

Женя с дедушкой обошли всю полянку у Большого Дуба. Но ничего таинственного не обнаружили.

—Отдохнём, внучка, — сказал дедушка.

—Ага, — вздохнув, согласилась Женя.

И они присели на пенёк. Голубые, как у дедушки, глаза Жени стали печальными. Помолчав немного, она сказала:

—А я думала... Если вдруг найдём молодильные яблоки, то дам тебе. Чтоб стал ты молодым-молодым, как мама и папа... А если б скатерть-самобранку, так подарила бы её детям в Индию, которым кушать нечего. А теперь...

—Ничего, внучка. Значит, мы с тобой плохо искали. Может, клад где-нибудь у нас под носом. А мы его не видим.

— А что у меня под носом? — сама у себя спросила Женя и сама же ответила: — Пенёк. А что у пенёка?.. Кустик травы. А что в траве? — Она запустила руку в кустик и вскрикнула: — Ой! Там что-то есть!

Мигом вскочила. Раздвинула траву у пенёка и увидела большую дыру.

— Дупло! — догадалась Женя. — А что в дупле? И вдруг где-то совсем близко закричала кукушка:

«Ку-ку!.. Ку-ку!..» Восемь раз подряд! Умолкла. Потом — опять восемь раз «ку-ку». Помолчала — и снова!

— Вот заладила! — удивилась Женя. — Не остановишь. Некогда мне тебя слушать.

Она осторожно пошарила в дупле и вынула кусок берёзовой коры. Под корой оказалась подушечка из сухого сена. Под сеном слой сухих дубовых листьев. Женя вынула листья, заглянула в дупло и шёпотом попросила:

— Дедушка, у тебя есть спички? Там темно. Чиркнула спичка. Женя смотрела не отрываясь, пока огонёк не погас.

— Ну, что там, Женя? — не вытерпел дедушка.

— Ой, дедушка! Там лежат... жёлуди! Смотри!

Один за другим она вынула и разложила на пенёке восемь желудей и две крошечные чашечки. Четыре жёлудя были большие, длинненькие, а четыре — поменьше. Все крепкие. Красивые. Коричневые.

— Ну вот, — сказал дедушка. — Ты думала — скатерть-самобранка, а оказалось — жёлуди.

— Ну и что ж, дедушка! Они же волшебные! Восемь волшебных желудей... Дедушка, а Кукушка... Почему она восемь раз кричала «ку-ку»? И желудей восемь... Ох ты-ы-ы! Так она же, наверное, знала!

РОЖДЕНИЕ ЖЕЛУДИНО И ЕГО МЛАДШИХ БРАТЬЕВ

Дедушка сосредоточенно курил трубку. Белые кустики бровей шевелились — то сходились вместе, то взлетали вверх. Он думал. А Женя, изредка поглядывая на него, любовалась волшебными желудями. Осторожно гладила их гляцевитую поверхность. Шептала им ласковые слова. Прижимала их к розовому уху и прислушивалась... Когда дедушка выколотил трубку о пенёк, Женя спросила:

—Что же мы будем делать?

—А что ты хочешь?

—Я знаю, дедушка. Я уже придумала. Ты только посмотри! Вот этот маленький желудёк — он же совсем как головка мальчика! Даже шапочка с помпоном и со стрелочкой уже надета. Давай сделаем человечка?!

—Молодец! Хорошо придумала, — улыбнулся дедушка. — Смотри, а вот этот жёлудь — точно его туловище. Даже в штанишках. Теперь только рук и ног не хватает.

Дедушка выложил на пенёк из карманов моточек проволоки, несколько настоящих птичьих перышек, которые подобрал по дороге, коробку спичек, кусочек пластилина и ещё кучу разного добра.

—Ну что ж, желудёвый человечек должен быть сильным, — сказал он. И сделал ему руки и ноги из упругой стальной проволоки в зелёной пластмассовой оболочке. Так что человечек сразу оказался в толстых зелёных чулках.

—Так он же босиком, — сказала Женя. — Разве можно в одних чулках ходить?

—Вот мы ему и сделаем башмачки из этих маленьких желудёвых чашечек, — сказал дедушка. — Такие никакой дождь не промочит.

—А лицо? У него же только голова. А лица ещё совсем нет.

—Сейчас всё будет, — сказал дедушка. Вынул

толстый карандаш и... Раз! Раз!.. — открылись два внимательных глаза под чёрными бровями... Ещё несколько движений дедушкиного карандаша — и из-под шапочки выбились чёрные, задорно торчащие волосы.

—Ой! Какой же он симпатичный получился мальчик! Ну просто настоящий! Как его зовут?

—А ты сама придумай.

Женя наморщила нос, потёрла лоб, светлые брови её сошлись так тесно, что между ними появилась тоненькая морщинка...

—Сразу и не придумывается. Ну, вот... деревянный человечек, все знают, — Буратино. Мальчик-луковка — Чиполлино. А как нашего?..

—А наш не деревянный и не луковый. А желудёвый маленький человечек...

—Ой, дедушка! — взвизгнула в восторге Женя. — Я уже знаю! Знаю! Его зовут ЖЕЛУДИНО. Это значит — желудёвый человечек. Ой, как здорово придумалось. Же-лу-ди-и-но-о! — пропела она по слогам и вдруг замолчала. Ей показалось, что желудёвый человечек улыбнулся и чуть кивнул ей головой.

—Дедушка! Ты ничего не заметил?!

—Нет. А что?

—Желудино... Нет, это мне, наверное, показалось...

—Слушай, Женя, а не перепутают его с Буратино или с Чиполлино? Может, лучше дать другое имя?

—Что ты, дедушка! Вот ни за что не перепутают! Он же не деревянный и не луковый. А прекрасный желудёвый человечек! Желудино! Же-лу-ди-но-о-о! Он будет умный и добрый мальчик. И никогда не будет обижать девочек... Только обязательно — храбрый! Терпеть не могу трусов!.. А кого мы ещё сделаем?

—Видишь, тут вот как раз подходящие два, же-

лудя. Сделаем пёсика. Ведь собака первый и самый верный друг человека. Надо, чтобы у Желудино был настоящий друг.

— Конечно, надо!

Прошло немного времени, и чудесный маленький желудёвый пёс имел уже коричневые бархатные ушки. Светло-серая мягкая шерсть из тополиного пуха, видно, очень ему понравилась. Красный язычок так и норовил высунуться наружу от удовольствия.

Пёс уверенно встал на четыре лапы. А когда у него появился забавный проволочный хвост с завитушкой на конце, никто бы, наверно, не отличил его от настоящего взрослого пса.

— Чур, моя очередь называть! — улыбнулся дедушка, закончив работу. — Этот желудёвый пёс будет называться ЖЕЛУГАВЧИК.

— Ох ты-ы-ы! — Женя захлопала в ладоши. — Вот ты, дедушка! Я бы ни за что так здорово не придумала... Желудино и Желугавчик. Хорошо! Только дальше я опять буду называть. Ладно?!

Весёлый Желугавчик прижался боком к ноге Желудино. И Жене казалось, что они знают друг друга очень-очень давно. И вернее друга, чем Желугавчик, не может быть на всём белом свете.

— А теперь, дедушка, мне очень давно ещё хотелось жеребёнка. Я уже и имя ему придумала, ЖЕЛУРЁНОК. Желудёвый жеребёнок. Правда, красиво?

— Очень!

Желудёвый жеребёнок стал на спичечных ногах рядом с Желудино. Он гордо выгнул шею. Косил глазом на свой длинный хвост из липучки. Приподнял переднюю спичечную ногу с серным копытцем и был готов в любую минуту взбрыкнуть и поскакать галопом куда угодно, хоть на край света.

Осталось всего два жёлудя. Большой и маленький, с острым носиком.

— А из этих выйдет хорошая птица, — решила Женя. И запнулась. — Только как же птица, а сама

такая большая? Почти как лошадь. Как же она полетит? Разве так бывает?

— Не печалься, внучка, — утешил дедушка. — Каких только чудес не бывает на свете! Есть такая птица. И большая, и сильная, и не летает. Страус называется.

— Ну-у-у, разве это интересно? — расстроилась Женя. — Какая же это птица, если летать не умеет?! Никудышная.

— Почему?.. Очень даже хорошая птица. Ну и что ж, что не летает? А ноги у неё знаешь какие длинные да сильные! Тот, кто умеет владеть такими ногами, будет чемпионом по бегу среди птиц, зверей и насекомых. Взрослые страусы обгоняют поезд!

— Ну, тогда хорошо. Пусть будет страусёнок, — согласилась Женя.

Желудёвого страусёнка называли нежно и задорно — ЖЕЛУСТРЁНОК. У страусёнка получились отличные крепкие проволочные ноги с двумя пальцами. На длинной изогнутой шее устроилась небольшая голова с гордо поднятым носом. А тело и крылышки, которые не умеют летать, украсились настоящими чёрными и серыми птичьими перышками.

— Ну вот, — сказал дедушка, — все жёлуди нашли свое настоящее место. Только вот что: как-то неудобно оставлять Желудино с пустыми руками. Нужно ему что-нибудь...

— Знаю! Знаю! — перебила Женя. — Сделай ему маленький лук и стрелы. Все мальчишки же любят стрелять. А дома я сошью ему красный кафтанчик и сделаю серебряную шапочку с золотым помпончиком. А в руки ему дадим знаешь что? Лук! И будет он как настоящий Иван-царевич!

Дедушка порылся в карманах. Но ничего подходящего не нашёл и, вставая, сказал:

— Ты, Женя, пока познакомься с ними хорошенько, поиграй. А я пойду поищу материал на лук и стрелы.

ГЛАВА, В НАЧАЛЕ КОТОРОЙ ЖЕНЯ ГРОМКО СМЕЕТСЯ, А В КОНЦЕ — ГОРЬКО ПЛАЧЕТ

Звонкий смех Жени раздавался на всю поляну. Могучие ветви Большого Дуба ласково кивали ей с высоты и тихонько перешёптывались листвой. Женя играла и разговаривала с желудятами. Но и о деле не забывала. Из синего лоскутка решила сделать для Желудино рубашку. Хватилась — а ниток нет! Одна только коротенькая голубая ниточка в кармане завалялась. Ну, не беда! Женя сшила края лоскутка тонкой медной провололочкой. Ещё как красиво вышло!.. Как на змейках. А вот на рукава материала не хватило.

— Не горюй, — сказала она Желудино. — Сейчас тепло. Походи пока в безрукавке. Вот тебе ещё ни точку голубенькую на шею повяжу — это будет галстук. А когда придём ко мне домой, я сразу сделаю всё, что обещала... Желугавчик, можно, я тебе ушко поправлю? Вот так будет лучше. И шёрстку приглажу. Вот... Тебе я сделаю красивые ошейники. И красный, и синий, и беленький. По воскресеньям буду вешать тебе на грудь золотую медаль... Я такую у одной овчарки знакомой видела. А чем ты хуже? Ничем! Ты ведь добрый и весёлый, мой хороший желудёвый пёсик. Тебе нравится твой хвост? Мне очень нравится! — Женя рассмеялась. — Такой он задорный. С закорючкой. С таким хвостом ого-го! В любую сторону вильнуть можно! В ловитки играть хорошо — ни за что не поймают!..

Всем был хорош страусёнок Желустрёнок. Высокий. Стройный. Но почему-то всё время падал. Женя ставила его на ноги и говорила:

— Желустрёнок, не задирай нос. Смотри под ноги... Да ты не обижайся! Думаешь, я тебе ничего не подарю? Обязательно подарю! Повяжу на шею красную шёлковую ленточку. А на ленточку пришью красивую бусинку. Будешь ты самый нарядный...

Только Женя выпустила его из рук, как Желустрёнок качнулся на длинных ногах туда-сюда и снова упал, ткнувшись носом в пенёк.

— Ах, — сказала Женя, — он ещё совсем маленький, глупенький желудёвый страусёнок. Он ещё и стоять-то на ногах не умеет...

Бедная Женя! Она ни о чём не догадывалась. А если бы знала, то никогда не произнесла бы эти обидные слова...

Жеребёнку Желурёнку Женя расчесала гриву и чуточку подрезала хвост, чтобы не мешал бегать. Поправила ниточную уздечку. А поводья дала в руки Желудино.

— Держи крепче! А то видишь, какой он игрун. Так поскачет, что и не догонишь... А тебе, Желурёнок, я сошью попонку из голубого бархата. Положим на спину. Будет тебе тепло и красиво... — И Женя стала рассказывать желудятам, как хорошо они будут жить вместе:—Вот вернётся дедушка, и мы пойдём в посёлок... Там вы будете жить на втором этаже, в красивой комнате с серебряными обоями. Когда весна и лето, у меня всегда открыта дверь на балкон. Воздух чистый-чистый. С балкона хорошо видно рощу. И Большой Дуб видно! А когда осень и дождь или когда зима и снег, в комнате тепло-тепло, как летом... У меня всю зиму цветёт красный цветок Огонёк. А к окошку прилетают кормиться синички, воробьи и галки. Вам очень хорошо будет жить у меня. Вы ведь хотите?.. Сразу видно, что хотите!.. А ты, Желустрёнок, что отвернулся? Не хочешь?.. Ну тогда...

Женя не договорила. Откуда-то налетел резкий порыв ветра. Колыхнул ветки Большого Дуба. Ослепительный солнечный луч ударил ей прямо в глаза. Женя зажмурилась и закрыла лицо руками. А когда снова открыла глаза... на пенёке никого не было.

— Где вы?! — закричала в испуге Женя. — Желу-

дино-о! Желугавчик! Куда вы все подевались?!— Она обежала вокруг пенька. Разгребала руками траву. Обшарила ближние кусты. Но нигде никого не было. И тогда Женя горько заплакала.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, КОГДА ЖЕНЯ НА МИНУТКУ ЗАЖМУРИЛАСЬ

Всё произошло из-за того, что Желустрёнок зазнался. Три маленьких жёлудя, из которых получились головки Желудино, Желугавчика и Желурёнка, были жёлуди как жёлуди. А четвёртый, тот самый, с остреньким носиком, — был жёлудь-задавака.

Как только он услышал, что будет головкой птицы, так сразу загордился. А когда ещё узнал, что будет страусёнком, а страусы — самые большие птицы на свете и бегают так быстро, что обгоняют поезда, он совсем зазнался. Поэтому, едва встав на ноги, Желустрёнок сразу же заявил Желудино:

—Сейчас я буду обгонять поезда!

И рванулся вперёд. Но ноги не послушались, и он ткнулся носом в пенёк.

Женин дедушка поднял его и поставил на ноги.

—Не спеши, — шепнул страусёнку Желудино.— Вон у Желугавчика целых четыре ноги, и то он никуда не бежит. Нужно пока хотя бы стоять научиться.

—По-ду-у-маешь! А я побегу. Я так хочу!

Желустрёнок снова кинулся бежать, поскользнулся, шлёпнулся на хвост и упал на бок, беспомощно растопылив лапы...

Желустрёнок падал ещё много раз, но когда Женя назвала его маленьким, глупеньким желудёвым страусёнком, он разобиделся и пропищал:

—Не хочу к этой девчонке! Не хочу шёлковую ленточку! Страусы вольные птицы! Я буду жить один!

— Не капризничай, — уговаривал его Желудино. — Ты же леса не знаешь. Ты ещё ничего не знаешь. Ты даже ходить не умеешь. Пропадёшь один.

— Я хочу бегать! Хочу! Хочу! — пищал Желустрёнок. — Вы все меня обижаете. Как только эта противная девчонка отвернётся, я убегу...

Но ничего этого Женя не услышала. Ведь желудята были очень маленькие. Голоса у них были тоненькие-тоненькие. И, кроме того, они говорили шёпотом, да ещё на непонятном для Жени желудёвом языке.

Дальше всё произошло так быстро, что вы бы не успели сосчитать и до трёх. Едва Женя закрылась руками от солнца, как Желустрёнок снова кинулся бежать. Он сделал три длинных, неуклюжих прыжка... и тут вдруг кончился пенёк! Желустрёнок от страха забыл, что страусы не летают, раскинул свои маленькие крылышки и... камнем полетел вниз.

Увидев, как Желустрёнок падает, верный Желугавчик кинулся ему на помощь. Не удержался на краю и упал вслед за ним.

Игривый жеребёнок Желурёнок, которому было всё равно, куда и зачем, лишь бы скакать, не раздумывая кинулся за ними.

А что оставалось делать Желудино! Не мог же он братцев в беде оставить! Он подошёл к краю и храбро прыгнул вниз...

Не забывайте: ведь желудята были очень маленькие. Хорошо вам! Вы — ЛЮДИ. И вы вон какие большие! А представьте себе мир, в который они попали...

Ведь самый высокий из них, страусёнок Желустрёнок, как бы он ни вытягивал шею, едва смог бы достать своим задавашистым носом вам до щиколотки.

Ведь самый маленький из вас казался бы им великаном, больше, чем Гулливер лилипутам.

Ведь маленькая травинка для желудят — дерево. Лужица — озеро или целое море. А пенёк, с которого они упали, — страшно высок, выше, чем два телеграфных столба...

* * *

Давным-давно у пня, что торчит вблизи Большого Дуба, кто-то провертел в земле дыру. А на дыре, как крышка люка, лежал кусочек берёзовой коры. Со временем он оброс зелёным мохом. Точно таким, как на мёртвых корнях старого пня.

Падая, Желустрёнок ударился о край этого люка. Он перевернулся белой стороной вверх, а бедняга исчез в тёмной шахте.

Желугавчик ударился о белую сторону и тоже исчез под землёй. Потом туда же упал Желурёнок и за ним Желудино. А кусок коры перевернулся в четвёртый раз и стал опять как ни в чём не бывало зелёной стороной кверху.

И никто, даже самый хитрый следопыт, не нашёл бы входа в тёмное подземелье, которое скрыл кусок берёзовой коры, поросший мохом.

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Первым пришёл в себя Желудино:

—Эй! — крикнул он. — Здесь есть кто живой?

—Я живой! — тотчас отозвался Желугавчик.

—И я! — отозвался Желурёнок.

—А где Желустрёнок?

—Мы не видали! — в один голос ответили пёс и жеребёнок.

—Эх, какой же я несчастный! — заплакал Желудино. — Это я во всём виноват. Не сумел уговорить Желустрёнка не бегать!

—Нет, это я виноват, — заскулил Желугавчик. — Я не успел поймать его за хвост.

—Нет, братцы, виноват я! — жалобно заржал жеребёнок. — Я стоял рядом и не сумел его догнать.

Погоревали они немножко. Но слезами горю не поможешь. Надо что-то делать.

—А где вы? — спросил Желудино.

—Я здесь. На мне кто-то сидит, — ответил Желурёнок.

—И я здесь. На мне тоже кто-то сидит, откликнулся Желугавчик.

—Ну так давайте вставать, — сказал Желудино.

—Давайте! — согласился жеребёнок. — Только я не могу. У меня ноги перепутались. Что-то их много стало! Сейчас посчитаю. Так... Две ноги сверху, на спине... И десять ног снизу. Как же это?

—Подожди. Я подумаю, как быть, — сказал Желудино и стал думать...

Не удивляйтесь, ребята. Задача для них очень трудная. Ведь они-то все желудёвые. А мозги у них в головах — дубовые. Да и живут они на свете всего первый день.

Долго стояла тишина. Наконец Желудино радостно вскрикнул:

—Придумал! Я ведь свои ноги знаю! Их две. И они в башмаках. Я их заберу и отойду назад. Ты,

Желурёнок, выбирай свои четыре, с копытцами. И отходи в сторону. А ты, Желугавчик, с остальными оставайся на месте.

Так они и сделали.

— Вот хорошо получилось! — заржал Желурёнок. — Все мои четыре с копытцами. Одинаковенькие!

— Тебе-то хорошо, — протявкали Желугавчик. — А мне что делать на шести ногах? Да ещё из них две такие длиннющие. Не хочу шесть! Мне и четырёх хватит. Вот я сейчас как укушу их! Гав!

— Ой! Ой! Не кусайте бедные ножки мёртвого Желустрёнка! — пропищал кто-то в темноте Желустрёнковым голосом.

— Желустрёнок! Желустрёнок нашёлся! Желустрёнок живой! — радостно закричали братья. — А почему ты молчал?

— Я думал, что я умер. Я же ничего не вижу.

— Глупыш, — успокоил его Желудино. — Мы то же ничего не видим. И всё равно мы живые. И ты живой! Понял?!

— Вот хорошо! — обрадовался Желустрёнок. — А то мне совсем не хочется быть мёртвым. Это очень...очень скучно... Лучше я буду бегать и обгонять поезда!...

* * *

Долго шли они в темноте, натываясь на холодные стены. Подземные коридоры то опускались вниз, то поднимались вверх, то вдруг разветвлялись и поворачивали в разные стороны. Иногда желудята проходили под трубой, которая шла прямо вверх. Они подолгу стояли и смотрели со дна глубокого колодца туда, вверх, где было голубое небо и солнце, где росли травы и цвели цветы. Вдыхали и искоса поглядывали на Желустрёнка. Лучше бы он был не страусёнком, а хоть самой маленькой птичкой, лишь бы умел летать. Вылетел бы на волю, разыскал Женю и

дедушку. А уж они-то быстро выручили бы желудят из страшного подземелья.

— Ну, хватит вздыхать, — говорил Желудино. — Всему когда-то бывает конец, — и мужественно шагнул в темноту.

И опять, выбиваясь из сил, кружили они по подземному лабиринту. Никто не знал, сколько прошло времени. Час? День? Год?..

Теперь Желустрёлка с обеих сторон поддерживали под крылышки Желурёнок и Желугавчик. Потому что у гордой птицы от страха дрожал хвост, а ноги подкашивались и отказывались идти.

На одном крутом повороте Желудино потерял шапочку, а потом, спустя много времени, шапочка опять попалась ему под ноги...

Что же это значит? Желудино стал рассуждать вслух:

— Эта шапочка моя. Потому что ни у кого нет такого красивого помпона и стрелки, похожей на пёрышко... У шапочки нет ног. А у меня есть ноги. Значит, она ходить не умеет, а я — умею. Значит, не она меня нашла, а я её нашёл. — Он долго чесал себе затылок, похлопывал по темени, чтобы голова быстрее соображала. — Тогда что же это выходит?..

Мы всё время шли вперёд, а пришли... назад?.. Нет. Я не хочу так: идти вперёд, чтобы приходить назад!

—Правильно! — закричали остальные. — Нам не надо назад! Нам нужно вперёд, к солнышку!

—Братцы, — решил Желудино. — Мы сейчас пойдём назад, чтобы прийти вперёд. А шапочка пусть полежит здесь. Мне и так жарко. Весь лоб вспотел от мыслей.

Они отдохнули немного и повернули назад. Шли, шли и опять пришли... к шапочке.

—Что такое?! — закричал Желудино. — Теперь мы шли назад и пришли опять назад! Ничего не понимаю... Давайте лучше ляжем спать.

Все согласились, потому что еле держались на ногах.

* * *

Проснулись они от яростного лая Желугавчика.

— Что случилось?! — вскочил Желудино.

—Кто-то лезет и сопит, — объяснил Желугавчик.

—Приготовиться к бою! — скомандовал Желудино и грозно крикнул в темноту: — Эй! Кто ты? Что тут делаешь?!

Сопение прекратилось, и они услышали ворчливый голос:

—Это очень невежливо... с вашей стороны, незнакомец. Только очень молодой и невоспитанный э-э-э... может так грубо задавать вопросы... хозяину. Гм... гм... Ну что ж, от вас врагом не пахнет. Отрекомендуюсь первым. Я Крот. А это мои владения. Правда, теперь я живу в другой квартире. Но сюда наведываюсь по старой памяти... А кто вы, незнакомец?

—Извините, пожалуйста. Я не хотел вас обидеть. Мы это... только родились и сразу провалились это... то есть в эту дыру. Я Желудино. А это мои братцы.

—О! Тогда совсем другое дело! — подобревшим

голосом ответил Крот и протянул лапу: — Будем знакомы.

Желудино обеими руками пожал широкую мозолистую лапу Крота и попросил:

— Уважаемый Крот, покажите, пожалуйста, нам дорогу наверх.

— Зачем? — удивился Крот. — Тут ведь так уютно. А наверху вас ждут тысячи опасностей. Погостите. Я сейчас принесу вам что-нибудь на ужин.

— Спасибо. Но мы очень спешим. Наверху нас ждут друзья.

— Жаль... Я бы познакомил вас со своей женой и с младшим сыном... Нет?.. Ну что ж, — вздохнул Крот. — Тогда, чтобы вам далеко не ходить, я пророю выход прямо здесь.

Крот сильными, широкими, как лопаты, передними лапами стал так ловко копать землю, что вскоре показались корни, потом зелёная трава, и в нору хлынул яркий дневной свет.

Бледные, смертельно уставшие желудята выбрались наверх.

Крот помахал им лапой и сказал:

— Запомните этот выход у Старого Мухомора. Я только прикрою его листьями. Может, он вам ещё пригодится. До свидания...

ЧТО БЫВАЕТ, ЕСЛИ ПЕС ТЕРЯЕТ ВЕРУ В СВОЙ НОС

Едва Крот скрылся в норе, Желудино скомандовал:

— Вперёд, друзья! Айда к Большому Дубу!

— Бяф! Я готов! — сказал Желугавчик и поднял хвост саблей.

— И-го-го! И я готов! — отозвался Желурёнок, топнув копытцем.

— А где же наш младший братец? — спросил Желудино, поглядев вокруг. — Опять пропал?

Кинулись искать страусёнка. Смотрят, а он лежит в

траве и сладко носом посапывает. Его тормозили за перышки, щекотали под мышками. Он брыкался и пищал жалобно:

— Я спать хочу! Не мешайте мне спать. Спа-а-а-ать...

Кое-как поставили его на ноги. Покачиваясь из стороны в сторону, Желустрёнок с минуту сохранял равновесие, а потом снова упал боком на траву, так и не открыв глаза.

— Давайте я понесу его, — предложил Желугавчик.

Желудино взгромоздил страусёнка ему на спину, и они тронулись. Но длинные лапы птенца волочились по земле, путались в траве. Пёс старался изо всех сил. Бархатные ушки его от усталости повисли, как тряпочки.

— Стоп! — сказал Желудино. — Ты, Желугавчик, сделал всё, что мог. Иди сюда, Желурёнок. Ведь ты всё-таки лошадь. Подставляй спину!

Теперь дело пошло лучше. Желурёнок вёз на себе страусёнка. Желудино шёл впереди и показывал дорогу. А проворный Желугавчик забежал то справа, то слева и выпутывал из травы то растопыренные лапы Желустрёнка, то его длинную шею.

Когда они добрались до полянки у Большого Дуба, Желудино по обрывкам коры вскарабкался на пенёк и с высоты оглядел лес. Нигде никого не было.

Желугавчик обнюхал вокруг каждую травинку и гордо заявил:

— Клянусь собачьим чутьём! Не больше двух часов назад Жень была здесь! Следы совсем свежие!

— Прекрасно! — воскликнул Желудино. — Выходит, мы потерялись всего два часа назад! Жень нас ищет!

— Да... да... — смущённо ответил Желугавчик. — Но я вынюхал не только сегодняшние следы Жени...

— А какие же ещё? — удивился Желудино.

—Тут есть ещё вчерашние, позавчерашние и... позапозавчерашние следы.

—Ер-рун-да! — сказал Желудино. — Ты же знаешь, что Женя никогда раньше не была на полянке у Большого Дуба!

—Правда. Не была, — согласился Желугавчик. — Женя не была... а следы вот есть. Это говорит мой нос... И вчерашние и поза...

—Ер-рун-да! — отрезал Желудино. — Твой нос тебя обманывает. Как же ты будешь жить, если нос у тебя такой обманщик?

—Не знаю, братец, — жалобно заскулил Желугавчик. — Если пса обманывает нос, то какой же это пёс?.. И зачем мне нужен нос-обманщик... Лучше бы у меня его совсем не было... Лучше бы его съели дикие звери...

—Ну-ну, Желугавчик! Не плачь. Давай отдохнём. А потом что-нибудь придумаем.

На краю полянки, под большим лопухом с двумя рыжими пятнышками, похожими на круглые глазки, Желудино отыскал чудесное место для ночлега.

—Это будет наша хижина! — объявил он.

Желугавчик и Желурёнок помогли старшему брату расчистить площадку от камней и колючек, устелить её пахучими листиками мяты.

Едва перенесли под навес Желустрёнка, как все сразу захотели спать. Из рта Желурёнка вывалился пучок недожёванной травы — он так и заснул стоя. Желудино заснул в тот же миг, как щека его коснулась мятной подушки. А Желугавчик долго ворочался. В наказание он уткнул свой провинившийся нос не в мягкие листики мяты, а в колючий прошлогодний репей. Нос не жаловался, не просил прощения, но всё время ворочался, вздрагивал, чихал и не давал Желугавчику покоя. Потом нос изловчился, засунул репей под мягкие листики, засопел довольно, и Желугавчик уснул.

* * *

Женя была в отчаянии. Три дня подряд она ходила в рощу Красная Весна искать желудят. Спрашивала у Карры и Щеглика. Спрашивала Кукушку, что живёт в часах. Но и они ничего не знали.

— Не горюй, доченька, — утешал её папа. — Завтра я еду в командировку и привезу тебе хоть сто желудей! Хочешь?

— Нет, папа... таких желудей нет нигде на свете. Они же волшебные! И желудята настоящие, живые. Они сами убежали от меня. Наверно, я их обидела нечаянно...

Пошла Женя в рощу и на четвёртый день. Печальная ходила по полянке у Большого Дуба. Присела на пенёк, где в тот день играла с желудятами. Стала звать их:

— Желу-ди-и-но-о!.. Желугав-чи-ик!.. Где вы-ы?! Но ей откликалось только лесное эхо:

«О-о-о!.. И-и-и!.. Ы-ы-ы!..»

Постояла Женя на краю поляны у большого лопуха с двумя ржавыми пятнышками, похожими на круглые глазки, и заплакала. Две слезинки скатились по щекам и ударили в широкий лопушиный лист, как в барабан: бум! бум! Даже под листом что-то зашелестело. И тут на кусте жёлтой акации закричал воробей:

— Чик!.. Чик!.. Чик!..

— Понимаю, — вздохнула Женя. — Тебя зовут Чик. А вот где мой Желудино?

— Жив! — весело ответил воробей Чик.

— Правда?! — обрадовалась Женя.

— Жив! Жив! — повторил он и склонил головку набок.

— И Желугавчик жив?

— Жив!

— А Желурёнок? Желустрёнок? — допытывалась Женя.

— Жив! Жив! — подтвердил воробей, напомнил

ещё раз, что его зовут Чик, и вспорхнул с ветки.

—Спасибо, Чик! — крикнула ему вслед Женя. Сняла туфельки и, пританцовывая от радости, побежала босиком по мягкой траве. Ногам так хорошо. Приятно.

«Вот дедушка обрадуется, когда узнает!» — думала она.

И вдруг — ой! Будто огнём обожгло. Женя схватилась за ногу, а кровь так и потекла. Осколок разбитой кем-то бутылки, как ножом, рассек пятку. Больно!

Женя крепко-крепко перевязала ногу носовым платком. Поплакала немножко и кое-как похромала домой.

Дедушка ещё издали увидал её с балкона, встревоженный, сбегал вниз. Узнав, что случилось, тотчас подхватил её на руки и отнёс в поликлинику. Там строгий доктор-хирург остановил кровь, стянул рану металлическими скобками и велел целую неделю не наступать на ногу...

* * *

Желугавчику снился хороший сон. Про Женю. Но сон перебили. Сначала стал вертеться и приныкиваться нос.

—Вставай! Женя близко. Вставай! — шептал нос.

Но Желугавчик даже во сне не верил своему носу. Он так глубоко вдавил его в траву, что до носа уже не долетали никакие запахи.

Потом зашевелились, встали торчком уши:

—Проснись! Мы слышим Женин голос... Проснись!

—У-у-у,—заскулил Желугавчик, —и вы, ушки, сговорились с этим обманщиком носом!.. Как же я теперь буду жить, если у меня и уши обманщики?! — И он так плотно прижал уши лапами, что в них слышался только звон.

И тут задёргалось веко. Приоткрылся левый глаз.

Желугавчика будто кольнуло в самое сердце:

— Вставай! Вставай! Прямо перед собой я вижу Женины ножки в красных туфельках! Скорей! Они ухо...

— О-о-о! Горе мне, — пуще прежнего заскулил Желугавчик. — Все от меня отказались! Все меня обманывают! Какой же я пёс?! Я умру от позора!..

Он так плотно зажмурил глаза, что в них замелькали красные, зелёные и жёлтые круги...

Но сколько же можно лежать так, с уткнутом в землю носом, закрытыми ушами и плотно зажмуренными глазами?! Какой это пёс выдержит?.. И всё равно хороший сон про Женю уже не возвращался. Желугавчик приподнял голову и только хотел потянуться и зевнуть, как трёхголосый крик, будто пружиной, подбросил его вверх и поставил на ноги.

— Женя!.. Женя!.. Женя была здесь! — разом кричали и глаза, и нос, и уши. — Смотри! Слушай! Нюхай! Мы говорим правду!

— Это нечестно! — рассердился Желугавчик. — Трое на одного. Кричите, пожалуйста, по очереди.

Но пока он это говорил, ноги сами уже вынесли его из-под лопуха. На полянке, среди старых следов, он сразу увидел новые. Вот полукруглые ямки — ведь это следы от каблуков Жениных туфелек! Они пахнут Женей!..

У Желугавчика вмиг пересохло горло. Пить!.. На листе лопуха он увидел две большие капли. Лизнул одну да так и сел на хвост от удивления. Капля была солёная!.. Значит, это не росинка?!

Он затеребил спящего Желудино за безрукавку:

— Вставай, братец! Вставай!

Желудино спросонья ничего не мог понять. Но когда Желугавчик в третий раз рассказал ему про всё, Желудино вскочил с постели. Он тоже лизнул каплю и наморщил лоб:

—Солёная?!.. Но солёная роса не бывает — это раз. Солёные бывают только суп и слёзы — это два. Но это не суп! Потому что в нём нет картошки и лука... Значит, это слёзы? Женины слёзы?! — Он хлопал себя по темени и закричал:—Ой!Ой! Постой! Постой! Что же это получается?.. Женя никогда до этого не была у Большого Дуба. А Женины слёзы есть! И Женины следы есть! И вчерашние — есть, и позавчерашние, и даже позапозавчерашние — тоже есть.

При каждом «поза...» Желудино загибал по одному пальцу. Загнул три. Внимательно посмотрел на них со всех сторон и вдруг обрадовался:

—Желугавчик! Значит, твой нос не обманщик! А обманщик знаешь кто?.. Кротовый лабиринт. Мы пробыли в нём целых три «поза». То есть я хотел сказать: три дня. А думали, что — один. Потому что под землёй солнышка нет! Женя четвёртый день нас ищет. И никуда мы с этой полянки не уйдём!

**О ТОМ, КАК ЖЕЛУСТРЁНОК УЧИТСЯ ХОДИТЬ,
А ЖЕЛУГАВЧИК УЗНАЁТ,
ЧТО ЛАЯТЬ НА ВСЕХ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО**

Проспав день и ночь подряд, Желустрёнок разбудил всех ранним утром:

— Вставайте, сони! Уже солнышко встало. И я встал. А вы ещё спите.

Все рассмеялись. А Желустрёнок обиделся:

— Я не люблю, когда надо мной смеются!

Ему рассказали, как он заснул у выхода из подземелья, как его везли. Но он ничему не верил:

— Неправда! Мы, страусы, выносливые птицы! Я докажу. Я вот сейчас как побегу...

— Стой! — строго сказал Желудино. — Никуда ты не побежишь, хвастунишка. Сейчас ты умоешься росой, а потом будешь учиться ходить. Тебя, Желугавчик, назначаю инструктором. И чтоб к приходу Жени он хоть стоять умел как следует. Понял?

На ровной лужайке, между кустами жёлтой акации, Желустрёнок под присмотром Желугавчика учился ходить. Пока Желустрёнок стоял, его неуклюжие длинные ноги вели себя прилично. Но стоило только сдвинуться с места, как они тотчас показывали свой вздорный нрав. То правая нога не хотела пропускать вперёд себя левую, и Желустрёнок падал носом в траву. То левая, в отместку, наступала на правую, и страусёнок вновь оказывался на земле.

Желугавчик охрип, подавая советы. Маленькие беспомощные крылышки Желустрёнка растопырились. Длинные чёрные перья хвоста дрожали. Гордая голова на длинной шее опустилась к земле, чтобы не так далеко было падать. Он уже не кричал больше, что будет обгонять поезда.

Только к полудню, пристально наблюдая за ногами, Желустрёнок сумел пройти всю лужайку от конца до конца.

— Молодец! — похвалил Желугавчик. — Теперь учись ходить, не глядя на ноги. Глаза тебе для другого нужны.

Страусёнок старался изо всех сил. Но как только он переставал следить за ногами, они запутывались в узел и Желустрёнок снова падал.

Окончив занятия, охрипший Желугавчик поплёлся к стройному растению ласковцу, которое казалось ему высоченным деревом. На макушке ласковца качались желтоватые зонтики цветов, а на прямой, как шпага, стебель были нанизаны округлые листья, похожие на сизо-зелёные чашечки.

Нижний листик-чашечку Желудино назвал кувшинчиком, потому что за ночь он чуть не до краёв наполнялся чудесной росой.

Став на задние лапы, Желугавчик дотянулся до кувшинчика и напился всласть. Потом, чуть отдохнув под лопухом, стал носиться по полянке и облаивать всех, кто попадался ему на глаза. Букашки, жучки, кузнечики удирали от него во все лопатки. Испуганные мотыльки и бабочки шарахались в стороны, теряя пыльцу с крыльев. И вдруг из рожи вышел большущий чёрный Жук-Носорог, грозно повёл усами и сказал сердито:

—Ты чего шум поднял?!

—А кто ты такой?.. Я и тебя облаю!

—Лаять на врагов нужно! А ты всех распугал. Стыдно, брат!

—Разве они не враги? — удивился Желугавчик. — Я же их не знаю, потому и лаю!

—Эх ты... Даже врагов от друзей отличить не можешь. Совсем глупый, — презрительно проворчал Жук и ушёл в чашу.

А Желугавчик от удивления и обиды смолк. На кого нужно лаять и на кого не нужно, он не знал. И теперь терялся в догадках.

Но раздумывать долго он не любил. «Нужно узнавать врагов по запаху!» — решил Желугавчик и принялся обнюхивать всё подряд: цветы, жуков, кусты и травы... Любопытный нос с разгону ткнулся в красивые ярко-зелёные листья крапивы. И тотчас будто сотни горячих иголок вонзились в него.

Желугавчик заскулил, заплакал, катался по земле от нестерпимой боли и тёр лапами нос, пытаясь выдрать эти горячие иголки.

Братья окружили его, жалели, но не знали, чем помочь.

Желугавчик случайно ткнулся в прохладный сочный лист подорожника и... замолк—боль понемногу утихала.

—Хор-р-роший подор-рожник... Хор-роший, — тихонько скулил он, — а кр-рапива плох-хая... горячая...

И тут откуда ни возьмись — Муха-Жигалка.

«Какая красивенькая,—подумал Желугавчик.— Сама рябенькая, а глазки красные... Наверно, она услышала, как я плачу, и хочет меня пожалеть...»

И только он успел так подумать, Муха-Жигалка спикировала на нос да как укусит!

У Желугавчика аж в глазах потемнело. Он вскочил, залаял, прыгнул, щёлкнув зубами. Но муха не унималась, кружила над ним и всё норовила жигануть в больной нос.

Желугавчик испугался, поджал хвост, хотел уже бежать, спрятаться в траве. И тут над головой, шелестя большими прозрачными крыльями с красными прожилками, вытаращив страшные глазища, появилась Стрекоза.

—Ой! Теперь я пропал! Она закусает меня до смерти! — в ужасе завизжал Желугавчик.

Но Стрекоза бросилась вперёд, на лету схватила злую муху сильными лапами, вцепилась в неё острыми зубами... и улетела.

—Ох ты-ы-ы! — у Желугавчика от удивления даже язык вывалился. — Я думал, она меня... А она совсем наоборот... Хорошая!..

НАПАДЕНИЕ НА ХИЖИНУ

Они проснулись одновременно. Вскочили на ноги. В серой предрассветной мгле происходило что-то страшное.

Земля под ногами дрожала и качалась.

Желудята с ужасом смотрели на середину хижины. На ровном, утоптанном полу появились трещины. Земля зашевелилась, вспучилась, поднялась бугром. Из середины высунулась страшная чёрно-бурая голова. Она покрутилась, оглядываясь вокруг, и наружу, извиваясь, кольцо за кольцом, стало выползать громадное чудовище...

Надо было бежать! Немедленно! Но желудята оцепенели от страха — не могли сдвинуться с места.

И всё же храброе сердце Желудино пересилило страх.

— Желудята-а! — крикнул он. — За мной! Бегом!..

Желустрёнок, Желугавчик и Желурёнок очнулись и со всех ног кинулись из хижины за старшим братом.

Добежав до Старого Мухомора, Желудино велел братьям залезть в лабиринт Крота, прикрыл вход листьями и приказал:

— Сидите тут до тех пор, пока я сам не приду за вами!..

* * *

Печальный, шёл он по лесу и думал: «Как же выгнать чудовище? Ведь у меня нет никакого оружия... Эх, если бы Женин дедушка успел сделать мне лук и стрелы...»

И вдруг он увидел огромное дерево, на стволе которого, как копья, торчали во все стороны большие колючки.

Желудино попытался оторвать одну, но его сильные стальные руки не могли даже согнуть колючку. Он чуть не заплакал с досады и тут услышал, как высоко над головой зашептали листья:

—Шшш-шшш... Зачем тебе нужны мои колючки, маленький человечек?.. Кто ты?

—Я сын Большого Дуба, Желудино. Нас с братьями выгнало из хижины страшное чудовище. А я безоружен...

—Шшш... Шшш... Бер-р-ри-и, Ж-ж-жел-луд-дино, са-а-амую ос-ст-р-р-у-ю, сам-мую кр-репкую... Защищай свой дом... Пер-редай поклон Больш-ш-ому Дубу от стар-рой Гледичии.

Желудино облюбывал себе длинную колючку. Едва притронулся, как она сама отделилась от дерева. Желудино повертел её и так и этак. Вот это оружие! Настоящая шпага! Крепкая, как железо. Острая, как игла. Удобная, гладкая рукоятка будто специально сделана по его руке.

—Спасибо, добрая Гледичия! Спасибо!

—Шшш, — довольно прошелестела Гледичия. — Иди-и-и, Жел-лу-д-дино, и храбро бейся с вр-рагом...

* * *

— Ты, гадкое чудовище! — крикнул он на пороге своей хижины. — Я, Желудино, сын Большого Дуба, не боюсь тебя! Защищайся! — и кинулся вперёд.

Но едва кончик шпаги коснулся головы чудовища, как оно распласталось на полу и взмолилось:

— Не убивай меня, Желудино! Я никому не причинял вреда. Я только рою ходы в земле, и от этого становится легче дышать и Большому Дубу, и кустам, и травам... Я не виноват, что вырос такой большой и испугал твоих братьев... Ведь я только слепой несчастный Дождевой Червяк... Прикажи — и я уйду так глубоко в землю, что вы меня никогда больше не увидите.

Сердце Желудино горело отвагой. Но оно было ещё и добрым. Ему жаль стало несчастного слепого Дождевого Червяка. И стыдно за свой страх перед ним.

— Ладно. Я не трону тебя, — пробормотал он смущённо. — Уходи...

Обрадованный червяк быстро-быстро задвигал кольцами и, едва перейдя порог хижины, ввинтился носом в землю...

Прошло совсем немного времени, и там, где лежал червяк, осталась только дырочка. Желудино заровнял землю башмаком, сунул шпагу за пояс и задумался: «Как нехорошо всё получилось!.. Ну, Же-лугавчику ещё простительно не знать, кто его друг и кто враг. Он совсем молодой и глупый пёс... Но ведь я ЧЕЛОВЕЧЕК!.. А безобидного, слепого Дождевого Червяка принял за страшное чудовище... Ой, как стыдно!..»

ГОДОВЫЕ КОЛЬЦА ВЕЛИКОГО ДУБА

Братья выскочили из лабиринта Крота, окружили Желудино, щупали шпагу, прыгали, кричали от радости:

— Ура-а-а! Желудино великий воин!.. Он победил страшное чудовище!.. Теперь нам никто не страшен!..

Всю дорогу домой они скакали, резвились и допытывались у старшего брата, как он победил чудовище. Желудино хмурился, уклонялся от ответа, а потом честно сказал:

—Дождевой Червяк сам ушёл из хижины и спрятался в землю.

Но они не поверили и развеселились ещё больше.

—Победа! Победа! — плясали в восторге братцы.— Наш Желудино самый смелый!.. Самый сильный!.. Самый умный!..

От этих похвал честное сердце Желудино заныло ещё больше. «Какой же я умный?.. Я так мало знаю! А они совсем глупенькие. Их всякий обмануть может. Они могут погибнуть от своего невежества!.. — И Желудино принял решение: — Посоветуюсь с Большим Дубом!»

* * *

Выслушав его, Большой Дуб одобрительно закивал вершиной, прошелестел:

—Х-х-хор-р-рошо, сын мой. Хор-рош-шо-о, что ты сам захотел учиться... Иди в чащу прямо на восход солнца. Там скрыт бесценный клад — пенё моего дедушки, Великого Дуба. Он был самым мудрым дубом на белом свете и прожил тысячу лет!..Прочти его годовые кольца, и ты станешь умным...умным...

—Как же я их пойму? Я ведь ещё читать не умею!

—Не гор-рю-у-уй, — ответил Большой Дуб. — Первое — нужно очень сильно захотеть!.. Но главное — нужно иметь волю и тер-р-пе-ение... Терпение... Тогда тебе поможет шапочка с помпоном и стрелкой, похожей на перышко. Шапочка эта волшебная. Стоит повернуть её стрелкой вперёд, и ты поймёшь языки всех живых, которые когда-либо прыгали, ползали, бегали или летали под ветвями Великого Дуба. Поймёшь Книгу Жизни, которую он написал на своём пне... Знания живут вечно... вечно., вечно.,

* * *

Когда Желудино рассказал обо всём братьям, они обрадовались и побежали с ним вместе в чашу — учиться, как стать умными. Помогали Желудино оттащить ветки и листья, снять зелёный мох с Великого Пня... Но когда открылась, наконец, его ровная поверхность, испещрённая загадочными извилистыми письменами годовых колец, нетерпеливые желудята уже устали.

Желустрёнок ткнулся носом в самую сердцевину Великого Пня и пропищал:

—И что тут интересного? Пахнет просто старым-престарым дубом. Я уже уморился, а ничему не научился... Лучше я буду учиться обгонять кузнечика Прыгуна!

Желурёнок процокал копытцами от края до края Великого Пня, посмотрел вниз и попятился:

—Я прошёл его весь и ничего не понял... И даже на самом краю не интересно, а просто страшно. Можно сорваться и поломать себе ноги. Лучше я побегу играть с маленькой хорошенькой гусеницей Канальей.

Верный Желугавчик хотел остаться, но Желудино приказал:

—Беги за младшими братьями! Да смотри, чтобы с ними ничего не случилось.

Когда Желугавчик убежал, Желудино подошёл к старому пню.

«Начну с большого кольца,— решил он,— и сразу узнаю всё самое главное». Желудино повернул шапочку стрелкой вперёд и приступил к делу. Читал, читал — так ничего и не понял. Слова есть, а что они означают — непонятно.

Тогда он стал читать с середины... Но и в средних кольцах были сплошь незнакомые слова:

«...Там, где над моей вершиной светит ночью яркая Полярная Звезда, — там Север... Оттуда при-

ходит Зима... Страшная Зима с Морозом и Снегом...»

— Какой такой снег? И что такое Зима?... Почему она Страшная? Что она делает? Летает или ползает? — сердился Желудино. — Вот попробую ещё самое маленькое колечко. И если ничего не пойму, то скажу Большому Дубу, что или я дурак, или Великий Пень никуда не годится.

Но, начав с самого маленького, первого кольца, Желудино обрадовался:

— Вот это то, что мне нужно! «Лучшие друзья всех Живых — Солнце, Вода и Чистый Воздух!» — прочёл он. — Правильно! Я тоже люблю солнышко! А дальше что?..

Вскоре он узнал, что «злейшие враги дубов — Долгоносики, Плодожорки, Свиньи...» и что «хоть зелёная бабочка Листовёртка и говорит, что не ест листьев дуба... но от неё рождаются прожорливые гусеницы...».

— Вот обманщица! — возмутился Желудино. — Ну, уж теперь дудки! Плодожорке и гусенице я ввек не поверю... Надо сказать Желурёнку, чтобы он никогда больше не играл со своей новой знакомой гусеницей Канальей...

Хотя Желудино прилежно занимался до самого вечера, он успел пройти только крохотный кусочек самого маленького кольца...

Но он упрямо продолжал занятия день за днём и узнавал всё больше и больше интересного и удивительного.

А Желустрёнок с Желурёнком под присмотром Желугавчика жили в своё удовольствие: играли, бегали с утра до вечера. И потихоньку посмеивались над старшим братом.

— Хи-хи! — пищал Желустрёнок. — И чего он всё учится?! Я и так всё знаю! Это — трава. В кувшинчике — вода. Вверху — солнышко. Больше мне ничего и знать не надо. Пусть лучше учатся мои ножки! Чтоб умели бегать быстрее всех...

Несколько раз прибегал Желугавчик и уговаривал:

— Старший брат, может, довольно это... учиться? Ты похудел. У тебя на лбу морщинка! Пойдём поиграем!..

Желудино и самому хотелось побегать с братцами. Вокруг так хорошо! Солнышко светит. Птицы поют. Все живые суеются, радуются... Терпел-терпел он и не выдержал:

— Хватит. Я уже целых три круга прошёл! Теперь я сам вас учить буду. Вот тут под кустиком будет школа...

— Не хочу в школу! — закапризничал Желустрёнок. — Я хочу играть!

— Все будем играть, — сказал Желудино. — Я тоже хочу. Но сначала будем учиться. Всё! Дубово!

И Желустрёнок смолк. Все знали: если уж Желудино сказал: «Дубово!» — так от своего ни за что не отступится.

Каждый день после завтрака Желудино принимался учить братцев разным наукам. Прилежнее всех оказался Желугавчик. Ему очень хотелось поскорее стать умным. Желустрёнок упрямылся. По утрам никак не хотел вставать. На занятиях то клевал носом, то без конца болтал с Желурёнком. И всем своим знакомым жаловался:

— Самая непонятная на свете наука — арифметика!..

* * *

Через несколько дней Желудино устроил контрольную.

— Ну вот, — сказал он, — проверим, как мы умеем решать задачи на прибавление. Скажи, Желустрёнок, сколько будет, если взять лепесток...

— Чего лепесток?! — выкрикнул страусёнок.

— Не перебивай меня. Лепесток сирени... Так вот что получится, если взять лепесток и приба-

вить к нему лепесток, лепесток и ещё лепесток?

—Куча лепестков! — гордо вскинув голову, ответил Желустрёнок.

—Пригни голову ниже. Я же говорил тебе, что, когда ты её задираешь так высоко, она у тебя хуже работает. Ну, посчитай ещё разок. Не торопись.

Желустрёнок стал по одному отрывать лепестки у цветка сирени и бросать их в кучу на пол.

—Всё равно. Получилась куча лепестков! — упрямо повторил он.

—Неправильно получилась куча, — грустно сказал Желудино. — Тогда ответь ты, Желурёнок.

—Ыгы-ыгы-гы! — невнятно проржал Желурёнок.

—Опять ты ешь на уроке.

Желурёнок поспешно выплюнул клочок недожёванной травы и, заикаясь, тихо ответил:

—Н-н... не зн-на-а-аю...

—Ййй-ааа! — подал голос Желугавчик, вертя хвостом от нетерпения.

—Ну, ответь ты, дружок, — ласково сказал Желудино.

—Авва-ва, авву-ву! — обрадовался Желугавчик. — Если взять лепесток и прибавить лепесток, и ещё лепесток, и опять лепесток... Это будет, мой учитель, замечательный сиреневый цветок! Целенький! Бяф!

—Молодец, Желугавчик! Правильно... А ты, Желустрёнок, поторопился и опять всё перепутал: вместо прибавления сделал отрывание...

ПОЧЕМУ ЖЕЛУГАВЧИК ПРИБЕЖАЛ ПЕРВЫМ!

День шёл за днём, а Женя на полянке у Большого Дуба так и не появилась. Желудята приуныли.

Желудино, сняв шапочку, подолгу тёр руками голову — думал.

—Ага! — наконец решил он. — Раз Женя не

идёт к нам, тогда мы пойдём к ней. А сейчас, братцы, проверим, готовы ли вы к далёкому путешествию. Устроим соревнования. Кто скорее обежит полянку вокруг Большого Дуба, тот будет первый.

— Я первый! Я прибегу быстрее всех! — закричал Желустрёнок.

И теперь уже никто не посмеялся над ним, потому что страусёнок добился за эти дни замечательных успехов.

— Вы готовьтесь, а я достану себе свисток, — сказал Желудино. — Ведь я — судья. А судья без свистка не бывает.

Он поставил башмаки под кустом жёлтой акации, поплевал на руки и полез наверх. Желурёнок, Желугавчик и Желустрёнок с восхищением смотрели на старшего брата, потому что лазить по деревьям, да ещё так быстро, не умел никто.

Желудино сорвал десяток стручков жёлтой акации и быстро наладил самый толстенький. В этом нет ничего удивительного! Желудино ведь как-никак мальчишка. А какой же уважающий себя мальчишка не умеет налаживать пищики?.. Желудино оторвал половину стручка с острым носиком и... конечно, выбросил! Зато вторую половину держал бережно, как стеклянную. Осторожно вспорол её по шву ногтем. Раскрыл, как книжку, выковырнул семена. Провёл пару раз языком по желобкам пищика и сунул в рот. Да ка-а-ак дунул!

Раздался такой страшный свист, что Желугавчик с Желурёнком присели, а у Желустрёнка от страха мороз пробежал по перышкам, и он стал икать:

— Ик!.. Ик!.. Жел-жел-луд-дино. Если ты бу-бу-будешь та-ак свистеть, то мои бедные ножки разбегутся в разные стороны...

— Ладно. Я сделаю другой, — согласился Желудино. — А этот будет для устрашения врагов.

Он засунул страшный пищик за пояс и наладил новый. Этот пищик гудел так звонко и тоненько, что

все развеселились. А ноги сами стали подпрыгивать и пританцовывать.

— Стать в один ряд! — скомандовал Желудино. — Раз... Два... Три!

Пищик тоненько свистнул. Бегуны сорвались с места и понеслись вокруг поляны.

Сначала впереди всех бежал Желугавчик. Потом его обогнал Желурёнок. Потом Желурёнка обогнал Желустрёнок. На ровном месте он развил такую скорость, что его ног совсем не стало видно. Они мелькали, как велосипедные спицы на солнце.

«Ах, почему у меня такие короткие ноги?» — пожалел Желугавчик. Он ещё наддал ходу и помчался таким бешеным собачьим галопом — вот-вот догонит Желурёнка, как вдруг кто-то схватил его за хвост!

— Отпусти! — крикнул он сердито. — Мне некогда!..

Желугавчик во весь опор продолжал скакать прямо, но какая-то неведомая сила заставляла его носиться кругами около собственного хвоста... Когда совсем закружилась голова, в глазах запрыгали жёлтые и зелёные звёздочки, Желугавчик остановился, оглянулся назад и рассердился. Невысокий Вьюнок с бело-розовыми цветками крепко держал его лапкой-усиком за закорючку хвоста.

— Отпусти хвост! — крикнул Желугавчик. — Я откушу твой усик!

Но Вьюнок ничего не ответил, только закивал своими цветами-граммофончиками.

— И ты... ты согласен? — удивился Желугавчик. — А я ни за что не дал бы откусить свою лапу... Почему ты молчишь?.. А-а-а, ты не умеешь говорить! — догадался он. — Бедняжка!

Желугавчик осторожно раскрутил усик Вьюнка и освободил свой хвост. Огляделся вокруг. Но Желустрёнка и Желурёнка уже не было видно. «В какую же сторону они побежали? — подумал Желугав-

чик. — Может, туда?.. А может, наоборот, — сюда?..» Он так расстроился, что чуть не заплакал:

— Эх, Вьюнок, Вьюнок! Что ты наделал! Теперь я прибегу самым последним, — и затрусил самой тихой собачьей рысью куда глаза глядят...

Когда Желустрёнок, а за ним и Желурёнок прибежали к кусту жёлтой акации, они не поверили своим глазам: рядом с судьёй уже сидел Желугавчик.

— Разве не я первый? — удивился Желустрёнок. — Я бежал быстрее всех.

— Нет, — сказал Желудино, — первым прибежал Желугавчик. Я сам видел. Вот тебе, Желугавчик, приз, — и дал ему лепесток лютика.

Желугавчик взял зубами кругленький золотистый лепесток, помахал хвостом и сказал радостно:

— Вот видите?! Мне дали медаль! Я прибежал первый!..

— И я хочу медаль! — пропищал Желустрёнок. Желудино чуть подумал и дал другой лепесток Желустрёнку.

— Хотя ты и не прибежал первым, но ты бежал быстрее всех! Вот и тебе медаль.

— А мне-е-е! — заржал Желурёнок. — Я ведь так старался!

Желудино и ему вручил медаль.

— Правда, ты очень старался. Весь вспотел, бедняжка.

Награждённые принялись радостно носиться по

полянке. Один Желудино тихо сидел под кустом... Желугавчик вдруг остановился на полном скаку и сказал:

—Бяфф-ф! Это несправедливо! Он нам дал, а мы ему не дали. Дадим ему по медали!

—Дадим! Дадим! — закричали братья.

Они выбрали три самых больших лепестка лютика и принесли Желудино.

—Это тебе! — сказал Желурёнок. — За то, что ты самый-самый хороший судья. Никого не обидел.

Желудино обрадовался и стал вместе с ними играть в ловитки.

ДОВЕРЧИВЫЙ ЖЕЛУРЁНОК И ГУСЕНИЦА КАНАЛЯ

К вечеру все приготовления к далёкому путешествию были закончены. Набегавшись за день, Желустрёнок после ужина клевал носом. Желудино посмотрел на него и сказал:

—Сегодня ляжем спать пораньше. Нужно хорошо отдохнуть перед походом.

Услышав слово «спать», Желустрёнок тотчас раскрыл слипающиеся глаза.

—Не хочу спать! Страусы не ложатся рано. Хочу играть в жмурки! — и захныкал.

Желугавчик вступился за младшего братца:

—Ну, пусть маленький поиграет. Зато спать будет лучше.

Ладно, — согласился Желудино, — только не долго...

Обрадованный Желустрёнок быстро протарахтел считалку:

Шли четыре Желустрёнка.
Повстречалась им девчонка.
Стала пальчики считать:
— Раз, два, три, четыре, пять!

«Пять» выпало Желугавчику. Пришлось ему жмуриться. Он честно закрыл глаза, воткнул морду

в траву и, только просчитав пять раз по пять, огляделся... Медленно обошёл поляну.

А чей это хвост торчит? За большим васильком, не шевелясь, стоял Желустрёнок, спрятав голову под крыло.

— Стуки-стуки палочки! — закричал Желугавчик, хватая его за ногу.

— Как же ты меня нашёл? — удивился Желустрёнок. — Я ведь так хорошо спрятал голову под крылышко. Вот ни капельки не было видно!

— Ты ведь забыл спрятать хвост!

— Я так не играю! — пропищал Желустрёнок. — Страусы всегда так прячутся... Хвост же под крылышко не затолкаешь! Он меня не слушается!

— Ну, ничего, — утешил Желугавчик. — Жмуриться будет последний. Бот застукаю Желурёнка, пусть он и жмурится.

Желугавчик тщательно обыскал всё вокруг. У куста мяты следы обрывались. И дальше, как он ни принюхивался, пахло только мятой. А Желурёнкового запаха нигде не было.

— Что такое? Не мог же он улететь! — испугался Желугавчик. — Может, его унесла страшная Чёрная птица?!. Недаром она всё кружила над рощей!..

* * *

Едва Желугавчик уткнул нос в траву и начал считать, Желурёнок помчался во весь опор. Но, пробежав немного, остановился. «Всё равно найдёт меня по запаху. У Желугавчика такой нос, — печально подумал он, походил-походил вокруг куста мяты и вдруг вспомнил: — Ведь Желудино учил нас, как прятать следы!» Желурёнок подпрыгнул, сорвал листик мяты. Хорошенько потоптался по нему всеми четырьмя ногами. Понюхал — копытца пахли мятой. И, довольный своей выдумкой, поскакал совсем в другую сторону. Пусть-ка поищет! Весело скакал, даже стишок придумал:

Нюхай запах мяты —
Не найдёшь меня ты...

Хороший вышел стишок! Желурёнок скакал, распевал его на все лады. И вдруг слышит:

— Стыдно... Стыдно не узнавать старых друзей!..

Он поднял голову и увидел на ветке знакомую гусеницу Каналью. Как она выросла за это время! И правда, не узнать.

— Извините, — сказал Желурёнок, — но мой старший брат запретил с вами водиться. Вы... вы ведь плохая...

— Я плохая?! — возмутилась Каналья. — Да нет у тебя друга лучше, чем я, на всём белом свете!

— Но брат говорит... — растерянно проржал Желурёнок.

— Ах, что он понимает в дружбе, ваш брат! Вспомните, как мы с вами играли!.. Нет, я не перенесу этого! Я от горя брошусь на землю и убьюсь до смерти...

— Не надо! Не убивайтесь, — просил Желурёнок. — Я сейчас побегу к брату и скажу, что вы хорошая!.. Он добрый. Он разрешит нам играть.

— Нет! Моя жизнь кончена. Прощайте, неверный друг! — Каналья покачалась на краю листка и бросилась вниз.

— Ой! — воскликнул Желурёнок.

Но, не долетев до земли, она повисла на тоненькой паутинке.

— Я падаю!.. Я убьюсь!.. Я умираю! — кричала гусеница, извиваясь.

— Нет! — крикнул Желурёнок. — Я спасу вас. Прыгайте на мою спину. Не бойтесь! Бросайте верёвку!

Гусеница плюхнулась на спину Желурёнка. Застонала, заохала.

— Вам больно? Вы ушиблись?.. Потерпите немного. Я мигом, Желудино поможет вам. Держитесь крепче! — И Желурёнок поскакал.

— Я кр-р-репко буду держаться. Уж будь уверен, — проворчала Каналья и запустила все свои когти в его спину.

— Ой! Вы делаете мне больно!

— Ты же сам просил!

— Но вы держитесь зубами.

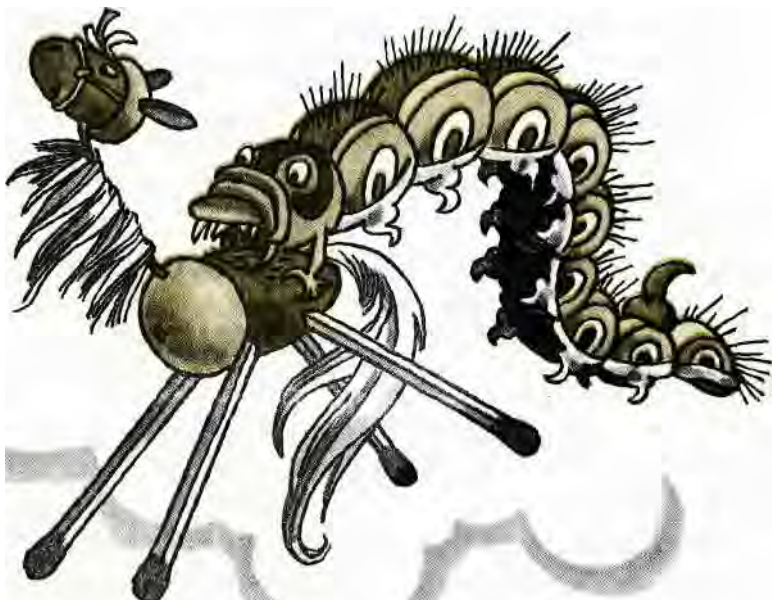
— Чем хочу, тем и держусь! — нахально отвечала гусеница, кусая его за спину.

— Вы грызёте мою гладкую кожу! — кричал Желурёнок. — Мне больно! Больно!

— Ха! Ха! Ха! Глупый жёлудь! Мы, гусеницы, всегда вас ели!.. Ха-ха-ха!.. Он вообразил себя жеребёнком! Вот прогрызу тебя до середины... Попробую твоего белого мяса... Тогда узнаю, жеребёнок ты... или обыкновенный глупый жёлудь!..

Желурёнок брыкался, шарахался из стороны в сторону, становился на дыбы, чтобы сбросить гусеницу со спины. Но Каналья мёртвой хваткой вцепилась в него и всё грызла, грызла!..

— Же-лу-ди-но-о-о!.. Спаси-те-е-е! — в ужасе закричал он и помчался напролом через заросли...

Желудино с братьями избегали всё вокруг... Солнце уже скрылось за деревьями. Вот-вот наступит ночь. Что тогда будет?..

И вдруг Желугавчик наострил уши:

— Кричит! Я слышу! Вон там!

— Вперёд! — крикнул Желудино, выхватывая шпагу.

Не успели они пробежать и сотни шагов, как навстречу из зарослей вырвался Желурёнок.

— Стой! — Желудино железной рукой схватил за уздечку.

Желурёнок остановился. И тут все увидели вцепившуюся ему в спину гусеницу.

— Каналья! — вскричал Желудино. — Я убью тебя!

Желугавчик схватил гусеницу за хвост. Желустрёнок так расхрабрился, что клюнул её в голову. Желудино, выхватив страшный пищик, засвистел во всю мочь и хотел проткнуть её шпагой.

Но гусеница вдруг изогнулась дугой, брякнулась на землю, задёргалась всеми своими шестнадцатью ногами и застыла в неподвижности.

— Умерла! — пискнул Желустрёнок. — Это я её так тюкнул!

— Желугавчик! Постереги Каналью! — приказал Желудино и бросился к Желурёнку, который, пройдя несколько шагов, упал на бок и громко стонал.

— Могла ведь загрызть до смерти! — сказал Желудино, осмотрев рану. — Хорошо, что мы подоспели вовремя. Она успела только поцарапать тебе кожу...

— Да-а-а, ко-ож-у... Вот попробуй, как болит...

— Не хнычь! — прикрикнул Желудино. — Я давно запретил тебе водиться с гусеницами!

— Так она ведь сказала, что она... хорошая, — плакал Желурёнок. — Я же не знал, что она обма-ан-щица-а...

—Желугавчик, а где Каналья? — спросил Желудино.

Желугавчик, виновато поджав хвост, топтался на месте:

—Она же это... Желустрёнок сказал ведь, что она умерла...

Все стали искать гусеницу. Но её и след простыл. Пока оказывали помощь Желурёнку, Каналья, которая только притворилась мёртвой, убежала.

* * *

Всю ночь Желугавчику снился отвратительный сон. Он гонялся за Канальей. Она хитрила, изворачивалась. Желугавчик охрип от лая, выбился из сил, но никак не мог её поймать... Проснулся он от ужасной жажды. Горло, язык были сухими и корявыми, как тёрка.

Желугавчик побежал к кувшинчику, стал на задние лапы, но как ни вытягивал язык, достать до воды не смог.

—Странно. Кто же её выпил? — проворчал он и разбудил Желурёнка. — Слушай, братец. Ты выше меня. Попей водички и мне достань немножко. Страсть как пить хочется!

Желурёнок, охая от боли в спине, добрался до кувшинчика, сунул туда мордочку, пошлёпал губами и сказал:

—Я тоже не достал. Кто-то её выпил... Позовём Желустрёнка. Ведь он самый высокий. Может, на дне есть?

Желустрёнок никак не хотел вставать, брыкался и пищал:

—Я не хочу пить!.. Я хочу спать!

И всё-таки его уговорили. Сонный Желустрёнок, качаясь на длинных ногах, притопал к кувшинчику, опустил нос на самое дно. Глотал, глотал и вдруг как закричит:

— Она не глотается! Даже на донышке нет!..

Кто выпил мою воду? Я пить хочу! — и побежал жаловаться старшему брату.

Встревоженный Желудино осмотрел кувшинчик со всех сторон. Заглянул под дно и медленно опустился на траву.

— Что случилось?! — испугались братья.

— Случилось самое страшное, — печально сказал Желудино. — Там дырка!

Желудята по очереди посмотрели на большую дырку в дне кувшинчика. А Желустрёнок даже сунул в неё нос и пропищал:

— Правильно. Дырка есть! Но где же вода? Желудино потёр лоб, собираясь с мыслями:

— Понимаешь, маленький... Э-э-э... Есть такое правило. Вода не любит кувшинчики, на дне которых бывают дырки. Вот она и выбежала... Только никак не пойму, откуда взялась дырка?..

— Ха-ха-ха! — засмеялся кто-то противным скрипучим голосом. — Ха-ха-ха! Как славно я придумала!

Желудята подняли головы и ахнули. На ветке акации сидела Каналья. Она извивалась и гримасничала. Толстое пузо гусеницы тряслось от смеха.

— Это ты, злодейка, испортила кувшинчик?! — закричал в гнев Желугавчик. — Я р-р-разор-р-рву тебя на мелкие кусочки! — и кинулся к дереву. Но что он мог сделать? Каналья только хохотала в ответ.

— Ах ты мерзкая! Так ты ещё и смеёшься! — крикнул Желудино и так ловко запустил зелёной ягодой паслёна, что попал ей прямо в живот. Гусеница подпрыгнула, чуть не свалилась с дерева и, не дожидаясь, пока Желудино вынет свой страшный пищик, пустилась наутёк...

* * *

Этот день был ужасным. Солнце палило немилосердно. Даже в тени нечем было дышать. Горячий воздух обжигал горло... Пить! Всем безумно хотелось пить. Но воды не было ни капли.

Желудино с тревогой смотрел на младших братьев. Их гладкая блестящая кожа посерела и даже кое-где покрылась крохотными, еле заметными морщинками. Это признаки одной из самых ужасных болезней. Она называется ВЫСЫ-ХАНИЕ! Единственное спасение от неё — вода. Но где её достать?

Задыхаясь от жары, Желудино полез по стволу ласковца до самой макушки. Может быть, наверху в каком-нибудь из листьев-чашечек этого чудесного растения сохранилась хоть капля росы?.. Но всё было напрасно. Подлая гусеница испортила не только кувшинчик, она прогрызла дырки и во всех остальных листьях.

— Потерпите, маленькие, — уговаривал Желудино братьев. — Зайдёт солнце, и вам станет легче. А утром мы напьемся самой чистой, прохладной росы!..

Желустрёнок лежал под лопухом, широко открыв клюв, беспомощно растопыбив крылышки, и без конца тоненько пищал:

— Пить... Пи-ить... Пи-и-ть...

Желурёнка не держали ноги. Он лёг, прикрыл глаза и даже не жевал — не было слюны, чтобы смочить жвачку.

Желугавчик, вывалив язык, лежал, отвернувшись ото всех, чтобы никто не видел, как он страдает...

Прошёл полдень. Медленно приближался вечер...

«КУКУШКА, ТЫ ВЕДЬ ВСЁ ЗНАЕШЬ...»

Узнав, что с Женей случилось несчастье, подружки прибежали её проведать. Лида, соседка Жени по парте, спросила:

— А где ты напоролась на стекляшки?

— На тропинке. Около большого камня. А что?

— Так я и знала! — сердито сказала Лида. — Это опять Бирюлькин! Он всегда там в войну играет. Наставит на камень пузырьков, бутылок и из ро-

гатки по ним — бац! бац! Так стёкла и летят. Только в прошлую субботу его сторож поймал, заставил все осколки собрать и в урну выбросить. А он опять!.. Сколько раз ему наша вожатая говорила: «Бирюль-кин, надо же о других думать!..» А с него как с гуся вода. Ещё и хвастается: «А чего я буду думать? Я никогда не думаю. Я делаю, как хочу!..» Прямо бездумкин какой-то!

— Правильно! — подхватили девочки. — Не Бирюлькин он. Бездумкин он настоящий! Мы его так и будем звать—Бездумкин! Бессовестный! Надо его матери сказать и отнять рогатку.

Дня через два девочки принесли Жене рогатку:

— Вот возьми! Мать у Генки из кармана вытащила. И такую ему взбучку дала!

— А он другую сделает, — вслух подумала Женя.

— А мы и другую отнимем!

— Нет, — задумчиво сказала Женя. — Это не поможет. Нужно что-то другое придумать.

— А что? — удивились девочки.

— Я ещё тоже не знаю. Только надо, чтобы Генка сам понял и перестал быть Бездумкиным.

Что делать с Генкой, Женя не придумала. Зато прозвище «Бездумкин» так к нему и прилипло.

Нога зажила только через две недели. Утром Женя с мамой проводили дедушку, который ехал лечиться в Ессентуки. А когда вернулись с вокзала, Женя отпросилась погулять.

— Только недалеко! Ногу натрудишь! — крикнула вслед мама.

«Наконец-то я выбралась», — подумала Женя, вступая под зелёные своды рощи. Едва она прошла по тропинке до первого поворота, как услышала громкий визг. Потом — треск ветвей. Женя глянула в просвет между деревьями: на встречу ей бежала здоровенная свинья. «Ну и пусть себе бежит, — подумала Женя, — обойду её подальше, да и только».

Но свинья вела себя очень уж странно. То визжала, будто её режут, и летела напрямик, ломая кусты. То вдруг останавливалась и начинала так яростно рыть землю носом, словно хотела закопаться в неё совсем. Потом принималась мотать головой и снова как ошпаренная бросалась вперёд.

— Бедная Хрюшка, что у тебя болит? — спросила Женя, став на всякий случай за толстое дерево.

Но свинья, ничего не видя, промчалась мимо, влетела в жидкую грязь канавы и стала как заведённая окунать и вытаскивать морду из воды. Но и это, видно, ей не помогло. Завизжав пуще прежнего, свинья выскочила из канавы и как сумасшедшая помчалась вдоль шоссе.

* * *

Вышла Женя на полянку у Большого Дуба да так и ахнула. Трава истоптана. Цветы вырваны. Земля изрыта. У корней дуба — ямы, на стволе глубокие царапины и даже кусок коры сорван.

— Что ж ты, бессовестная, наделала! Зачем ты сюда приходила, противная?! — рассердилась Женя. И вдруг вспомнила: «Свинья же ест жёлуди!.. Ведь она могла их тоже...» У Жени мороз побежал по коже.

Она бросилась обыскивать всё вокруг. Заглядывала под кустики. Звала. И когда уже совсем отчаялась, вдруг на колючке гледичии увидела голубую ниточку — ту самую, которую повязала Желудино вместо галстука. Ниточка висела высоко, Женя еле до неё дотянулась. Может, Желудино сидел тут, на дереве? Тогда свинья никак не могла его достать... А остальные?..

И хотя Женя ничего больше не нашла, домой она возвращалась с робкой надеждой: может, Желудино и его братцы всё-таки живы. Жене нужно было с кем-то посоветоваться. Но дедушки нет. Рассказать маме?.. Но она эти дни приходит с работы такая усталая и

раздражённая, что, скорее всего, посоветует «выбросить эти фантазия из головы».

Вечером на балкон прилетели Щеглик и Карра. Они были взволнованы: вскидывали крылья, что-то кричали. Но Женя ничего не могла понять. «Вот дедушка сразу бы понял», — вздохнула она.

Теперь оставалась надежда только на Кукушку, что живёт в часах. Нужно поговорить с ней с глазу на глаз. Женя нарочно не зажгла свет, села на скамеечку напротив часов и шёпотом, чтобы никто другой не услышал, стала просить:

— Кукушка, миленькая, ты ведь всё знаешь. Ты и про волшебные жёлуди знала. Я вот нашла только галстук Желудино. Ну скажи мне, пожалуйста, где он сам? Где его братцы?.. Живы?..

Сумерки вползали в окна. Сгущались, выступали из углов тени. Еле виден домик часов на стене. Так-так, так-так! — одобрительно постукивал маятник. Женя напряглась: вот-вот откроется дверка часов, и Кукушка скажет, что...

И тут распахнулась дверь. Щёлкнул выключатель. Женя съёжилась и закрыла глаза от яркого света. Вошла мама.

— Ты здесь? А я тебя искала! Что с тобой?

— Ты опять её испугала, — огорчённо сказала Женя.

— Кого испугала? — удивилась мама.

— Да Кукушку же. Она только хотела появиться...

— Ну и фантазёрка! Ты ведь знаешь, что она выскочит, когда стрелки покажут десять. То есть через полчаса.

— Нет, мама! Я слышала, как скрипнули дверцы. И они уже чуть-чуть приоткрылись. И тут ты вошла.

— «Ну почему нас взрослые не понимают? — с обидой думала Женя. — А ещё говорят, что они тоже были детьми!»

Она потушила свет, улеглась и снова стала шептать:
— Кукушка, миленькая, теперь нам никто не помешает. Ну расскажи, пожалуйста, расскажи...

ЧУДОВИЩЕ

«Как хорошо, — подумал Желудино, — жара уже спадает. Скоро братцам станет легче...»

Но что это?! Издали послышались непривычные звуки: топ... топ... топ-топ-топ... По роще шёл кто-то большой, тяжёлый. Ближе. Ближе... Затрещали ветки. Кто-то ломился через кусты прямо к поляне у Большого Дуба. Вот уже слышно громкое сопение. Зверь прорычал что-то...

Волосы на голове Желудино зашевелились от страха. Чудовище грозило! Грозило Большому Дубу!

— Давно я не добиралась сюда!.. — рычало чудовище. — Ну, уж теперь не уйду, пока не попробую твоих желудей!.. Где ты их прячешь, глупое дерево?!

Лопух, под которым лежали измученные жаждой желудята, затрещал, взвился вверх и был отброшен в сторону со страшной силой.

Желудино едва успел отскочить. Большущее раздвоенное копыто, измазанное в грязи и глине, чуть не раздавило его.

Желудята вскочили на ноги, попятились и из-за спины Желудино с ужасом смотрели на чудовище.

Никогда ещё Желудино не видел ничего более страшного и отвратительного. Громадная туша чудовища была покрыта пучками чёрных и серых, толстых, как проволока, волос. Половина морды тоже была чёрная. Маленькие бесцветные глаза смотрели тупо и, казалось, ничего не видели. Зато большущие уши стояли торчком, а тупой круглый нос с дырками ноздрей беспрерывно сопел, вздрагивал, принюхивался. Из приоткрытой слюнявой пасти с торчащими жёлтыми клыками на Желудино пахнуло таким за-

пахом, что он чуть не потерял сознание.

—Ах, вот где вы! — взвизгнуло чудовище. — Сейчас я вас съем!

—Мы же не сделали вам ничего плохого! — прошептал Желудино.

—Хр-р-рю-у!.. Смешно! Мне никто ничего не сделал плохого. И всё-таки я всех жру без разбора!

—Всех?!—испуганно вскрикнул Желудино.— Но кто же вы? И за что вы всех готовы сожрать?

—Траву — за то, что она мягкая. Червяков — за то, что они ползают... Птенцов — за то, что пищат!.. А вас сожру за то, что вы жёлуди! Мы, свиньи, всех едим!

—Так вас зовут... Свинья?!—дрожащими губами пролепетал Желудино. Теперь он точно вспомнил! Когда он проходил третий круг учения, то узнал, что самый страшный враг детей дуба — Свинья!.. И вот она рядом! Желудино собрал всё своё мужество и громко сказал: — Выслушайте меня. Посмотрите на нас. Разве мы просто жёлуди?.. Вот это — Желустрёнок. Видите, у него перышки. Он — птица! Это Желурёнок. На нём даже уздечка есть. Он — молодой конь!.. Это вот — верный пёс Желугавчик. А я, как видите, человек! Нас нельзя есть! Это недостойно вашего... свинского достоинства.

—Всех съем! — рявкнула Свинья. — И тебя съем! По-дума-ешь, человек! Да если бы мой хозяин был такой маленький, как ты, я бы давно и его съела!

—Спасайтесь, братцы! Скорей к Старому Мухомору! — крикнул Желудино, поняв, что никакими разумными словами Свинью не убедишь. — Я задержу её! Я буду драться насмерть! — и выхватил шпагу.

Желудята исчезли мгновенно, будто их и не было.

Свинья страшно заревела и хотела цапнуть зубами Желудино, который остался на месте. Но он прижался спиной к стволу жёлтой акации и встретил врага таким

сильным уколом шпаги в нос, что у Свиньи в глазах потемнело... Пока она, ничего не видя от боли, мотала головой и визжала, Желудино что есть мочи кинулся бежать.

Он отбежал уже далеко от поляны, когда услышал позади страшный треск. Свинья догоняла. Что делать? Куда прятаться?

— Ш-шш-шшш... Жел-луд-дино, сын Болын-ш-ш-шого Дуба! — услышал он над собой шёпот лист вы. — Скор-р-рей, скор-р-рей! Я укр-р-рою тебя.

Желудино, как молния, проскочил оставшиеся двадцать шагов и стал карабкаться вверх по иголкам, которые услужливо подставляла ему старая Гледичия.

Свинья успела заметить ноги Желудино в зелёных чулках. Кинулась вперёд. Но он встретил врага новым ударом шпаги. Взвизгнув, Свинья отступила, тотчас же кинулась к нему с другой стороны. Но тут она наткнулась на колючку Гледичии. Желудино колот шпагой, Гледичия помогала ему своими иголками.

Свинья бесновалась, рыла копытами землю, бросалась опять и опять, но везде натыкалась на острые иглы.

— Всё равно тебе не жить! Я сожру тебя!.. Я вырою корни Большого Дуба. Пусть он тоже умрёт!.. Пусть все умрут! — брызжа слюной, визжала Свинья...

Наконец она выбилась из сил и, прихрамывая, скрылась в кустах...

Пока шло сражение, солнце уже спряталось за деревья. Наступил вечер. Желудино ужасно устал, измучился за этот день. Но всё же решил слезть с дерева и идти к Старому Мухомору, где ждали его братья. Ноги дрожали, руки не слушались. Он поскользнулся на ветке, зацепился безрукавкой за колючку и повис в воздухе, болтая ногами. Отцепиться не удавалось никак.

Желудино громко звал братьев. Но ему отвечало только эхо.

Он ещё покричал и от утомления заснул.

О ТОМ, КАК БЕЖАЛИ ЖЕЛУСТРЁНОК И ЖЕЛУГАВЧИК, А ЖЕЛУРЁНОК НАСТУПИЛ ПРЫГУНУ НА УХО

Как только Желудино крикнул: «Спасайтесь!» — желудята кинулись врассыпную.

Желугавчик грудью пробился через заросли колючего паслёна и помчался что было силы. Справа и слева он слышал треск и топот — это удирали его быстроногие братцы Желустрёнок и Желурёнок. Потом звуки обогнали его, затихли далеко впереди...

Теперь он слышал только бешеный стук своего сердца да шумное дыхание. «Конечно, у них ножки вон какие длинные! — подумал Желугавчик. — Они прибегут намного раньше меня».

Потом он заметил, что отклонился от нужного направления, вильнул хвостом влево и вскоре выскочил на знакомую тропинку, по которой добежал прямо к Старому Мухомору.

Но тут никого не было.

«Ох и ловкий же я! — с гордостью подумал Желугавчик. — Бежал самым последним, а прибежал опять раньше всех! Если бы Желудино видел это, он обязательно дал бы мне медаль!»

И тут Желугавчик вспомнил, что Желудино остался один на один с чудовищем. Какой ужас!..

Желугавчик уговаривал себя: «Ведь Желудино приказал нам бежать! Я не мог его послушаться...» Но совесть шептала ему другое: «Старший брат в беде. Он бьётся насмерть! А ты?..»

— Я сейчас... сейчас побегу... вот только чуть... — он пытался встать, но ноги не слушались.

Над рощей тихо опускалась ночь.

* * *

Вытянув над землёй шею, Желустрёнок бешено работал ногами. Мелькали мимо кусты, травы, лужайки. Шарахались в стороны кузнечики. Страх гнал его. Он бежал, сам не зная куда.

Едва Желустрёнок замедлил бег и прислушался, как ясно услышал треск, топот и сопение. Чудовище догнало!

Сердце было готово разорваться на куски. Желустрёнок резко менял направление, чтобы сбить преследователя с толку, и снова бежал что было сил... Уже стемнело, когда он с разгону влетел в заросли, застрял в них и понял, что не может больше сделать ни шагу. Ноги подкосились. Желустрёнок упал и последним усилием сунул голову под крыло: может, чудовище не заметит...

Треск и топот оборвались. ОНО стояло совсем рядом. ОНО тяжело сопело и шуршало травой.

Сердце бедного страусёнка сжалось от ужаса, и он совсем перестал дышать...

* * *

Желурёнок с места помчался по всей опор. Он мчался так быстро, что грива не успевала опадать на шею и летела над ним серым облачком. Хвост стлался сзади по ветру.

На пути попадались букашки, муравьи, жужелицы, но он, как настоящий благородный конь, даже не наступил никому на лапу. Встречались земляные валы и рвы, поваленные стволы трав и камни. Но он лишь сильнее напружинивал ноги и перелетал через преграду с ходу. Желурёнок уже и не помнил как следует, куда, почему и зачем скачет. Страх остался далеко позади. А теперь сердце его было наполнено радостью движения, ощущением полёта и гордостью: «Вот я какой!» И он готов был скакать так далеко-далеко, хоть на край света.

Желурёнок сейчас чувствовал себя больше птицей, чем конём, и смотрел больше на небо, чем под ноги.

Только в последний момент он увидел перед собой огромный серый камень. Но и тут не растерялся. Р-р-раз! Мощным толчком послал тело ввысь. И когда уже находился над заострённой вершиной камня, увидел: навстречу ему летит кто-то... Бум!.. От удара в голову из глаз посыпались звёздочки. И вдруг стало темно, как ночью...

Желурёнок очнулся и открыл глаза. Было светло. «Почему я лежу? И почему подумал, что ночь?» — удивился он. Но тут увидел громадный серый камень и вспомнил всё. Только не мог никак вспомнить, с какой стороны бежал. Если он перелетел через камень, то надо бежать дальше, сюда. А если не долетел и свалился назад?.. Тогда, выходит, дорога к Старому Мухомору там, за камнем?.. «Спрошу-ка лучше у того, кто меня бумкнул... А где же он?..»

Желурёнок обошёл камень и увидел кузнечика, который почему-то лежал на спине, раскинув в стороны длиннющие ноги и усы. Всмотрелся. Так это же Прыгун, который бегал с Желустрёнком наперегонки!

— Это ты меня бумкнул?

Кузнечик не шелохнулся. Желурёнок обошёл вокруг и увидел на лбу кузнечика здоровенную шишку.

— Ого-го! Тебе тоже досталось! — сказал он. Но так как кузнечик и на этот раз ничего не ответил, Желурёнок, подумав немного, решил: «Наверно, после того как мы бумкнулись головами, у него тоже перед глазами ночь. А в таких случаях, Желудино говорил, надо делать искусственное дыхание». И он тотчас принялся за дело. Согнул одну длиннющую ногу кузнечика. Начал сгибать вторую. Но едва она коснулась живота, кузнечик ка-ак лягнёт обеими лапами в грудь! Желурёнка подбросило вверх, перекувырнуло через голову и снова поставило на ноги.

—У-у-ух! Что ж ты брыкаешься, бессовестный?! Желурёнок осторожно обошёл опасные задние ноги, стал над головой и начал быстро сгибать и разгибать короткие передние ноги кузнечика. Прыгун зашевелился и открыл глаза.

—Вот хорошо! — обрадовался Желурёнок. — Как ты себя чувствуешь, Прыгун?

Кузнечик, удивлённо тараща глаза, подёргался из стороны в сторону и тихо ответил:

—Я только хотел перепрыгнуть через камень.

—Я не о том тебя спрашиваю. Как ты себя чувствуешь?

—Я и не думал с тобой сталкиваться! — оправдывался Прыгун. — Ты сам виноват. Надо сигналить, когда прыгаешь через препятствие.

—Ты что, глухой?

—Да-а-а, — жалобно протянул Прыгун, — а, думаешь, мне не больно?!

—Ты глухой?! Да?.. Глухой?! — закричал Желурёнок над самой его головой.

На этот раз кузнечик, кажется, услышал, но сказал такое, что у Желурёнка от удивления отвисла губа.

—Не топчись копытами по моим ушам! — вот что сказал кузнечик.

Совершенно сбитый с толку, Желурёнок посмотрел вниз: его копытца всё ещё придерживали передние ноги кузнечика, он так и не убрал их, после того как закончил делать искусственное дыхание.

—Из-ви-ни, что я на-сту-пил те-бе на но-ги! — изо всех сил по складам закричал Желурёнок, отступив назад. — Но при чём же здесь у-ши?! Ведь я к тво-ей го-ло-ве и не при-тра-ги-вал-ся?!

Кузнечик проворно перевернулся со спины на брюшко, потёр лапку о лапку и спокойно спросил:

—Ты чего орёшь? Я всё прекрасно слышу... Но при чём тут моя голова? Не понимаю.

—Как? — опешил Желурёнок. — Ведь уши-то на

голове! Это знает даже тот, кто родился только позавчера!

—Ха-ха-ха! — развеселился кузнечик. — Ха-ха-ха! Ну кто тебе сказал такую чушь? Я нормальный кузнечик! У меня, как у всех порядочных кузнечиков, уши вот где! — и с удовольствием похлопал усами по передним ножкам.

—На ножках?! — вскрикнул Желурёнок.

—Конечно, на ножках!.. Постой, а у тебя где?

—Как где?.. На голове! Вот они.

—Вот эти два сучка с дырочками?! Послушай, а ты меня не обманываешь?.. Когда я расскажу об этом своим братцам-кузнечикам, они будут стрекотать до упаду! Ха-ха-ха! — Прыгун снова схватился за живот.

—Ну, хватит смеяться! — обиделся Желурёнок. — Скажи лучше, как пройти к Мухомору.

—К какому мухомору? К тому, что у куста сирени? Или к тому, у которого отбит кусочек шляпки?.. А может, тебе нужен тот, что растёт у шоссе? Или тот...

—Довольно! Довольно! — заржал Желурёнок. — Неужели на свете так много мухоморов?.. Мне нужен мухомор, который близко. Потому что я очень устал и хочу спать.

—Ах тот, что ближе всех! Так это совсем просто! — прострекотал Прыгун. — Повернись вот так. Теперь сделай пятнадцать больших скачков с включением крылышек...

—У меня нет крылышек.

—Бедный, — пожалел его Прыгун. — У тебя не только уши не там, где надо... У тебя даже крылышек нет... Ну тогда... тогда будет, пожалуй, сто скачков. А если будешь ещё отдыхать и ползти на пузечке...

—Нет,нет! Я не буду, я не умею на пузечке! — крикнул Желурёнок. — До свиданья, Прыгун! Спаси-

бо! — и поскакал...

— Ах, как мне жаль его!—стрекотал вслед кузнецик.— Не уметь даже ползать на пузечке!.. Это ужасно!.. Ужасно!..

* * *

Ближайший мухомор был совсем не тот, потому что около него не было прикрытого листвой входа в лабиринт Крота...

Желурёнок побежал дальше и наткнулся на второй мухомор. Но и этот тоже был не тот, потому что около него не было никого из братьев...

Еле переставляя ноги, Желурёнок совсем неожиданно вышел к третьему мухомору. И хотя это тоже был не тот мухомор, он дальше не пошёл, потому что стало совсем темно и глаза его сами закрывались...

КАК ЖЕЛУГАВЧИК ПРОГНАЛ СВИНЬЮ ИЗ РОЩИ

Утром Желугавчик подкрепился, слизал вдоволь росы с листьев и отправился на поиски старшего брата.

С опаской подходил он к Большому Дубу. А увидев страшную, опустошённую Свиньёй поляну, закрипел зубами:

— Ну, Свинья! Тебе это даром не пройдёт!..

Печальный, постоял он у разрушенной хижины, где они так счастливо жили вчетвером. Потёрся о ствол ласковца, который поил их чистой прохладной росой из своих листьев-чашечек, теперь поникших, изгрызенных Канальей.

С большим трудом отыскал он следы Желудино у старой Гледичии. Увидел его голубой галстук, висящий на колючке. Обрадовался, кинулся к нему, но тотчас остановился, бурча:

— Ах, как несправедливо устроена жизнь! Ну почему собаки не могут лазить по деревьям?..

Но самого Желудино он так и не нашёл. На по-

лянке, в траве, стоял ужасный запах Свины. Как только Желугавчик пытался вынюхать след, его нос начинал чихать, а к горлу подкатывала тошнота...

Желугавчик отбежал подальше на чистый воздух, лёг в тени под васильком и стал рассуждать, как учил его старший брат:

«Галстук его висит на Гледичии — это раз... Галстук сам по деревьям лазить не может — это два. А может только Желудино — это три... Значит, это не галстук, а сам Желудино прятался от Свины на Гледичии! Ой, как здорово получается.» — обрадовался Желугавчик. И хотя он точно не знал, умеет Свинья лазить по деревьям или не умеет, решил: — Конечно, Желудино жив! Ведь у него есть такая острая шпага и такой страшный пищик, от звука которого даже Каналья падает в обморок! А ну-ка погадаю на ромашке».

Желугавчик отгибал один лепесток за другим и что-то шептал. Но когда остался последний лепесток, он заворчал сердито:

— Ну что это за ромашка!.. Разве это ромашка?.. Эта ромашка неправильная! — И, для того чтобы ни каких сомнений не осталось, он взял другую и стал медленно гадать на лепестках, громко повторяя: — Свинья съела... не съела... съела... не съела... — и получилось «не съела!». — Значит, Желудино жив! Потому что так сказала правильная ромашка! Она обманывать не будет!

Обрадованный Желугавчик залаял звонко-звонко. Если Желудино не ушёл далеко, он услышит! Ещё полаял... И вдруг его чуткие уши уловили треск ветвей, топот и ужасный крик:

— Хр-р-рю-у! Хр-р-р-р-рю-у-у!

Свинья!.. Желугавчик заметался. Куда деваться? Спрятаться негде! И опять пожалел: «Ах, почему я не могу лазить по деревьям, как Желудино?!» Тогда он лёг на пузо и, прижимаясь к земле, пролез в самую гущу крапивы.

Едва он успел спрятаться, как из кустов выскочила Свинья. Повела круглым носом. Понюхала следы Желугавчика, хрюкнула радостно и побежала прямо к его убежищу.

Шерсть на загривке Желугавчика стала дыбом. Свинья с налёту ткнулась слюнявой мордой в крапиву, по инерции сделала ещё несколько шагов...

И вдруг рощу огласил ужасный визг! Свинья вылетела из крапивы как пробка. Ей показалось, будто нос охватило пламя, а в ноздри насыпали горящих углей!.. Она металась из стороны в сторону, мотала головой, рыла землю, выдирала и разбрасывала вокруг целые кусты. И без умолку визжала так, что у Желугавчика заложило уши. Потом Свинья на миг смолкла, тупо уставилась подслеповатыми глазами на кусты крапивы и, будто поняв что-то, шарахнулась в сторону, не разбирая дороги, кинулась прочь...

Сердце Желугавчика бешено стучало в рёбра. Он долго ещё не мог прийти в себя от пережитого... Потом подумал: «Значит, Свинья боится крапивы?! Точно!.. Тогда я отсюда никуда не уйду. А к Старому Мухомору можно вернуться и завтра...»

ЖЕЛУДИНО И ЛЮЦИОЛА

Кто-то настойчиво тянул Желудино за рубашку.

— Не балуйся, Желугавчик, — проворчал он, — я ещё не выпался.

Но рубашку не оставили в покое, тянули всё сильнее.

— Вот проказники! Сейчас я как встану с постели!.. — пригрозил Желудино и раскрыл глаза. — Ой!..

Что такое?.. Никакой постели под ним не было! Вокруг — расплзающийся утренний туман. А далеко внизу качаются изрытая земля, вытоптанная трава, вырванные цветы лютика, обрызганные росой, которая уже не может вернуть им жизнь...

И Желудино вспомнил всё... Нет, это не земля, это

он качается. Колючка Гледичии по-прежнему крепко держит его сзади за безрукавку. «Как же мне спуститься на землю?» — подумал он.

Гледичия будто подслушала мысли Желудино и тотчас протянула к его лицу тонкую веточку с мелкими овальными листьями.

Желудино схватился за неё. Ветка спружинила, сорвала его с колючки и прогнулась почти до земли. Он спрыгнул в траву, привёл себя в порядок и помахал рукой:

—Спасибо, Гледичия! Ты спасла мне жизнь. Я никогда этого не забуду. Прощай!..

Увидел Желудино раны на коре Большого Дуба, и в его сердце вспыхнули ненависть и отвага.

—Что же она наделала, мерзкая! Свинья хочет убить тебя! Я вызову её на смертный бой!

—Спас-с-сибо, Отважное Сердце! — прошелестел в ответ Большой Дуб. — Убить меня может только время... Я выдержал сто ураганов. Я сам за себя пос-с-тою-у-у... Спешите на помощь братьям... Слабым нужна твоя защита. Иди, мой сын Желудино, иди!

Желудино поклонился Большому Дубу и поспешил к Старому Мухомору кратчайшим путём.

Он прошёл уже больше полдороги, когда увидел в траве странное существо: жук не жук, червяк не червяк.

—Кто вы? — спросил Желудино.

—Я светлячок... Ох, как вы меня испугали! Я думала, сейчас вы наступите — и мне конец.

—Светлячок? —недоверчиво переспросил он.— Почему же вы не светите? Потом я слышал, что светлячки — жуки! А у вас и крыльев-то нет.

—Совершенно верно! Крылья есть у моего мужа и сыновей. А я — светлячок-мама. Крылья мне, к сожалению, не положены. Зато свечу я в два раза сильнее, чем они! Но только, извините, по ночам. Зовут меня просто Люциола.

—Ах как несправедливо, Люциола, что вам не дали крыльев! — посочувствовал Желудино. — Но куда вы ползёте? Я хочу вам помочь! Меня зовут Желудино.

—Ползти мне очень далеко, до самого Старого Мухомора! Раньше чем за две недели мне не добраться. А нужно. Там, говорят, очень сочная трава и прекрасные улитки!.. Муж и сыновья полетели туда ещё позавчера. Я так волнуюсь за детей!

—Прекрасно! — воскликнул Желудино. — Нам по пути. Я донесу вас. И вы сегодня же увидите своих детей.

—О! Желудино! Я вам так благодарна... Но я не могу. Со мной ещё моя старая тётя.

—Так в чём же дело? Заберём и тётю! Зовите её.

Желудино взял под мышку Люциолу, под другую — её старую тётю. Но теперь, когда обе руки были заняты, трава то и дело больно хлестала его по лицу. Тогда Желудино разыскал старую проторенную тропу и бодро зашагал по ней со своей ношей.

Люциола и её тётя оказались очень приятными собеседницами. Всю дорогу они развлекали Желудино рассказами об удивительных случаях из жизни светлячков. Но больше всего они гордились спасением острова Свободы. Они так увлеклись, что рассказали об этом дважды, сначала Люциола, а потом её старая тётя.

За разговорами Желудино, с Люциолой и её тётей под мышками, незаметно дошёл до цели.

Мужа и сыновей Люциолы они застали за обедом.

Увидели их светлячки, обрадовались и тотчас пригласили к столу. Но Желудино отказался наотрез:

—В другой раз — пожалуйста. Сейчас никак не могу. Меня ждут младшие братья. Я не видел их со вчерашнего дня.

Тогда светлячок, муж Люциолы, поклонился и сказал:

— Дорогой Желудино. Мы никогда не забудем вашей доброты к Люциоле и нашей тёте. Если когда-нибудь вам понадобится наша помощь — только позовите!

* * *

Увидев, что братьев возле Старого Мухомора нет, Желудино испугался: «Как же так? Ведь я приказал им бежать сюда! Где они?.. Что с ними случилось?..»

Никаких следов не было. Да и как их найти в густой траве? Он готов был отдать что угодно, только бы иметь такой замечательный нос, как у Желугавчика.

Да самого вечера Желудино обшаривал кусты вокруг и звал братьев. Ночью ему снились кошмары. А с восходом солнца он сунул за пояс слева шпагу, справа — страшный пищик и отправился на дальние поиски. Он дал себе клятву: или найти братьев, или погибнуть самому.

КАК ЖЕЛУГАВЧИК СПАСАЛ АМАЗОНОК, А ПОТОМ ПОССОРИЛСЯ С ЛУНОЙ

Желугавчик бежал по тропинке, распевая бодрую песенку, которую сочинил вчера:

Желудино жив! Гав! Гав!
Желудино жив! Гав! Гав!
А Свинья убежала из
рощи... Я её прогнал! Гав!
Гав! Я Свинью прогнал!
Гав! Гав! Не вернётся она
никогда! Гав! Гав! Гав!

И вдруг остановился как вкопанный. Следы!.. Знакомые следы!.. Это следы Желудино! Свеженькие! Вчерашние! И Желугавчик с радостным лаем помчался вперёд.

Когда он, запыхавшись, подбежал к Старому Мухомору, то сразу увидел множество совсем свежих следов Желудино. Значит, он совсем недавно был здесь.

— Я догоню его! Я побегу, как ветер! — закричал Желугавчик.

Но тут над головой как грохнет! Посыпались с неба капли. Да не какие-нибудь капельки росы, а громадные, прямо-таки лошадиные! Желугавчик поднял голову, чтобы посмотреть, откуда они такие берутся. А одна шлёп его прямо в нос! И ещё, и ещё, как свинцовые шарики, в голову: бум! Бум! БУМ!

Кинулся Желугавчик под широкую шляпку Старого Мухомора. И вовремя. Вода ринулась с неба сплошным потоком. Вода гнула сильные ветви кустов. Исхлестала, перепутала, втоптала в землю высокие стебли трав. Вода была везде: текла ручьями по стволам деревьев, бурлила у ног, заполняла впадины на земле, морем разливалась вокруг.

«Как хорошо, что гриб вырос на кочке и что у него такая широкая крепкая шляпка. А то бы я промок до костей, — подумал Желугавчик. — Вот только плохо, что я один».

И вдруг кто-то укусил его за заднюю ногу. Оглянулся Желугавчик: сзади стоит здоровенный муравей.

— Ты кто такой?! Я вот как прихлопну тебя лапой!

— Не надо меня лапой, — отряхивая воду, сказал муравей. — Я начальник стражи подземного города. Зовут меня Архелая. Помоги спасти моих воинов. Видишь, они тонут!

Желугавчик глянул. Недалеко от кочки, на сорванном кленовом листе, который уже захлёстывала вода, метались муравьи.

— Я не знаю, — растерялся Желугавчик, — умею ли я плавать...

— Не надо плавать! Ты только помоги. В одиночку

мне не справиться. Ставь стоймя вот это бревно! Желугавчик схватил зубами длинную соломину, наклонил голову набок — соломина ткнулась концом в землю.

— Молодец! Теперь я придержу нижний конец, а ты по команде «три» сразу бросай. Готов?.. Раз! Два! Три!

Желугавчик бросил. Конец соломины описал дугу и упал точно на кленовый лист. Всё. Мост построен!

Начали переправу две странные тройки муравьев. Первый осторожно пятился назад и тащил второго передними лапами. Третьей муравей подталкивал сзади.

— Что они делают? — удивился Желугавчик.

— Раненых несут, — ответила Архелая. — Это храбрые воины. Они пострадали в борьбе с врагом.

Как только раненые были переправлены, остальные муравьи быстро, как настоящие солдаты, перебежали по узенькому соломенному мосту и оказались на островке.

Желугавчик с любопытством разглядывал гостей. Муравьи были как на подбор — с широкой выпуклой грудью, покрытой золотисто-коричневым панцирем, с тонкими, как у джигитов, талиями.

Когда все волнения остались позади, Желугавчик спросил:

— Послушай, Архелая. Почему у тебя такое странное имя?

— Чем же оно странное? Архелая — это значит предводительница. Я ведь начальник стражи, по этому меня так и называли.

— Вот! Опять неправильно! Нужно говорить: «Архелай» и «предводитель». А у тебя женское имя.

— Так я и есть муравей-девушка. Амазонка.

— Ты-ы-ы?! — От удивления Желугавчик поперхнулся и так закашлялся, что чуть не сдунул предводительницу в воду. — А они, твои воины, тоже?..

—Тоже, — спокойно ответила Архелая. — Мы все девушки-воины. Чему ты так удивился? Предание гласит, что в незапамятные времена на берегах Дона жило могущественное племя женщин-воинов, которых называли амазонками. В те времена Дон тоже называли Амазонией... У муравьев быть воином — большая честь. Только самые сильные, самые смелые э-э-э... как бы это правильно по-твоему сказать... муравьи становятся воинами...

—Ну и дела-а-а! — покрутил головой Желугавчик. — Выходит, что я спас не тридцать солдат, а...

—Да. Ты спас тридцать одну амазонку. Не забывай и меня. Если бы не удалось спасти моих воинов, я бы тоже, наверно, умерла. Меня бы убила совесть.

—Почему — совесть? Разве ты виновата, что полил дождь?

—Нет. Я виновата в том, что увлеклась погоней за врагами, которые посмели напасть на наш город. Перестала следить за небом и... и все попали под ливень. Я очень виновата. Ведь если бы они погибли, то некому было бы защищать муравейник...

Целый день и целую ночь пробыли амазонки под крышей Старого Мухомора рядом с Желугавчиком. А утром, хотя кругом было ещё мокро, поспешили к своему городу.

К вечеру земля подсохла. Осталось только небольшое озеро. Иди куда хочешь... А куда идти? Ведь никаких следов не осталось. Даже тропинки к Большому Дубу не найти.

Тревожные мысли не покидали Желугавчика: где братцы? Что с ними стало? Увидит ли он их когда-нибудь?..

Он стал раздражительным. Сердился и ворчал на всех без разбора. На бабочек, что летали над головой. На Божью Коровку, которая присела отдохнуть ему на хвост. «Хорошо им! Летят куда хотят. Сверху-то далеко

видно». Но сам всё не решался уйти от Старого Мухомора: а вдруг Желудино снова вернется и не застанет его.

Желугавчик выбрал местечко поудобнее, свернулся калачиком на мягкой траве и закрыл глаза... Но сон не приходил. Желугавчик переворачивался с боку на бок. Пробовал заснуть, лёжа на животе, но ничего не получалось. Тогда он перевернулся на спину, открыл глаза и... всё понял.

Прямо над его головой плыла круглая жёлтая Луна. И от этого на полянке было светло как днём.

Желугавчик вежливо спросил её:

— Послушайте, кто вас сюда звал?

Луна не ответила и продолжала как ни в чём не бывало плыть между облаками.

Желугавчик рассердился и закричал:

— А ну уходи! Поплавала и хватит! Не мешай мне спать!

Но Луна и ухом не повела. Будто и не ей говорят.

Тогда Желугавчик стал грозить. Он лаял так громко и так долго, что Луна испугалась и спряталась за тучи.

— Давно бы так, — буркнул довольный собой Желугавчик. Лёг на правый бок.

И тотчас к нему пришёл замечательный сон. На зелёной полянке он увидел сразу всех: Желудино, Желустрёнка и Желурёнка. «Братцы! Я нашёл вас!» — радостно закричал Желугавчик... И вдруг всё вокруг заблестело серебристым светом, стало расплываться. И братцы вместе с зелёной полянкой тоже растворились, исчезли в этом сиянии...

Желугавчик полежал ещё немного, но сон не возвращался. И он понял, что проснулся окончательно. Открыл глаза и ахнул: всё вокруг и правда было залито серебристым светом луны.

— Ах, ты так! — в гнев прорычал Желугавчик. — Ну погоди!

Он прокрался в высокой траве к поваленному де-

реву, чтобы быть к Луне поближе. Разбежался по стволу, что было силы прыгнул вверх, щёлкнув зубами, — и кубарем полетел на землю.

«Эх! Промазал!» — подумал он, поднимаясь на ноги. И вдруг подскочил от радости. В озере, около самого берега, поднимая волны, барахталась Луна.

— Ага! Сбил!.. Я её сбил! — закричал он и храбро бросился в воду.

Желугавчик придавил её лапой ко дну, кусал, тербил зубами!..

Луна оказалась удивительно невкусная. Холодная. Мокрая. И вдобавок ещё — пахла тиной. Он с отвращением выплюнул кусок Луны, выскочил из воды и, не оглядываясь, пошёл к Мухомору...

Эту ночь Желугавчик то и дело ворочался, вздыхал и смотрел на небо. Но Луна не появилась даже на минуту.

Желугавчик не мог уснуть. Его мучила совесть.

«Ну, полаял бы немножко, и ладно... — упрекал он себя. — Ах, зачем я её так сильно кусал... Наверно, загрыз бедняжку насмерть... Неужели теперь никогда-никогда не будет плавать в облаках эта прекрасная желтолицая Луна?..»

Желугавчик так расстроился, что заплакал. А выплавав все слёзы, дал слово никогда больше зубам воли не давать!..

* * *

Утром заглянула к нему Архелая. Посмотрела на унылого Желугавчика и сказала:

— Плохо тебе... Друзей нет. Работы тоже нет. Совсем плохо! Сидишь и стареешь... Так и умереть можно...

И Желугавчик решил: «Пойду искать братьев!»

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛИК «КИЛЬКАВМАС»

Последний раз прогремел гром, и ливень кончился. Желудино вышел из дупла старой ветлы, куда забрался ещё до начала грозы, и присвистнул от удивления: никогда он не видел сразу так много воды! Она разлилась по низине огромным озером. Молоденькие ясени и клёны, кусты дерезы и тамарикса стояли в воде.

«Красота-то какая! — подумал Желудино, подходя к озеру. — Теперь всем воды хватит. И все будут радоваться...»

Откуда-то слышались странные звуки:

— Спа-а... буль-буль-буль... Спас... буль-буль.

Что такое? Глянул, а у самого берега барахтаются в воде большая чёрная жужелица и две божьих коровки. Едва они открывали рот, чтобы крикнуть «спасите!», как вода попадала им в горло, и получалось «буль-буль-буль».

Желудино не раздумывая бросился на помощь, вбежал по колено в воду и, протянув утопающим конец шпаги, вытащил их на берег. Они еле держались на ногах от страха и холода.

— Бегите в моё дупло греться! — приказал Желудино.

Жужелица тотчас поползла, спотыкаясь, к ветле. А божьи коровки заметались по берегу, в отчаянии скидывали вверх мокрые беспомощные крылышки.

— Что с вами? — удивился Желудино. — Нужно радоваться. Ведь всё плохое уже позади.

— Чему тут радоваться?! — воскликнули божьи коровки. — Там тонут наши дети!.. Уж лучше бы мы утонули, чем они.

— Ер-рун-да! Я спасу ваших детей! — сказал Желудино. — Перестаньте реветь. И марш в дупло!

Он сказал это так решительно, что божьи коровки сразу успокоились и пошли в дупло сушить свои крылышки.

Пообещать всегда легко. А вот выполнить... «На чём же я поплыву? — думал Желудино, почёсывая затылок. — Нужен кораблик... или лодка... Ну пусть хотя бы плот. А у меня нет ничего... — Он было приуныл, но подумал ещё и решил: — Правильно, если чего-то нет, значит, надо сделать... или найти!»—И отправился на поиски, напевая:

Хочу найти кораблик,
Кораблик, кораблик.
Хорошенький кораблик
Хочу найти!

Не успел он пропеть песенку в пятый раз, как увидел то, что искал. Дрожащими от счастья руками Желудино отбросил промокший газетный лист, под которым, выставив напоказ надёжное овальное днище, лежал на боку настоящий крепкий железный кораблик. У него даже парус был, тоже железный. Да такому парусу и мачта не нужна и любой шторм не страшен!

На борту кораблика золотыми буквами было написано

«КИЛЬКА В МАС...»

— Какое чудесное название у моего корабля! — обрадовался Желудино и пустился в пляс, приговаривая: — Килькавмас! Килькавмас! Килькавмасик!

Он сделал вёсла, понатужившись, спустил кораблик на воду и прыгнул в него. Ветер с разгона ударил в железный парус, и спасательный кораблик «Килькавмас» поплыл по озеру.

С веслом в руке Желудино стоял на корме и внимательно глядел вокруг. Завидев утопающих или услышав крик о помощи, он правил к ним и помогал взобраться на кораблик.

Опасения божьих коровок оказались напрасными. Все шестнадцать деток были живы и крепко держались за стебелёк, торчавший из воды.

Когда спасённых жуков, кузнечиков, ос и мотыль-

ков набралось столько, что на кораблике и ступить уже было некуда, Желудино направился к берегу.

Нетерпеливые кузнечики, не дождавшись, пока Желудино бросит сходни, сиганули на берег и поскакали подальше от страшной воды. Переваливаясь, пошли по сходням солидные жуки, побежали молодые божьи коровки. Больных мотыльков и ос Желудино на руках перенёс в дупло, чтобы они могли там отогреться и поправиться. А сам отправился во второй рейс.

Опоздай он хоть на минуту, утонула бы маленькая зелёная ящерица. Желудино подхватил её, когда она совсем уже выбилась из сил. Посмотрел на неё и крикнул от удивления:

—Где ты потеряла свой хвост?

—Я не теряла. Это Бездумкин оторвал. Он мне уже второй хвост отрывает, — плача рассказывала ящерица. — Когда первый раз оторвал, хвостик снова вырос. А теперь уже не вырастет никогда! И буду я всю жизнь некрасивая, бесхвостая.

Желудино хотел узнать, кто же такой Бездумкин, но тут из-за большого куста тамарикса послышалось:

—Ой! Я тону!.. Сейчас я совсем утону!..

— Ого! Не будь я Желудино, если это кричат не на птичьем языке!

Желудино быстро объехал куст и увидел маленького скворчонка, который из последних сил цеплялся за тоненький прутик, наклонно торчащий из воды. Прутик под его тяжестью изгибался, и скворчонок сползал в воду. Он отчаянно хлопал по воде мокрыми крыльями и снова цеплялся за свою последнюю надежду.

Желудино подхватил его под крылышко. Бесхвосточка помогла с другой стороны. И они вдвоём втянули несчастного на кораблик. Едва почувствовав под собой надёжную опору, скворчонок пискнул что-то, закрыл глаза и повалился на бок.

— Он умер! — испугалась Бесхвосточка.

Желудино приложил ухо к его груди. Сердце скворчонка чуть слышно билось.

— Нет, он ещё живой. Нужно скорее увезти его и отогреть!

Но едва «Килькавмас» выплыл из-за куста на чистую воду, как подул встречный ветер и стал относить его к середине озера. Тогда Желудино грудью налёг на рулевое весло и ловко направил кораблик в самую середину куста. «Теперь не унесёт, — подумал он. — Но как же побыстрее добраться до берега? — И вдруг он увидел в воде огромного жука. — Что? Ещё один тонет?!...»

Нет. Жук вёл себя совсем не так, как те, которых Желудино спасал. Он не звал на помощь. Не пытался выкарабкаться из воды. Наоборот, время от времени он спокойно опускался под воду, а потом неторопливо всплывал на поверхность... А как он красиво грёб широкими сильными лапами, похожими на вёсла! Быть в воде ему, видно, очень нравилось.

— Послушайте, приятель! — окликнул Желудино. — Вы, как я вижу, большой водолюб! Подплывите сюда. Я хочу поговорить с вами.

— Да. Моё полное имя Большой Чёрный Водолюб! — с гордостью ответил жук. — Но как вы узнали? И кто вы такой?

— Я желудёвый человечек. Мальчик.

— Мальчик?! — испуганно вскрикнул жук. — Тогда я не подплыву!

— Почему?

— Один мальчик... — его зовут Бездумкин... — вывихнул мне две ноги и чуть не оторвал усик!.. Он бы замучил меня насмерть, если бы не девочка...

— Женья?! — радостно вскрикнул Желудино.

— Женья, — удивлённо ответил Водолюб. — Послушай, откуда ты всё знаешь? Ты волшебник?

— Нет, я только Желудино и Женин друг. Помогите нам поскорее добраться до берега. Видишь, у нас

больной скворчонок. Он может умереть.

— Женины друзья — мои друзья! — торжественно ответил Водолуб. — И я готов помочь. Только не могу понять, почему вы все боитесь воды? Как это можно утонуть в такой вкусной, мокрой, в такой прекрасной воде?..

Желудино не стал с ним спорить, завязал на концах длинной крепкой соломинки два узла. Один конец зажал челюстями Водолуб, в другой вцепилась ящерица Бесхвосточка.

Желудино стал на руле и скомандовал:

— Полный вперед!

Заработали сильные лапы Водолуба. Канат натянулся. Спасательный кораблик «Килькавмас» с больным скворчонок на борту осторожно вышел из гавани и поплыл против ветра.

ЛОШАДИНОЕ ТЕРПЕНИЕ

Желурёнок проснулся и сразу почувствовал, что он не один. С той стороны куста слышался шорох и ещё какие-то непонятные звуки... Крадучись, он обошёл куст и... чуть не вскрикнул от радости. В самой чаще ветвей, сунув голову под крыло, сидел Желу-стрёнок и бормотал, как заведённый:

— Уходи, чудовище... Ты меня не увидишь, чудовище... Совсем не увидишь... Ни за что не увидишь... потому что я очень хорошо спрятался... Уходи, чудовище...

Желурёнок хотел окликнуть его, но передумал. Решил немного подшутить над трусишкой. Он уткнулся губами в листья подорожника и сказал грубым голосом:

— А чей это тут хвост торчит?!.. Вот я его сейчас вытащу!.. И съем!

— Ой! Ой! Ой! — запищал Желустрёнок. — Я пропал!.. Чудовище увидело мой хвост!.., Теперь оно меня съест!.. И я уже никогда не буду обгонять поезда-а-а!..

От страха он так затрясся, что закачались ветки, и с них градом посыпались капли росы. Желурёнок цапнул брата за трясущийся хвост и вытащил из куста. Желустрёнок упирался, цеплялся лапами за траву, икал и пищал от ужаса. Желурёнок не выдержал и раскатисто заржал:

—И-и-и-га-га-га-га!.. Что, напугал я тебя, трусишка?!.. Да не бойся же! Это я... Посмотри!

Желустрёнок смолк. Полежал немного, ещё не веря своему счастью. Нет, никто его не съедает... И осторожно выглянул из-под крыла:

—А где чу-чу-чу-довище?.. Вон там оно, за кустом... Всю ночь травой шелестело и со-пе-пе-ло.

—Да никакого чудовища тут и не было! Это я ночью за кустом спал и траву жевал.

—Ик!.. Ты-ы-ы?.. Как... ты-ы-ы?..

—Да так! А ты, трусишка, дрожал понапрасну.

Желустрёнок наконец понял, что никакой опасности нет. И как только он это понял, моментально преобразился. Такой уж у него был несносный, задавашистый характер. Он вытянулся, задрал нос и, глядя на Желурёнка с высоты своего роста, сказал спесиво:

—Я не люблю, когда меня оскорбляют!

—Я оскорбляю?! — удивлённо спросил Желурёнок.

—Оскорбляешь! Ты сказал «трус»... А я не трус! Это ты трус! Страусы — смелые птицы!

—А чего же ты тряся?

—Кто тряся?.. Я тряся?.. Это ты тряся!.. А я совсем и не тряся... А может, мне было холодно!..

—Ну ладно, ладно! Пускай ты не тряся, — миролюбиво согласился Желурёнок. Он знал, что если уж страусёнок заупрямился, то будет всё говорить и делать наоборот. — Успокойся... Как хорошо, что я нашёл тебя! Теперь нас двое!

—Он меня нашёл! — хмыкнул страусёнок. — Это я тебя нашёл!

—Хорошо. Пусть ты... Теперь мы вместе будем искать Желудино и Желугавчика, правда?

—Не хочу искать! Пусть они меня ищут. Я пить хочу!

—Пей. Вон сколько росы на ветках.

—Не хочу на ветках! Я привык из кувшинчика!

—Давай поищем кувшинчик, — согласился Желурёнок. — Ты иди сюда, а я пойду туда. Кто первый найдёт, тот крикнет. Ладно?

—Хитренький! Лучше я пойду туда, а ты иди сюда! — не уступал Желустрёнок. — Я сам найду!..

И они разошлись в разные стороны. Желурёнку посчастливилось. Едва отошёл он шагов на двадцать, как увидел ласковец — почти такой же кустик с листочками-чашечками, какой рос около их хижины.

—Бра-а-тец! Иди сю-да-а!.. Только, чур, мой нижний кувшинчик!

—Почему твой? Нижний мой! — закричал Желустрёнок, появляясь из-за кустов.

—Потому что из верхнего мне пить неудобно. Тогда придётся становиться на дыбы. Разве так лошади пьют?!..

—Ха! А мне какое дело! Мой нижний, вот и всё! Желустрёнок с разгону сунулся в нижнюю чашечку.

Обиженный Желурёнок посмотрел на младшего братца с укоризной, но ничего не сказал. Попробовал пить из верхнего листика... Неудобно! И он принялся слизывать росу с веток.

Желустрёнок жадно глотал, глотал, глотал воду, будто боялся, что её отнимут. Когда воды осталось чуть на доньшке, он вдруг закричал:

—Ладно! Я согласен! Пусть нижний листок будет твой. — Поднялся во весь рост и стал, торопясь и захлебываясь, пить из верхнего листика...

Желурёнок уже давно утолил жажду и смотрел на братца, который всё пил и пил без остановки. Со стороны страусёнок был похож на пузатый кувшин с

длинным выгнутым горлышком, поставленный на две тоненькие ножки.

—Хватит! — крикнул Желурёнок. — Ты лопнешь от воды! Ну и жадина!..

—Я не жадина! Это ты... — возмущённо пискнем Желустрёнок, отрываясь от воды.

Но едва он опустил голову, в горле у него булькнуло, и изо рта фонтанчиком прыснула вода. Ноги не удержали тяжести живота. Желустрёнок плюхнулся на землю. Грудь сдавило. Дышать стало нечем. Он вытаращил глаза и закричал:

—Ох!.. Ой!.. Аи!.. Умираю... Я умираю!.. Братец, спаси меня!..

Желурёнок и сам испугался. Что делать? Эх, если бы тут был Желудино! Он бы сразу помог... Желурёнок заметался:

—Я сейчас! Я придумаю, маленький.

Но ничего не придумывалось. Он хотел похлопать себя по голове, чтоб лучше думалось, как это делал Желудино, Но у него ничего не вышло: копыто не доставало. Тогда он постукался головой о ветку... И странное дело — сразу пришла великолепная мысль: «Вода наливается сверху. А выливается снизу! Значит, нужно просто...»

—Ну, скорей же думай! — простонал Желустрёнок. — Она разорвёт мне живот!

—Готово! — выкрикнул Желурёнок. — Только раз ты больной, а я доктор, слушайся меня и помогай.

Желурёнок выдернул несколько длинных и крепких травинок. Вместе с охающим Желустрёнком, который теперь беспрекословно выполнял все команды брата, он свил верёвку. Одним концом её связали ноги больного, а другой перекинули через ветку куста. Желурёнок ухватился за конец верёвки зубами и потянул изо всех сил... Связанные лапы Желустрёнка поднимались всё выше и выше. И как только он повис на кусте вверх ногами, изо рта ручьём полилась вода. Раздутый, как

бочонок, живот худел на глазах...

—Ну вот, я и спас тебя, — сказал Желурёнок, освобождая ноги братца от верёвок. — Вставай. Теперь ты совсем здоровый.

—Правда?! — обрадовался страусёнок и вскочил на ноги. — Как ты меня хорошо вылечил! Как настоящий доктор.

—Да какой я доктор?!.. Просто я так сильно испугался, что ты умрёшь! Вот и пришлось шевелить мозгами... Только больше не зазнавайся и не жадничай!

—Ага! Я никогда не стану жадничать и всегда буду слушаться! — весело крикнул Желустрёнок и принялся бегать по кругу, разминая затёкшие от верёвок ноги.

—Хватит, братец! Пора в путь, — сказал Желурёнок.

—Не мешай мне! Ты же видишь — я тренируюсь.

В другое время Желурёнок сам бы с удовольствием побегал. Но теперь чувствовал ответственность за младшего брата и старался всё делать разумно, как сделал бы Желудино. Он снова и снова уговаривал братца, но тот не обращал на него никакого внимания. Наконец, когда страусёнок пробежал, наверно, сто кругов, Желурёнок не выдержал:

—Ты просто бессовестный! Только что обещал слушаться, а теперь что делаешь?!

—Ты сам бессовестный!.. Я буду чемпионом! Ты мне завидуешь!.. На что мне такой брат нужен! Можешь убираться! Я сам найду Желудино... — он запнулся на секунду. — Нет! Никуда я не пойду! Пусть Желудино сам меня ищет! — Желустрёнок лёг на траву и отвернулся.

— Ну, братец! — возмутился Желурёнок. — Моё лошадиное терпение кончилось! Теперь всё. Я больше с тобой нянчиться не буду! Дубово! — Он фыркнул и поскакал прочь...

* * *

Сначала Желустрёнок задыхался от гнева и ругал Желурёнка. Потом ему до слёз стало жалко себя, и он захныкал:

— Все меня бросили... Вот умру тут один, так будете знать... как обижать маленького, беззащитного Желустрёнка.

Он даже закрыл глаза, будто и правда умирает... А ещё чуть погодя понял: Желурёнок в самом деле ушёл! И слезами тут не поможешь... Ещё несколько минут упрямство удерживало его на месте. И вдруг Желустрёнка охватил страх: «Я один! Я совсем один!..»

Отовсюду слышались незнакомые шорохи... Кто-то невидимый наблюдал за ним. По спине побежали мурашки. Он вскочил и помчался за братом.

Желурёнка он догнал неожиданно быстро, сразу за ближними кустами.

— Я это... Ты не сердись... Я не хотел!.. Оно само так получается... Можно, я пойду с тобой?

— Очень мне нужно! Отстань, капризуля!

— Мне-е страш-но-о-о-о! — в голос заревел Желустрёнок.

— Ну ладно, ладно, — смягчился Желурёнок. — Но если ты опять будешь...

— Не-е-ет! Я больше не буду.

— Хорошо, — Желурёнок слизал братцу слёзы, привёл в порядок растрёпанные перышки и бодро скомандовал: — Ну, а теперь к Старому Мухомору ма-а-арш!

ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО

Ноги то скользили и разъезжались в разные стороны, то их еле удавалось выдёргивать из вязкой почвы. Желурёнку, который был тяжелее брата, приходилось особенно туго. Раз он так завяз, что

чуть не сломал заднюю левую ногу. Что-то хрустнуло, стало больно ступать. Но Желурёнок собрал всё своё мужество и, преодолевая боль, шагал и шагал вперёд.

Глинистой насыпи, по хребту которой Желустрёнок и Желурёнок шли уже второй день, казалось, не будет конца. Но свернуть некуда. Справа — колючие заросли, утопающие в болоте. Слева, в двадцати шагах, насыпь обрывается отвесно, и вдоль неё, насколько можно увидеть глазом, тянется не то река, не то узкое озеро, наполненное мутной желтоватой водой.

Желустрёнок время от времени ложился на землю, отчего пузечко его из светло-серого стало грязно-жёлтым. И каждый раз говорил жалобно:

— Всё! Больше я не поднимусь...

Желурёнок, который устал не меньше брата, молча останавливался, а чуть погода, прихрамывая на левую заднюю ногу, трогался дальше. Тогда Желустрёнок, охая, поднимался и, качаясь из стороны в сторону, покорно топал за ним.

Когда страусёнок, наверно, уже в сотый раз присел отдохнуть, перед ним на насыпь опустилась нарядная птица с чёрными крыльями, разукрашенными жёлтыми

узорами, и с красным ободком вокруг клюва. Она в упор поглядела на него, крикнула что-то и улетела.

— Что она сказала? — встревожился Желурёнок.

— Да ничего... Крикнула: «Вот он! Вот он!» И всё.

— Ох, не нравится мне это! Давай-ка бегом отсюда.

— Я не отдохнул ещё! — пискнул страусёнок.

— После отдохнёшь! Видишь, болото уже почти кончилось. Спрячемся в зарослях.

— Чего ты боишься? Она только чуть больше меня. А ноги у неё совсем короткие. Никудышные! — храбрился Желустрёнок.

И вдруг солнце закрыла тень. Раздался свист рассекаемого воздуха. Желурёнок глянул вверх и обмер: с неба на раскинутых мощных крыльях спускалась громадная Чёрная птица.

— Прячься, братец! За мной! — закричал он и во весь опор понёсся с насыпи в заросли колючей травы.

Пока Желустрёнок подумал, бежать ему за братом или не бежать, пока нехотя встал на ноги, птица уже нависла у него над головой. Увидев её, Желустрёнок запищал, заметался, кинулся влево и, растопырив лапы, как на лыжах, заскользил с крутого глинистого склона всё быстрее и быстрее! Не удержался на краю, сорвался с обрыва и — бульк! С головой погрузился в воду...

Едва Желустрёнок, отчаянно барахтаясь, показался над водой, Чёрная птица вцепилась в него когтистыми, сильными лапами, подняла высоко в воздух и понесла...

Он пришёл в себя уже на траве. Чуть приоткрыл глаз и тотчас зажмурился. Чёрная птица была рядом! «Сейчас она увидит, что я живой... долбанёт своим клювищем!.. И конец...» — Желустрёнку стало так жалко себя, что он заплакал.

Чёрная птица заметила слёзы, вскрикнула страшным голосом и толкнула его крылом.

Желустрёнок вскочил, изо всех сил пустился бежать к недалёким кустам. Но Чёрная птица взлетела и мигом перегнала его. У Желустрёнка от страха подкосились ноги. Он упал и спрятал голову под крыло...

* * *

Желурёнку не было видно, что происходило по ту сторону насыпи. Беспокоило только, куда делся Желустрёнок.

Когда, тяжело махая громадными крыльями, Чёрная птица поднялась над деревьями и улетела, он выбрался из зарослей и принялся искать брата... Нашёл его очень далеко от того места, где они расстались, на сухой полянке, покрытой ярко-зелёным ковром цветущего спорыша.

Желустрёнок с радостным писком бросился навстречу и, торопясь, захлебываясь словами, рассказал, что с ним произошло.

— И Чёрная птица тебя не клюнула?

— Клюнула.

— Покажи голову! — в ужасе вскрикнул Желурёнок. — Она, наверно, пробила дырку.

— Нет. Голова совсем целая! — радостно сообщил Желустрёнок. — Она клюнула меня наоборот. В этот... в хвост.

— В хвост?!

— Ну да. И выдернула вот... из хвоста самое маленькое чёрное перышко.

— И больше ничего не сделала?!

— Конечно, сделала! Она это... улетела. И крикнула что-то. А что, не помню... Ага, вспомнил! Она крикнула на птичьем языке.

— Да что крикнула? Что?!

— А-а-а, ерунду какую-то. «Так надо! Так надо!» — крикнула. Вот глупая. Я бы это маленькое перышко и сам отдал, если ей так надо. Мне ни ка-

пельки и не жалко. Оно же расшаталось и совсем еле держалось...

— Странная птица, — задумчиво сказал Желурёнок. — Но хорошо ещё, что всё так кончилось...

Ночь прошла ужасно. Они вздрагивали при малейшем шорохе. Не выспались, а только измучились. Утром Желустрёнок проснулся раньше брата и уже сам торопил его:

— Пошли скорей искать Желудино и Желугавчика, а то пропадём без них совсем! Нас съедят... или утащат...

Двигались они теперь осторожно. Открытые места перебегали и всё поглядывали на небо: не появилась бы опять страшная Чёрная птица.

Каждый раз, когда вдали показывался гриб-мухомор, Желурёнок забывал о больной ноге и галопом мчался к нему. Но это оказывался опять не тот мухомор. Желурёнок понуро опускал голову и хромал ещё больше. Пять раз ошибались они. Поэтому, когда в просвете между кустами открылась полянка с большим грибом под красной шляпкой, усеянной белыми крапинками, Желурёнок попросил:

— Братец, сбегай сам, посмотри. Нога болит не возможно.

Желустрёнок неохотно пошёл и скрылся за кустами. Вернулся он неожиданно скоро и доложил:

— Это совсем не Старый Мухомор. Это очень маленький мухоморыш... Ну, что ты на меня так смотришь?.. Я лучше пойду водички попью из того озера, — и убежал.

«Странно, — подумал Желурёнок, — издали этот мухомор кажется таким большим. А вблизи он, оказывается, маленький!..» — и вдруг услышал испуганный крик:

— Братик! Скажи им!.. Я боюсь!

— Что такое? Кому сказать? — подбегая, спросил

Желурёнок.

—Вон! Вон! Они на меня смотрят! — пискнул страусёнок и спрятался за спину брата.

Желурёнок посмотрел и тоже испугался. У самого берега из воды торчало пар десять большущих выпуклых глаз с узкими щёлочками зрачков. Они смотрели не мигая. От этих взглядов мурашки побежали по спине... Вдруг, как по команде, из воды поднялось с десятков отвратительных морд, и на берег выпрыгнули невиданные зелёные звери.

Желудята отпрянули назад. Ну и страшилища! Ни шерсти на них, ни волос, ни перышек! Звери были совершенно голые!

— Кто вы? Ку-куда вы?.. Мы вас не трогали! — дрожащим голосом проржал Желурёнок.

— Квак! К вам!.. Квак! К вам! — оглушительно закричали звери, разинув пасти, в каждой из которых уместились бы и Желурёнок и Желустрёнок вместе.

—Послушайте, кваки! Не надо к нам!.. Не надо, кваки! Мы вас не звали!— умоляли братья в два голоса.

Но звери, не обращая внимания на их крики, приближались огромными прыжками. Желурёнок оглянулся, и грива у него стала дыбом: бежать было некуда! Кваки окружили их со всех сторон.

— Спа-си-и-те-е!.. Желу-ди-и-но-о!.. Желугав-чи-и-ик! — в ужасе закричали братья...

* * *

На следующее утро, после разговора с Архелайей, Желугавчик отправился на поиски. И только успел отбежать от полянки на три сотни собачьих шагов, как увидел на влажной ещё после дождя земле чёткие следы. У Желугавчика так и брызнули слёзы от радости! Они! Конечно, они! Вот отпечатки двупалых лап милого Желустрёнка. А это — круглые следы копыт резвого Желурёнка.

— Ура-а-а! Я нашёл братцев! — восторженно взвизгнул Желугавчик и побежал по следам.

Но найти братцев оказалось не так просто. Следы виляли между кустами, делали неожиданные повороты и петли... Было уже далеко за полдень, когда, сделав огромный крюк, следы снова стали приближаться к полянке.

До Старого Мухомора было уже, как говорится, лапой подать, когда Желугавчик услышал отчаянный крик:

— Спа-си-и-те-е-е!..

Он надал ходу и выскочил к озеру, в которое позавчера сбил с неба Луну. У берега метались Желустрёнок и Желурёнок. А на них, вытаращив страшные глаза, наступали большущие зелёные звери.

В сердце не просочилась и капелька страха. Братья в опасности! Желугавчик поднял хвост саблей, скомандовал себе: «Вперёд!» — и бесстрашно бросился на врагов.

Да если бы тут были не эти пучеглазые страшилища, а целое стадо крокодилов, он и тогда бы не отступил!

— Бей их!.. Загрызу!.. Р-раз-дав-лю-у!.. Уничто-ожу-у! — грозно закричал Желугавчик на всех языках, которым учил его в школе Желудино.

Увидев Желугавчика, который, как вихрь, несся в атаку, услышав его страшные слова, зелёные лупоглазые звери испуганно заквакали, со всех ног пустились наутёк и один за другим попрыгали в озеро, подняв со дна такую муть, что в воде ничего уже невозможно было разглядеть...

До самого вечера Желустрёнок и Желурёнок ни на шаг не отходили от Желугавчика. И всё рассказывали о своих приключениях. А он никак не мог на них наглядеться.

Когда пришло время ложиться спать, Желугавчик устелил землю под грибом свежим мхом и укрыл братцев сухими листьями. Желурёнок тоже лёг, потому что нога ныла всё больше, и спать стоя он уже не мог.

Желустрёнок разнежился и, зевая во весь клюв, попросил:

— Расскажи мне сказку.

— Сказку я не умею. А вот послушайте, что со мной случилось недавно, — и Желугавчик рассказал о том, как он поссорился с Луной и что из этого вышло.

— Ах, зачем ты это сделал? — вздохнул Желурёнок. — Я так любил Луну... И Желудино она тоже очень нравилась. Неужели теперь совсем-совсем нельзя ей ничем помочь?

Не знаю... Сам третью ночь мучаюсь... Ну, ты спи, спи... Желустрёнок уже вон как носом по-свистывает...

Долго сидел Желугавчик, охраняя сон младших братьев. И думал. Небо над ним чёрное-чёрное. Хоть бы крошечный лучик луны... Он не заметил, как задремал. И вдруг будто его кто в бок толкнул. Он встрепенулся. Огляделся... Как всё изменилось вокруг! Но почему?.. Поднял голову и вскочил. На дальнем краю предрассветного неба, между тучками, осторожно скользила Луна. Но какая она бледная! Унылая... И уже совсем не круглая, а без порядочной горбушки.

— Это я... я откусил горбушку, глупый пёс! — ругал себя Желугавчик. — А бледная она оттого, что больная. Но всё-таки она живая!.. Ты прости меня, Луна! Я больше никогда не буду!.. Ты поправляйся... и свети, пожалуйста. Свети!..

Луна ничего ему не ответила. А чуть погода совсем спряталась за лохматые чёрные тучи. Конечно, она рассердилась...

Но у Желугавчика отлегло от сердца. Ведь Луна-то жива! Он уткнул нос в лапы и уснул.

Никогда, наверно, так сладко не спали Желустрёнок и Желурёнок. Они проспали утреннюю зарю и Гимн Солнцу, который очень громко исполняли птицы. Разбудил их лишь Желугавчик весёлой песенкой

собственного сочинения под названием «Желудино жив! Гав! Гав!»

Песня братцам так понравилась, что они решили сочинить ещё одну хорошую песню о Желудино и о том, как чудесно было всем вместе жить в хижине у Большого Дуба. А когда старший брат вернётся, они сделают ему сюрприз.

—Давайте сразу сейчас сочинять! — предложил нетерпеливый Желустрёнок. Все согласились с ним и тотчас принялись за дело... Когда уже больше половины песни было готово, Желустрёнок заявил:

—А мне гулять хочется!

—Пожалуйста, — разрешил Желугавчик. — А мы ещё посочиняем.

—Ага! Я один боюсь! А вдруг опять кто-нибудь!..

—Ладно! — сказал Желугавчик. — Сейчас мы напьемся, а потом прогуляемся в другую сторону. И по дороге будем всех спрашивать, не видал ли кто нашего Желудино...

Нет. Всё-таки озеро было заколдованное. От него— все несчастья. И Луна в него упала. И зелёные звери из него выскочили. А теперь случилось самое худшее: Желурёнок зашёл в воду и едва начал пить, как вдруг заржал тревожно:

—Братцы!.. Я, кажется, тону!

—Ха-ха-ха! Он тонет! — рассмеялся страусёнок. — Как же ты тонешь, если воды тебе по колено?

—Я правда тону!.. Ноги проваливаются куда-то. Я не могу их вытащить.

—К берегу!.. К берегу!—закричал Желугавчик. — И ты, Желустрёнок, марш из воды!.. Держись! Мы поможем!

Желугавчик и Желустрёнок выскочили на берег благополучно. А Желурёнка озеро держало крепко. Едва он выдёргивал из вязкого дна одну ногу, три других погружались ещё глубже... Кое-как он всё-таки сумел развернуться головой к берегу, сделать четыре-

пять шагов вперёд и тут обессилел.

— Не могу!.. Ни шагу больше не могу, — хрипел он.

— Желустрёнок! Хватай меня за хвост! — командовал Желугавчик. А сам бросился в воду и вцепился в уздечку Желурёнка.

Они тянули. Дёргали... Желурёнок, хоть и с громадными усилиями, но продвигался к берегу шаг за шагом. И вдруг закричал:

— Ой, нога!.. Ой, моя левая задняя нога!..

— Что с ней?! — испугался Желугавчик

— Ой, она же больная! Ой, она сейчас поломаётся!

— Ну потерпи, Желурёнок! Потерпи! — уговаривал Желугавчик. — Осталось же совсем немного... Ну, ещё... Раз-два — взя-ли!.. Раз-два!..

— О-о-о-о! — отчаянно вскрикнул Желурёнок, и из глаз его покатились крупные лошадиные слёзы.

— Что же ты кричишь? — удивился Желустрёнок. — Ты уже на берегу. Мы тебя спасли...

Желугавчик посмотрел на спасённого и остолбенел. Желурёнок стоял на берегу, качаясь... на трёх ногах... А четвёртая — торчала из воды в нескольких шагах от берега...

— Не плачь, Желурёнок! Не плачь!.. Мы сейчас сделаем тебе всё так, как было! — успокаивали его братья.

Они вдвоём еле вырвали ногу Желурёнка из топкого дна. Долго пытались поставить её на прежнее место. Но из этого ничего не получилось. Нога не лезла...

Печальные, возвращались они к Старому Мухомору. Желурёнок скакал на трёх ногах. Желустрёнок поддерживал его сбоку. А Желугавчик осторожно нёс в зубах его ногу.

День проходил медленно и грустно. Все думали об одном: «Эх, если бы тут был Желудино!.. Желудино всё умеет. Он бы что-нибудь обязательно придумал...»

Чтобы развеселить братьев, Желугавчик запел песню «Желудино жив! Гав! Гав!». Сначала ему подпевал один Желустрёнок. Потом, думая о чём-то своём и всё поглядывая на свою ножку-спичечку с серным копытцем, облепленным жёлто-чёрной грязью, стал тихонько подпевать дрожащим голосом и Желурёнок... Тихо надвигался вечер.

«ОТКРЫТИЕ ДОБРЫХ ГЛАЗ»

Как только спасательный кораблик «Килькавмас» достиг берега, Желудино с помощью Бесхвосточки перенёс пострадавшего скворчонка на траву и стал делать ему искусственное дыхание.

Едва он открыл глаза, Желудино спросил:

— Как тебя зовут, скворушка?

— Чолик, — пискнул скворчонок.

— А что у тебя болит?

— В груди всё огнём горит.

— Вставай на лапки, Чолик. Давай я тебе помогу. Пойдём в нашу больницу. Слушайся меня, и тогда ты быстро поправишься.

В дупле старой ветлы, превращенном в больницу для пострадавших, Желудино уложил Чолика на мох. Его

тотчас окружили.

— Какие у него сильные крылья! — восторгалась цветочная оса Мазарида. — Вот бы мне такие!

— А какой большой!.. Неужели птицы тоже тонут? — удивлялись жуки и кузнечики.

Ящерица Бесхвосточка оказалась прекрасной помощницей. Она знала все травы. Стоило только Желудино сказать, какое лекарство необходимо, и она уже тащила в зубах то, что нужно.

Желудино дал Чолику склевать целый лист малины.

— Ой как невкусно! — пищал скворчонок.

— Ничего. Невкусно, но лекарственно! Ешь! — настаивал Желудино. — А теперь проглоти эти таблетки, — и сунул скворчонку в клюв пять сухих зёрнышек мака.

Пока они с Бесхвосточкой оказывали помощь другим, лекарство уже подействовало: Чолик согрелся и заснул.

* * *

Желудино давно уже сделал открытие. Он назвал его «Открытие Добрых Глаз», потому что всё зависит от того, как открыть глаза. Если ты проснулся поздно и, едва открыв глаза, хмуришь брови, сердисься неизвестно на кого и на что, а с языка уже слетают слова: «НЕ хочу!.. НЕ могу!.. НЕ буду!» — добра от этого дня не жди. До самого вечера будут преследовать неудачи. И на тебя тоже будут сердиться.

А Открытие Добрых Глаз делается вот как. Рано утром, как только проснулся, говоришь себе: «А что сегодня будет? Новый день. Вот здорово! Хочу, чтобы он был хорошим и удачным. Раз, два, три!» — открыл глаза, улыбнулся и посмотрел вокруг весёлыми глазами. Улыбнуться нужно обязательно, иначе ничего не выйдет. Вот. Начало уже сделано. Теперь быстренько вскакивай с постели, а то прозеваешь волшебную воду. Дело в том, что вода бывает волшебной только ранним

утром. Потом вода нагреется, а это значит, что из неё уже вышла вся волшебная сила. И пока ты бежишь к волшебной воде, не забудь всем сказать, что утро доброе. Это тоже очень важно. Нужно, чтобы все знали.

—Здравствуй, Солнышко! Доброе ут-ро-о!

—Здравствуй, Маленький Человечек! — и шлёт ему Солнышко самые ласковые лучи, от которых становится тепло и радостно.

Странно, но некоторые не знают, что лучи солнца с утра тоже волшебные. Не то что в полдень.

—Здравствуй, Утро-о-о!.. Здравствуй, Роща-а-а! Здравствуйте, Пти-цы!.. Здравствуйте все-е-е!..

—Здравствуй, Желудино!.. Будь счастлив, Маленький Человечек! — щебечут птицы. Приветливо машут ветвями деревья, кивают головками цветы.

Быстренько умылся, глотнул волшебной воды и приступай к делу. Руки сами так и просят: «Дай поделать что-нибудь!» Ноги так и носят тебя туда и сюда, да ещё и пританцовывают. Л глаза уже ищут: такое сделать хочется, чтобы всем хорошо стало! И всё у тебя ладится, всё тебе нравится...

Плохо жилось Желудино, пока он не сделал этого открытия. Зато теперь—красота!

Желудино проснулся вместе с Солнышком, вспомнил свой корабль «Килькавмас», вспомнил, что у него в дупле целая больница. И всем он, Желудино, нужен, всем он может помочь. От этого стало так радостно, что он улыбнулся, выскочил из-под листа лопуха, под которым провёл ночь, посмотрел весёлыми глазами вокруг, сказал всем: «Доброе утро!» — и, умывшись волшебной утренней водой, вместе со своей помощницей Бесхвосточкой принялся лечить больных. Одним они вправляли вывихнутые лапки и усики, делали примочки, другим давали лекарства от простуды и нервного расстройства.

Лечили они так хорошо, что к полудню, подсушив крылышки, первыми покинули больницу божьи коровки. Они взлетели всей семьёй и, сделав прощальный круг, исчезли за деревьями.

Когда ещё немного подсохло, ускакали кузнечики. За ними уползли жужелицы и другие жуки. В дупле старой ветлы остались только мотылёк, цветочная оса Мазарида да скворчонок.

Проспав ночь, день и ещё ночь, Чолик проснулся совершенно здоровым. Вышел из дупла, вспорхнул на дерево и закричал:

— Ой как хорошо!

И тут, откуда ни возьмись, налетела целая стая скворцов. Окружили Чолика, расспрашивают, разглядывают, радуются:

— Куда ты задевался?.. Мы тебя третий день ищем!..

— Дедушка Белый Нос! — вскрикнул Чолик, кидаясь к солидному старому скворцу. И, торопясь, стал рассказывать, как он чуть не утонул, а Желудино спас его и вылечил.

Скворцы слушали и всплёскивали крыльями от

удивления. Потом они слетели на землю и приблизились к Желудино.

—Ты молод, Желудёвый Человечек, но мы уже слышали о тебе много хорошего! — выйдя вперёд, торжественно сказал мудрый скворец Белый Нос. — У тебя храброе и доброе сердце. А это — самое главное. Ты спас нашего малыша Чолика. И по закону скворчиного народа ты наш друг навеки! Теперь все скворчихи-матери каждое утро после Гимна Солнцу будут славить твоё имя.

Скворцы в опрятных чёрных пиджаках, чуть расставив крылья, низко, до земли, поклонились Желудино.

Он ужасно растрогался и долго ничего не мог ответить.

—Проси всё, что хочешь, — сказал старый скворец.

—Уважаемый Белый Нос, — ответил Желудино. — Я немного говорю на птичьем языке, а вот писать не умею.

—Хорошо. Я сам научу тебя писать.

—И ещё скажите: почему скворцы не живут в роще?

—Ах, — вздохнул Белый Нос, — роща прекрасна. Добрые человечьи дети сделали и развесили на деревьях много уютных домиков. И жили мы тут припеваючи, пока не повадился сюда ходить Бездумкин. Он разорял одно гнездо за другим. И тогда нам пришлось переселиться в лесную полосу далеко за городом.

—Опять он! — воскликнул Желудино. — Неужели один мальчишка может столько сделать несчастными?!

—Я стар и видел многое, — ответил Белый Нос. — Один Бездумкин может сделать столько зла, что уничтожит труд десятка хороших людей. Пройди по аллее тополей, и ты увидишь сам.

Пока скворцы паслись, выискивая в траве корм,

Белый Нос показывал Желудино, как писать на птичьем языке. Потом крылом стёр написанное и сказал:

— А теперь сам попробуй.

Желудино взял прутик и стал выводить на песчаной дорожке стёртые старым скворцом знаки.

— Молодец! — похвалил Белый Нос. — Твоё письмо поймёт всякая птица. А теперь я скажу тебе секретные слова. Если попадёшь в беду, скажи только: «Чью-чьи! Фью-у-у-ить!» Запомнил? Или напиши их. И любой из моих братьев придёт тебе на помощь.

Желудино поблагодарил мудрого скворца, погладил Чолика по головке. И стая дружно взмыла в небо.

* * *

Проводив последних — мотылька и цветочную осу Мазариду, Желудино попрощался с Бесхвосточкой, сел у опустевшего дупла и задумался: «Почему до сих пор нет вестей? Ведь все, кто покинул больницу, обещали немедленно сообщить, как только увидят братцев!..» И только успел он так подумать, как на травинку перед ним опустился молоденький светлячок.

— Откуда ты, маленький? — удивился Желудино. — Ведь светлячки не любят летать днём без большой надобности.

— А у меня, Желудино, самая большая надобность. Жужелица сказала стрекозе, стрекоза сказала муравью, муравей сказал бабочке, бабочка сказала Люциоле, а Люциола, моя двоюродная тётя, приказала мне лететь без отдыха и передать, что сегодня ночью три ваших братца спали под Старым Мухомором. Я всё сказал. Я полетел. До свиданья! — Оттараторив всё это без передышки, молодой светлячок скрылся так быстро, что Желудино даже не успел сказать ему «спасибо».

Желудино позвал двенадцать огромных жуков-

носорогов и с их помощью втащил спасательный кораблик «Килькавмас» в дупло старой ветлы. Ведь он может ещё когда-нибудь пригодиться...

Покончив со своими делами, Желудино прикрыл вход в дупло куском коры и поспешил к Старому Мухомору.

* * *

Впереди слышались голоса. И когда Желудино отделяло от говоривших всего несколько стеблей, раздалась песня:

Трудно жить нам без старшего брата.

Нам ого не хватает везде.

Он научит, —

тоненьким голоском пропел Желустрёнок, —
поможет...

«Кто это? — подумал Желудино. — Да Желурёнок же!»

иногда и накажет, —

вздыхнув, допел Желугавчик.

Но никогда не оставит в беде! —

закончили желудята все вместе.

Желудино чуть раздвинул стебли и увидел их.

— Что-то грустно у нас получается, — сказал Желугавчик.

— Правда, мне даже плакать захотелось, — согласился Желурёнок.

— Так споём ту, весёлую, что мы утром сочинили! — вскочил Желустрёнок и первый начал звонким голосом:

Самый умный — Желудино!

Остальные подхватили:

Самый смелый — Желудино!

Самый добрый — Желудино!

Потому что — старший брат...

Ритм песни был бодрый, и они начали её весело. Но постепенно слова звучали всё тише, жалобнее:

Мы скучаем, Желудино.
Мы страдаем, Желудино.
Мы боимся, Желудино.
При-хо-ди ско-рей наза-а-д...

У Желудино защипало глаза. Так стало жалко братьев. Он чуть не бросился к ним. Но передумал — решил развеселить их шуткой.

Пока они пели второй куплет, Желудино, сбросив башмаки, быстро залез по гибкому стволу цветущей березы. Ствол прогнулся, и он оказался прямо над головами певцов. Вынул радостный пищик и тихонько свистнул.

Желудята насторожились. Стали кружить головами во все стороны. А Желудино чуть слышно пропел:

У меня распрекрасные братцы!
Я их всех очень крепко люблю-у!

Желудята вскочили, закричали:

— Кто это?.. Кто поёт?..

Стали искать. А Желудино закончил уже громко:

Самый быстрый — Желустрёнок!

Самый резвый — Желурёнок!

Самый верный в дружбе — Желугавчик! —

и спрыгнул с ветки.

Все бросились к нему. Желугавчик прыгал от восторга и раз сто лизнул его в нос. Желустрёнок то прижимался к нему боком, то носился вокруг, выделявая ногами такие кренделя, что Желудино испугался, как бы он не сломал себе шею. А Желурёнок, положив ему голову на плечо, тёрся о щёку своей мордочкой, роняя крупные слёзы.

— Почему ты плачешь? — спросил Желудино.

— От радости, ответил Желурёнок, — и ещё...от боли...

— От боли?..

— Да, братец. У меня сломалась ножка...

— Сломалась?!.. Покажи немедленно!

Желурёнок повернулся к нему левым боком. Же-

лугавчик принес и осторожно положил на траву отскочившую ногу жеребёнка.

Так почему же вы не вставили её на место?

— Она не лезет! — вскрикнули Желустрёнок и Желугавчик.

— Как не лезет? Раз она оттуда выскочила, значит, должна и обратно это... залезть... А как вы её вставляли?

Желустрёнок проворно схватил ногу клювом за чистый конец и поднёс копытом к ране Желурёнка.

— Смотри сам. Видишь? Не лезет!

— Так чего ж ты суёшь её копытом вперёд? Копыто должно быть внизу!

— А как же? — спросил растерянно Желустрёнок. — Как же я возьму копыто в рот? Оно же грязное! Всё в глине!..

Желудино только покачал головой. Но упрекать братьев в недогадливости не стал. Ведь у них нет рук, которыми так легко сделать любую работу.

Он обмыл копыто водой из озера. Велел Желугавчику принести немного сосновой смолы. А Желустрёнка послал за капелькой вишнёвого клея. Когда они принесли всё, что надо, Желудино смазал прозрачной сосновой смолой ногу и сказал:

— Потерпи, Желурёнок. Будет немного больно... Раз! — и сильным движением вставил ногу на место. Желурёнок даже охнуть не успел. — Всё! Операция окончена. Вот только помажем ранку вишнёвым-клеем и... можешь хоть танцевать! Нога ни за что не выскочит!.. А ну-ка, пройдишь.

Желурёнок по привычке заскакал на трёх ногах.

— Смело ставь четвертую! — потребовал Желудино. — Она же у тебя не болит!

— Не болит? — удивлённо переспросил Желурёнок и осторожно стал на все четыре ноги. Прошёлся... Пробежался рысью... Помчался галопом вокруг, затрубил на всю поляну: — Иго-го-го-го-го-го! — и вдруг заговорил стихами:

Вот нисколько не болит!
Вот ни капли не болит!
Потому что Желудино
Стал как доктор Айболит!

—Ер-рун-да!— сказал смущённый такой похвалой Желудино и сразу перевёл разговор на другое: — Скоро ночь, а у нас нет приличного жилья!..

Они дружно принялись за работу и вскоре из сухих веток, листьев, травы построили хижину ничуть не хуже той, которую разрушила Свинья на полянке у Большого Дуба.

ЖЕЛУДИНО ПРИНИМАЕТ ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

—Женя! Там твоя подружка длинноносая прилетела! — крикнула мама.

Женя выскочила на балкон. Карра наклонилась, выпустила из клюва прямо ей в руки маленькое чёрное перышко и отодвинулась в сторону. А сама косит на Женю светлым глазом, будто хочет сказать: «Ну как? Ты теперь довольна?»

—Зачем ты его принесла? — удивилась Женя. Непонятливость Жени ужасно расстроила Карру.

Она закричала, сердито замахала крыльями.

«Чего она хочет?» — подумала Женя. Внимательно осмотрела чёрное перышко со всех сторон и ахнула:

—Перышко из хвоста Желустрёнка?! Вот и кусочек пластилина к нему прилип. Точно! Карра, это от Желустрёнка?

Карра перестала махать крыльями и, чуть склонив голову набок, хитровато глядела на Женю.

—Где ты взяла? Может, это перышко он потерял? Или... он умер... а ты подобрала?

Молодая галка всплеснула крыльями и на минутку даже отвернулась. Но сердилась она недолго. Пристально посмотрела Жене в глаза. Будто подражая кому-то, гордо подняла нос кверху и, медленно переставляя лапы, торжественно прошла по перилам от угла балкона и назад. Потом лихо пробежалась туда-сюда, вытянув вперёд шею. Остановилась и опять вопросительно посмотрела в глаза.

—Жив?! Желустрёнок жив?.. Ты видела, как он ходит, бегают? Да? — догадалась Женя и захлопала в ладоши.

Карра, радуясь, что Женя поняла, будто в вальсе, закружилась на одном месте и тоже захлопала крыльями.

—Как же ты взяла? Выщипнула? Или он сам отдал перышко?

В ответ Карра разыграла целое представление. Она взяла перышко страусёнка в клюв и вдруг бросила его в блюдце с водой. Потом залезла в воду обеими лапами, выхватила перо, взлетела с ним над балконом, тотчас опустилась на перила и снова положила перышко перед Женей.

Женя ломала голову: что всё это значит? Но так и не поняла. Сбегала на кухню, принесла Карре хлеба с кусочком её любимой ливерной колбасы и сказала:

—Спасибо, Каррочка, за добрую весть! Я сейчас же побегу в рощу их искать!..

* * *

—Подъём, лежебоки! — крикнул Желудино. —
Доброе утро! Все за мной умываться к озеру. Бегом!

—Что ты! Что ты! — испуганно вскрикнул Желустрёнок. — Там живут кваки!

—Какие кваки?

—Страшные!.. Зелёные!.. Глаза большущие! —
и Желустрёнок рассказал старшему брату, как его
и Желурёнка окружили у озера кваки и как их спас
Желугавчик.

Желудино выслушал, нахмурился и спросил:

—Братики, я учил вас языку водяных жителей?

—У-чи-и-ил, — хором ответили желудята и опу-
тили глаза, потому что знали они язык неважно, ду-
мали, что он никогда им не пригодится.

—Так чего же вы испугались? Стоило только
сказать: «Крак-квак! Кро-ко-кок!», что означает:
«Здравствуйте! Мы пришли к вам с миром», и никто
бы вас и лапой не тронул!.. Пошли знакомиться.

С опаской, на почтительном расстоянии, шли за ним
младшие братья к озеру. Желудино стал на берегу озера
и только произнёс: «Крак-квак! Кро-ко-кок!», как из
воды стали выскакивать кваки. Сначала — большие,
потом — поменьше, а за ними — самые маленькие
квакушечки. Они полукольцом стали перед желудятами
и тарачили на них любопытные глаза.

Желудино представился и спросил:

—Уважаемые водяные жители, как вас зовут?..
Неужели вы хотели сделать зло моим младшим
братьям?

—Кто-кто-кто, мы? — удивлённо закричали ква-
ки хором.

Вперёд выступил Большой Квак и сказал с до-
стоинством:

—Желудёвый человечек! Ты говоришь на нашем
язык-к-ке, и мы тебе верим. Хотя люди презрительно
называют нас лягушками, мы, кваки, дре-е-евний

народ. Мы вышли из ок-к-кеана и стали жить на суше, когда человек-к-ка ещё не было. Мы никому не делаем зла. Мы просто хотели рассмoтp-р-реть твоих братьев поближе. А он, — Большой Квaк указал на Желугавчика, — стал кричать, что нас уничтожит. И мы решили пок-к-кинуть это озеро, как и ту канаву, откуда нас выжил Бездумкин.

—Как? Бездумкин и вам навредил?

—Ох, Желудино, — простонал Большой Квак, и из его глаз брызнули слёзы. — Он не даёт нам житья. Он стреляет железными стрелами, бьёт нас ка-ка-камнями. От нашего нар-р-рода осталось только половина. Мы едва дождались сырой погоды и Переселились сюда, подальше от Бездумкина. А теперь и отсюда надо уходить...

—Ни в коем случае! Живите на здоровье! А с этим Бездумкиным... — Желудино замолк, на лбу его собрались морщинки: он принимал важное решение.— С этим Бездумкиным... Его надо проучить! Чтоб над живыми не издевался. Всё! Дубово! Я это сделаю. Кваки обрадовались, запрыгали, закричали:

—Желудино проучит Бездумкина! Желудино наш защитник! Да здравствует Желудино и его братья!..

* * *

В прекрасном настроении желудята возвращались после умывания в озере. Желугавчик, свернув хвост бубликом, весело носился вокруг братьев, играл с ними, нюхал цветы. Забежал за кустик и вдруг опрометью выскочил оттуда. Залаял сердито. Запрыгал. Замахал лапами. Над ним кружила большая полосатая оса.

— Не трогай её! Не маши лапами! — крикнул Желудино.

—А как же?! Она укусит!.. Она хочет сесть на нос!

— Ну и пусть садится! Значит, ей так надо. Стой! Замри! — приказал Желудино.

Желугавчик замер и с ужасом ждал, что будет.

Как только он перестал прыгать и вертеться, оса спокойно уселась ему на нос и стала деловито сгребать с него золотистую цветочную пыльцу и перекладывать её в две авоськи, прикреплённые к задним лапкам... Закончив работу, она загудела довольно и улетела.

— Не уку-си-и-ила! — восторженно протянул Желугавчик. — Правда, хорошая! Я никогда больше не буду на неё лаять и махать лапами.

— Вот видишь, — усмехнулся Желудино, — а ты боялся. Они добрые. Не надо только их сердить. И оса довольна, и нос у тебя стал чистый, чёрненький. Так и блестит.

Братья весело смеялись, глядя на удивлённую и счастливую мордочку Желугавчика.

Вдруг Желустрёнок поднял нос и испуганно пискнул:

— Летит!.. Прячьтесь все! — и кинулся в кусты.

Остальные тоже шарахнулись в стороны. На полянку, сложив крылья, опустилась большая Чёрная птица.

Желудино вгляделся, увидел золотое колечко на ноге птицы и крикнул:

—Не бойтесь!.. Это Карра! Она знает Женю!..

—Карра! Карр-ра! - подтвердила Чёрная птица, приближаясь к Желудино. И закаркала, заходила по полянке.

Желудята высунулись из кустов. Увидев, что ничего страшного не произошло, стали подходить ближе. Желустрёнок боком-боком, маленькими шажками, шёл сзади всех, готовый, однако, в любую секунду дать стрекача.

К своему удивлению, он обнаружил, что понимает почти всё, что кричала Карра. Она рассказала, как прилетела к Жене, отдала ей перышко из его хвоста и объяснила, что Желустрёнок жив.

Потом Карра большими шагами приблизилась к нему, дружески похлопала его крылом по боку и сказала:

—Ты извини, маленький, что я вырвала твоё перышко... Ведь нужно было как-то успокоить Женю. Доказать, что ты жив. Она чуть не каждый день плакала...

Когда Желудино рассказал о том, что принял решение проучить Бездумкина, Карра забеспокоилась:

—Нет! Нет! Одним нельзя. Он может вас погубить! Надо действовать сообща. Я буду вам помогать...

ПО СЛЕДАМ БЕЗДУМКИНА

День за днём шёл Желудино с братьями по роще и никак не мог увидеть Бездумкина. Зато следы его встречались на каждом шагу... Первыми попались на глаза пять молодых клёнов, которые весной дружно зазеленели, потом зацвели и хотели прожить много

лет, а теперь, в середине лета, уже умирали... Резные листья стали серыми, гремучими, как железо, и осыпались. На стволе каждого клёна смертельная рана — вырезанная кольцом кора. А ниже большие буквы, тоже вырезанные: «О. П. Г. Б.»—«оставил память Гений Бирюлькин».

Потом желудята шли мимо разорённых птичьих гнёзд, засыхающих кустов сирени с изломанными, выкрученными ветвями. Видели вырванные с корнем и тут же брошенные цветы.

Когда они за один день увидели три развороченных муравейника, у которых бегали, сустились муравьи, пытались спасти засыпанных землёй товарищей, Желугавчик заволновался:

— А что с Архелайей?.. Завернём к ней?!

Братья были почти у цели, когда дорогу им преградила муравьиная река. Муравьи, наверно, шли издалека и очень устали. Молча, не суетясь, обтекали препятствия. Видно, они уходили из родных мест навсегда, потому что уносили с собой самое дорогое— муравьиные яйца...

Желудино спрашивал, откуда они идут. Но муравьи молчали.

Желугавчик допытывался, не знают ли они что-нибудь о муравейнике Архелайи. Но и он не получил ответа.

Только когда уже все прошли, замыкающий колонну крупный муравей неохотно остановился на секунду и сказал:

— Что спрашивать о том, чего нет?.. Их судьба ужасна!..

Желугавчик бросился вперёд и вдруг остановился как вкопанный... Архелая так гордилась своим многоэтажным подземным городом с сотнями улиц, галерей, переходов, с тысячами трудолюбивых жителей. Амазонки во главе со своей предводительницей, не щадя себя, защищали город от врагов... А теперь на

месте муравейника высилась куча бурой выжженной земли, покрытой пеплом.

Среди тёмно-бурых комочков сгоревших муравьев Желугавчик отыскал несколько ещё живых и от них узнал, что, когда Бездумкин разжёл на муравейнике костёр, Архелай с амазонками в городе не было. Но, получив тревожный сигнал, они вернулись и, не раздумывая, бросились в огонь спасать малышей, только что вышедших из яиц... Да так и сгорели, не смогли пробиться сквозь пламя...

Желугавчик долго плакал. А потом всю дорогу думал: как наказать Бездумкина?..

Тополиная аллея встретила их молчанием. Ни песенки, ни весёлой птичьей возни. Ни одного скворца!.. Десятка полтора деревянных домиков, сделанных для них школьниками, разломано. Одни, качаясь, висят вверх дном, у других сорвана крыша, от третьих осталась на тополе только крепко прикрученная проволокой задняя стенка, а всё остальное: досточки с круглым отверстием летка, соломенная подстилка, осколки скорлупы разбитых яиц — валяются на земле... Даже уцелевшие скворечники висят сумрачные, нежилые. Хозяева в ужасе бежали из них...

Едва отошли от разграбленного, покинутого города скворцов, Желугавчик, который уныло плёлся позади всех, вдруг насторожился, поднял ушки топориком и кинулся в кусты. Чуть погода оттуда донёсся его крик:

— Желудино! Помоги мне!

Братья побежали на голос. Желугавчик суетился над лежащей на спине Стрекозой с большими прозрачными крыльями. Пытался поставить её на ноги. Стрекоза тихо стонала:

— Ох... задыхаюсь... умираю... Больно!..

— Желудино, я не умею. Помоги. Я могу её поранить зубами. Это же та Стрекоза. Помнишь? Она хорошая.

Братья склонились над ней. Громадные бирюзовые глаза Стрекозы выражали боль и страдание. В её брюшко глубоко врезалась суровая нитка, другой конец которой был привязан к ветке куста.

Желудино ловкими пальцами развязал узел. Стрекоза вздохнула с облегчением и сказала хриплым шёпотом:

—Спасибо... И прошу вас: не верьте человеку! Он ласковым голосом звал меня: «Зинчик! Зинчик! Сядь на мизинчик!..» А когда я поверила и села, он вот что со мной сделал... Если бы не вы... Ни когда не верьте людям!

—Ер-рун-да! — сердито сказал Желудино. — Я тоже человек. И люди бывают хорошие!.. Кто тебя привязал?

—Бездумкин...

—Так бы и говорила!.. Нечего на всех сваливать! Бездумкин — плохой. А люди — хорошие! Вот.

Они пожелали Стрекозе быстрее поправляться и пошли смотреть канаву, где раньше жили кваки.

Лучше бы они туда не ходили... Из взбаламученной воды, как многочисленные острова, виднелись брошенные булыжники. На поверхности плавали палки, стрелы с наконечниками из гвоздей, пронзившие что-то грязно-зелёное, неживое, неподвижное... На берегу валялись раздавленные жуки-водолюбы, крохотные лягушата с оторванными лапками...

—Стойте, малыши, а то вы спать не будете, — сказал Желудино и братьев к канаве не подпустил...

Все, кого Желудино с братьями встречали в роще, жаловались на Бездумкина... Одна только гусеница Каналья, которая за это время успела уже состариться, похвалила его. Свесилась с ветки и, не переставая жевать, прошепелявила:

—Глуп-пош-шти!.. Молодеч, Беж-ждумкин... Птич раж-жогнал... Теперь нам, гуш-шеничам, краш-шота-а!..

—Цыц, Каналья! Или я проткну тебя шпагой! — крикнул Желудино.

Каналья испугалась и проворно спряталась за недоеденный лист...

КАК БЕЗДУМКИН САМ СЕБЯ НАКАЗАЛ

Утром Женя глянула с балкона и увидела Бездумкина. Он не спеша, вразвалочку, шёл к роще. Карманы штанов были оттопырены. Женя знала: в правом кармане у него всегда рогатка и перочинный нож, а левый оттянули книзу «пули». Так Генка называет тяжёлые стальные кружочки, которые он собирает около завода. Такой «пулей», если попадёшь в кого, так и убить можно.

За Бездумкиным, как собачонка, ленивой трусцой бежал здоровенный рыжий кот по имени Пожар.

«Надо посмотреть, что они там в роще делают», — подумала Женя и хотела было идти за ними, но вспомнила, что мама поручила ей купить хлеба и помидоров с огурцами...

Возвращаясь из магазина с покупками, Женя увидела странную картину. От рощи к посёлку громадными скачками мчался кот Пожар и орал не переставая. Добежав до дерева, он рыжей молнией взметнулся по стволу. Потом почему-то кубарем слетел оттуда прямо в контейнер для мусора. Заметался в нём, замахал лапами так, будто дрался сразу с десятью врагами... Крышка контейнера дрогнула и захлопнулась. Странно, но кот будто обрадовался тому, что тяжёлая железная крышка отделила его от внешнего мира, и затих...

—Прямо цирк какой-то! — удивлённо воскликнула Женя. И тут увидела второго беглеца.

Бездумкин бежал из рощи, как сумасшедший, странно изгибаясь, делая нелепые, прямо-таки невероятные движения. Уже когда Генка подбежал ближе, Женя поняла, что он на бегу всё время чесался.

Чесал руки, ноги, шею, спину без остановки и так яростно, будто хотел содрать с них кожу. Руки у него расцарапаны. А на лбу вздулась здоровенная шишка.

— Бездумкин! Кто тебя? — крикнула Женья.

Но он ничего не ответил. Пробежал мимо своего дома и помчался под гору, к речке...

Потом ребята рассказывали, что Бездумкин, сорвав с себя рубашку, прямо в штанах и тапочках кинулся в воду.

Мальчишки допытывались, что с ним случилось. Но Бездумкин сначала всё хныкал и беспрерывно чесался, а потом понёс такую околесицу про каких-то гномов, про суд лягушек и сумасшедших птиц, что мальчишки только пожимали плечами, переглядывались и решили: «Наверно, у него в голове шарик за ролик заскочил...»

* * *

В то утро сначала всё было, как обычно. Бездумкин вошёл в рощу. Срезал молоденькую, в палец толщиной, орешину. Получилась крепкая сабля. Генка стал бегать по лужку и рубить направо-налево головки крупных высоких ромашек. Скоро это ему надоело, и он стал оглядываться по сторонам. Чтобы ещё такое поделать?.. Увидел муравейник. Всадил в середину его палку и давай крутить.

— Что-о? Забегали?!.. Ха-ха-ха! Вот дурачки! Куда же вы бежите? Никуда вы от меня не убежите! — и стал давить ногами выбегающих из разрушенного города жителей...

Кот Пожар в охоте на муравьев не участвовал. Наоборот, отошёл подальше. Он знал уже по опыту, что рассерженные муравьи очень больно кусаются. Зато, когда увидел в руках у Бездумкина рогатку, сразу насторожился и стал облизываться: сейчас будет добыча!..

Бездумкин заметил невдалеке стайку воробьев и

сразу забыл о муравейнике. Зарядил рогатку тяжёлой «пулей», стал подкрадываться... И тут началось такое, про что, если рассказать кому, так не поверят...

* * *

Желудята были недалеко от Ромашкового лужка, когда по роще волнами прокатился многоголосый крик.

— Спасайтесь! — кричали муравьи, жуки, кузнечики.

— Спасайтесь! — кричали сверчки и стрекозы.

— Спасайтесь! — кричали цветы, пригибая к земле головки, чтоб быть незаметными в траве. — Бездумкин!.. Бездумкин!.. Бездумкин идёт!..

Ничего не кричали только молоденькие дубки, ясени, клёны, потому что бежать и прятаться они не могли, а ныть попусту им не позволяла гордость. Но втайне они завидовали гледичиям и акациям, которые имели такие острые, крепкие, замечательные колючки.

— Я всё равно его догоню! — пискнул Желустрёнок.

— И-и-и-го-го! Я его забрыкаю! — проржал Желурёнок.

— Я его облаю... Укушу!.. В нос!.. — горячился Желугавчик.

— Мы ему так покажем, что будет знать! — подтвердил Желудино и послал Желугавчика дать сигнал Карре.

Карра появилась быстро и не одна. С ней вместе прилетели Щеглик, скворчонок Чолик и Кукушка, которая живёт в часах. Она только что прокричала девять и до десяти часов была совершенно свободна.

Вслед за ними прилетел воробей Чик со стайкой самых быстрых и увёртливых своих товарищей. Тот самый Чик, который первым сообщил Жене радостную весть, что все желудята живы.

Желудино отдал последние распоряжения. Теперь главное состояло в том, чтобы заманить Бездумкина

поближе к ловушке.

Это и поручили Чику. Стайка воробьев беззаботно пролетела над головами Бездумкина и кота Пожара. Дразня их, села рядом на акацию, перепорхнула на липу... с неё — на дубок, и, наконец, — на старую корявую грушу...

Ничего не видя вокруг Бездумкин крался за воробьями. Вот он у высокого куста барбариса, как раз против старой груши.

Тут и ожидал его Желудино, сидевший на ветке за листьями. Едва Бездумкин поднял рогатку и прицелился, Желудино изо всех сил дунул в страшный пищик...

* * *

Кто-то свистнул над самым ухом Бездумкина. Рука дрогнула. «Пуля» стремительно вырвалась из рогатки, попала не в воробья, а в крепкий сучок, отскочила от него и так шмякнула Бездумкина в лоб, что в голове зазвенело, загудело, перед глазами замелькали разноцветные круги, и он потерял представление, где верх, где низ, где правда и где бред...

Рогатка вдруг сама выдернулась из рук и птицей взмыла в небо!.. Тотчас сорвалась с головы и исчезла вслед за ней и пляжная кепочка с прозрачным козырьком...

—Назад! — прозвучал над ухом строгий приказ.

Бездумкин шарахнулся за куст и вдруг провалился куда-то.

—Ой, мама! — вскрикнул он и зажмурил глаза... Л когда открыл, подумал, что ему снится кошмарный сон. Хотел подёргать себя за нос — и не смог: руки что-то держало... «Связали!» — подумал он, холодея...

Из ямы торчала одна его голова. И всё, что происходило на земле, было видно ему так отчётливо, как никогда в жизни...

Перед самым носом, на краю ямы, яростно бросался на него пёс, величиной со спичечную коробку!..

Чуть подальше крохотный, шоколадного цвета конь с развевающейся светлой гривой становился на дыбы и, казалось, вот-вот прыгнет ему на голову...

Вокруг ямы носился страус величиной с цыплёнка и всё норовил его куда-нибудь клюнуть. Над головой, совсем не боясь, чуть не задевая его крыльями, летали туда-сюда птицы и кричали угрожающе...

От страха Бездумкин всё больше втягивал голову в плечи. Ему хотелось стать совсем маленьким, незаметным.

И вдруг появился человечек!.. В синей безрукавке. На голове — шапочка со стрелочкой, а в руках — острая шпага. И ростом он был чуть больше его пальца.

Человечек взмахнул шпагой, и суета вокруг утихла. Он приставил ко рту рупор из скрученного листика, и Бездумкин услышал человеческий голос:

— Ты сделал в роще много зла, Бездумкин! Пришло время дать ответ.

За спиной человечка стали в ряд маленький пёс, страус и конь. На ветках устроились щегол, скворец, кукушка и стайка воробьев. А на самой высокой ветке, раскинув сильные крылья, тяжело уселась большая чёрная птица. Она всё время не сводила с Генки холодных светлых глаз.

По спине Бездумкина побежали мурашки. Он хотел во что бы то ни стало проснуться. Щипал себя за ногу. Было больно... Но кошмарное видение продолжалось.

—Обиженные! Подойдите сюда! — крикнул человечек в рупор.

И вот откуда-то стали выползать бесхвостые ящерицы, помятые жуки с оторванными усиками. Ковыляли хромые лягушки. Прилетели стрекозы и птицы, прискакали кузнечики... Их, больных, искалеченных,

становилось больше и больше. Они заполнили всё свободное пространство у ямы, перед самым его лицом.

— Скажи при всех, Бездумкин, за что ты обижал маленьких? — спросил человечек. — Разве ты не знаешь, что они живые? Что им больно?..

Бездумкин хотел крикнуть: «Я не виноват!.. Это не я!.. Это другие мальчишки!..» Но язык отказывался ему повиноваться и сказал правду:

— Я... Я виноват... Я никогда не думал, что им больно... Я совсем не думал...

— Кто хочет защищать Бездумкина? — спросил человечек.

Вокруг засуетились, замахали лапами от возмущения: никто не хотел защищать Бездумкина... И вдруг они подняли головы кверху. На паутинке висела безобразная, покрытая бородавками и пучками рыжих волос старая гусеница. Она раскачивалась, извивалась, раскрывала рот и, наверно, что-то говорила, хотя Бездумкин и ничего не слышал. Зато окружающие, видно, всё прекрасно поняли, они заволновались, возмутились. Птицы замахали крыльями и хотели клюнуть его защитницу. Но человечек остановил их, поднёс ко рту пищик и громко загудел. От этого звука у Бездумкина засосало под ложечкой. А гусеница вдруг заметалась на паутинке так, будто её поджаривают. Схватила свой собственный хвост и на глазах у всех стала его глотать, глотать... пока не превратилась в отвратительное волосатое, бородавчатое кольцо без конца и без начала. Крохотный пёс подпрыгнул и перекусил паутинку.

— Гусеница Каналья единственная, кому нравится то, что ты творил в роще, — с презрением сказал человечек. — Значит, она, Бездумкин, здесь твой единственный друг. Так возьми и прижми друга к своему сердцу!

Он размахнулся и бросил скрученную в кольцо Каналью за пазуху Бездумкину.

Генка почувствовал, что грудь горит и нестерпимо чешется. Он заорал, рванулся, изо всех сил оттолкнулся ногами и выскочил из ямы, которая была ему всего по пояс! Оказывается, он просто сидел в ней. И руки ему никто не связывал — он сам придавил их коленями к стенкам ямы.

Бездумкин тотчас запустил руки за пазуху, пытаясь найти и поскорее вышвырнуть оттуда гусеницу... Но это ему никак не удавалось. А тело чесалось всё сильнее! Он заревел и пустился бежать...

Птицы с криком преследовали его.

Пока он бежал по роще, огнём загорелась спина, стали чесаться шея, бока, ноги. Будто сто гусениц попали ему за шиворот...

Да так оно и было! Сто не сто, а с дюжину гусениц Карра с Кукушкой и Чолик со Щегликом и Чиком бросили-таки за шиворот Бездумкину.

* * *

Коту Пожару досталось не меньше, чем хозяину. Когда Бездумкин стал падать в яму, которую он сам нашёл когда-то, замаскировал ветвями и листьями, надеясь, что в неё кто-нибудь попадётся, так вот, когда он стал падать в яму, то нечаянно схватился за хвост Пожара.

Такого непочтительного отношения к себе кот Пожар не прощал никому. Он мгновенно вцепился в Генкину руку и ободрал её до крови. Но и сам испугался. Боясь расплаты, кинулся на дерево.

Тут его как следует долбанула клювом Карра. И Пожар с перепугу полез в дупло...

Вот этого делать ему не надо было ни в коем случае. Ведь в дупле жили осы! А осы давно хотели рассчитаться с котом, потому что Пожар имел гадкую привычку прихлопывать их лапой, когда осы в жару прилетали к водоразборной колонке попить чистой водички.

Вот теперь они его и встретили! С десяток ос

жиганули разбойника в морду. Л потом без разбора давай жалить его во все места!.. Пожар взвыл, скатился с дерева и помчался из рощи:. Но и осы не отставали... Только когда крышка мусорника захлопнулась и осы остались где-то там, наверху, кот Пожар поверил, что остался жив, замолк и стал зализывать раны...

После этого кот Пожар два дня ходил с распухшей мордой и с глазами, узенькими, как щёлочки. На рощу он и глядеть не хотел. А увидев невдалеке осу, в ужасе мчался на чердак.

«ДРУЗЬЯ! ВСЕ НА БОРЬБУ С КАНАЛЬЯМИ!»

—Карра! Карра летит к нам в гости! —закричал Желустрёнок.

Желудята выскочили из-под куста. Карра поздоровалась, рассказала новости, потом глянула на ветку гледичии и прокаркала:

—Послушай, Желудино. Я давно хотела спросить: зачем там висит эта кепочка? Это ведь ты приказал Чолику повесить её туда?

Желудино наморщил лоб и, как всегда, когда ему попадался трудный вопрос, хотел почесать затылок. Притронулся к своей волшебной шапочке со стрелкой и воскликнул:

—Вспомнил! Я тогда подумал: а может, его шапочка тоже волшебная! Может, в ней сила Бездумкина?!

Карра покачала головой и рассудительно проговорила:

—Во-пер-вых, это не шапочка, а кепочка. Во-втор-р-рых, она не волшебная, а пляжная. В таких кепочках люди купаться ходят. А в-тр-р-р-етых, она совсем не Бездумкина!

—Как не Бездумкина?! А чья же?! — закричали желудята.

—Это кепочка маленького Вадика. Он живёт р-р-рядом с Женей. Хор-рроший мальчик! У него всегда свежая вода и оч-чень вкусные кр-р-рошки!..

—Постой, Карра! Я что-то не пойму! — сказал Желудино. — Как же кепочка хорошего мальчика Вадика попала к Бездумкину?

—Он выдур-р-рил её у Вадика! — сердито взмахнула крыльями Карра.

— Вот бессовестный! — возмущённо таякнул Желугавчик. — Как же это?

—А так, — сказала Карра. — Бездумкин пр-ри-нёс маленького лягушонка и стал его мучить. Вадик заплакал и по-лр-р-р-оси-л отдать лягушонка ему. А Бездумкин гово-р-р-рит: «Отдай мне кепку, а я дам тебе лягушонка». Вадик и отдал. А теперь бабушка ругает его за это.

—А что с лягушонком? — подался вперёд Желурёнок.

—Вадик посадил лягушонка в банку. А потом выпустил в пр-р-руд.

—Какой хороший Вадик! — обрадовался Желудрёнок. — За это я научу его бегать быстрее всех! Вот!

Я ж говорил! Говорил! — вскочил Желудино. — Люди хорошие! Это который Бездумкин, тот плохой!.. Надо отдать Вадику кепочку!

— Отдать!.. Отнести! — закричали желудята и стали просить Карру выполнить это ответственное поручение...

* * *

На следующее утро в квартире Жениных соседей случилось нечто необъяснимое. Вышла бабушка Вадика на балкон и глазам своим не поверила: беленькая кепочка с прозрачным козырьком и с нарисованными на ней голубыми рыбками, которая неделю назад пропала, аккуратно лежала на перилах.

— Чудеса да и только! — всплеснула руками бабушка. — Не с неба же она упала?! Неделю искали и не нашли. И вдруг — вот она!..

Удивлялись и мама, и дедушка, и соседи. Но больше всех удивился Вадик: уж он-то знал, что кепочку взял Генка... и вдруг!..

— Женечка! — крикнула бабушка. — Ты ничего к нам на балкон не клала?

— Нет! А. что? — удивилась Женя.

Бабушка и ей охотно рассказала про удивительную историю с кепочкой.

Во время этого разговора Карра спокойно ела из кормушки.

Когда все ушли, Женя спросила:

— Карра, это ты устроила переполох?

Карра посмотрела на неё светлым глазом, с достоинством наклонила голову и полетела в рощу доложить Желудино, как хорошо она выполнила его поручение...

* * *

Третью неделю не появляется в роще Бездумкин. По-прежнему высоко-высоко на ветке Гледичии висит его рогатка, напоминая всем, что тут произошло.

Спокойно живут жуки и кузнечики, сверчки и стрекозы. Восстанавливают свои разрушенные города трудолюбивые муравьи...

И вдруг на рощу Красная Весна навалилась беда. страшнее прежней.

Сначала Желудино долго не мог понять, в чём дело. Откуда этот незнакомый зловещий шорох, скрежет и тихий стон?.. Поднял голову кверху и обомлел. Молодой зелёный клён, под которым они построили хижину, стало не узнать!

На листьях и ветвях сидят, ползают, цепляясь когтями, десятки, сотни гусениц! И грызут, грызут без остановки нежную мякоть. Ненасытные обжоры перебираются с места на место и оставляют за собой мёртвые, обглоданные скелеты листьев.

Изгибаются от боли ветви, тихо стонет беззащитный клён.

— Тревога! Все на борьбу с канальями!.. — крикнул Желудино и стал колоть гусениц шпагой. Желурёнок яростно топтал их копытцами. Желустрёнок тюкал острым носом в безмозглые головы. Желугавчик за хвост волочил их по траве и кидал в озеро... Целый день продолжался бой, а гусениц будто и не уменьшилось.

Пошёл Желудино по роще, и волосы встали у него дыбом: уже на десятки, на сотни клёнов, тополей, молодых дубков накинулись ненасытные каналы. Стон стоит над рощей...

А гусеницы с каждым днём всё наглее. Жрут и жрут! Ещё и песню распевают:

Мы на листике сидим.

Хрум! Хрум!

Мы под листиком сидим.

Хрум! Хрум!

Нас никто не остановит —

Мы всё дерево съедим!..

И правда, остановить их некому! Разогнал Без-

думкин защитников рощи. Скворцы и сороки, воробьи и галки, кукушки и другие птицы но-прежнему облетают рощу стороной...

—Одним нам с гусеницами не справиться, —сказал Желудино братьям. —Нужно всем миром спасти рощу Красная Весна!.. Прилила беда — страшной не придумаешь.

Он написал и на самом видном месте приколот объявление на птичьем языке. В первой строчке-секретные слова, которые сообщил ему Белый Нос: «ЧЬЮ-ЧЬИ! ФЬЮ-У-У-ИТЫ» Во второй строчке: «ДРУЗЬЯ! ВСЕ НА БОРЬБУ С КАНАЛЬЯМИ!»

А чтобы не оставалось никаких сомнений, Желудино ещё ниже нарисовал здоровенную, жирную гусеницу...

Первым заметил объявление Чолик. Так как он грамотей был не ахти какой, то пока, запинаясь, по складам, прочитал написанное, у него от усиленной умственной работы вспотела чёлочка. Он ещё раз придирчиво осмотрел объявление и на всякий случай ткнул носом гусеницу; «А может, она только притворяется нарисованной ?!»

Йотом прилетел воробей Чик. Прочёл. Чирикнул залихватски:

—Красота! Будет знатная потасовка!.. У-у-у, противная! — и тоже клюнул нарисованную гусеницу.

За ним сразу появились Карра, Щеглик и Кукушка, которая живёт в часах. Посовещались и разлетелись в разные стороны: передать всем призыв Желудино о помощи.

Потом валом повалили сороки и соловьи, сорокопуты и стрижи, козодои и жаворонки. Читали, возмущались, спорили...

К полудню объявление Желудино было всё в дырках, как решето: каждый считал своим долгом ткнуть Каналью носом, хоть она и была только нарисована. Гусениц ненавидели все!..

На Ясеновую поляну, куда гусеницы ещё не добрались, слетелись вожаки птичьих стай. Те, что помоложе, горячились, хотели войну с гусеницами начать немедленно. Но все смолкли, когда заговорил самый старший — скворец Белый Нос.

— Начать легко, — сказал он. — А как кончим?.. Нашумим — они попрячутся. Улетим — а они опять за своё!.. Нет, тут с умом надо делать. И одной стае тут не справиться. Я думаю послать гонцов и к городским скворцам, и к поселковым. И к тем, что живут в дальних хуторах и станицах!.. И вам, братья, то же советую...

Все зашумели и выбрали Белого Носа главным командиром завтрашнего сражения.

Потом заговорила Кукушка, которая живёт в часах:

—Вы вот кричите: «Сейчас!.. Немедленно!..» А кто из вас будет есть волосатых гусениц?.. Или мы их трогать не будем?

Птицы растерянно молчали. Потом раздались выкрики:

—Есть волосатых?! Какая гадость!.. Да от них потом три дня будет горло гореть!..

—Минутку! Спокойно! Все оставайтесь на местах! — перебила Кукушка. — Нас подслушивают!

Не успели птицы глазом моргнуть, как она вспорхнула на ясень и — раз! раз! раз! — пять волосатых шпионок-гусениц исчезли у неё во рту.

Вожаки стай зашумели, выражая восхищение мастерством и бесстрашием Кукушки. А она возвратилась на место и сказала:

—Вот так! Мы едим их, как семечки!.. Обещаю: к утру я соберу всех кукушек, которые живут вокруг и за Доном-рекой. И уж тогда волосатым спасения не будет!..

Вчера утром Карра вела себя странно. Она смотрела Жене в глаза, махала крыльями, кричала что-то коротко и требовательно, срывалась с балкона и летела. Но долетев до соседнего дома, возвращалась, садилась на перила, снова кричала и снова срывалась с места, будто куда-то звала...

Женя чуть не плакала, ругала себя за то, что не понимает птичьего языка, но так и не догадалась, чего хотела её любимица. Карра улетела и не появилась даже, как всегда, перед вечером.

Вообще это утро выдалось очень неудачным. В восемь Кукушка из часов не показалась. Не появилась она и в десять, и в двенадцать, и в два часа дня. Даже дверцы часов перестали открываться. Мама сердилась и говорила, что выбросит-таки «это старьё на свалку» и купит настоящие современные часы...

Женя молчала, потому что боялась рассердить её ещё больше.

И вдруг в три часа раздался знакомый звонок. Женя вскрикнула радостно и кинулась открывать. На пороге с маленьким чемоданчиком в руках стоял дедушка...

Потом они целый час шептались в уголке. Женя рассказала дедушке обо всём, что узнала за это время о желудях.

И часы с кукушкой они отстояли вместе.

А сегодня, едва Женя вышла на балкон, как сразу увидела огромную галочью стаю, летящую низко, над самыми крышами, по направлению к роще. Впереди стаи летели двое. И одна из галок была Карра! Женя не могла ошибиться! Это была она. Карра даже стала спускаться: наверно, хотела что-то сказать Жене. Но вожак сердито крикнул. Карра взмыла вверх и заняла своё место рядом с предводителем.

— Дедушка! Иди скорей! — закричала Женя.

Пока он вышел на балкон, галки были уже над рощей. Полетели туда же сотни скворцов. Сорвались с проводов стрижи, воробьи и ласточки. Стремительно промчались какие-то большие птицы...

—Что это, дедушка? Почему их так много? И все летят в рощу. Смотри-ка, вон ещё!

—Да-а, — задумчиво сказал дедушка. — Птицы затеяли что-то грандиозное... — Он помолчал и, будто совсем некстати, вспомнил: — А в этом году опыление рощи затянули. Там уж, наверно, гусениц развелось видимо-невидимо...

* * *

Отряд за отрядом слетались птицы на центральный луг рощи. Черным-черно стало на ближних деревьях от строгих боевых доспехов скворцов, ворон, галок. Пёстрыми стали вокруг кусты от разноцветных нарядов щеглов, чижей, дроздов и козодоев, кукушек и воробьев.

Белый Нос приказал окружить рощу и бить, и гнать каналий до самого центрального луга. Чтоб никто не смог удрать или спрятаться.

Стаи поднялись в воздух. И началась великая битва за рощу.

От ветки к ветке, от дерева к дереву, крылом к крылу наступали птицы на гусениц. Канальи хитрили: притворялись то сухим сучком, то мёртвым наростом, сворачивались в кольцо, бросались вниз с высоты и повисали на паутине. В страхе залезали под изгрызенные листья, в дупла и трещины.

Но везде их находили зоркие глаза, доставали острые клювы.

Кому противно было брать гусениц в рот, те сбивали их крыльями, хватали когтями. Пока наверху орудовали другие, стрижи, как молнии, проносились между стволами, на лету хватали каналий, не давали им скрыться в траве.

Юркие воробьи и синицы осматривали каждый

листик со всех сторон, заглядывали в каждую щёлочку и выволакивали гусениц из укрытий.

Волосатые гусеницы сперва храбрились, никто не хотел с ними связываться. Но вот налетели отважные кукушки, и страшилища, защищенные со всех сторон ядовитыми жгучими волосками, одна за другой, даже не успев испугаться, оказывались у них в желудке...

Высоко над рощей всё время парили тридцать жаворонков-наблюдателей и время от времени докладывали командованию о том, что видели сверху.

Желустрёнок и Желурёнок помогли заградительным отрядам скворцов находить укрывшихся на земле каналий.

Желугавчик следил за порядком. Не позволял молодым воробьям-забиякам затевать драки, а лентяям и трусам — отсиживаться в кустах во время боя.

Желудино остался старшим военным советником при командующем. Он принимал ласточек-связных с донесениями от боевых групп. В самые напряжённые моменты посылал на подмогу резервные отряды скворцов и галок. И всё время подавал командующему умные советы...

Солнце уже коснулось верхушки Большого Дуба, когда бой вплотную подошёл к центральному лугу. Один за другим вожаки стай подлетали к командиру, Белому Носу, и докладывали радостно:

—На нашем участке гусениц не осталось!

—В полосе наступления ни одной живой канальи!

—Всё! Противник уничтожен!..

Великая битва за жизнь рощи Красная Весна окончилась...

* * *

Мудрый скворец Белый Нос, который знал почти все птичьи языки Европы и Азии, произнёс прекрасную речь, посвященную победе. Он указал крылом на стоящих в сторонке весёлых, смеющихся,

оживлённо разговаривающих о чём-то желудях, Чолика, Чика, Карру, Щеглика и закончил так:

Посмотрите на наших детей. Как они веселы и счастливы! Как" они хорошо понимают друг друга! А раз дружат дети, значит, должны жить в мире и в дружбе наши народы!

Все присутствующие одобрительно закричали и так дружно захлопали крыльями, что по роще промчался ветер.

Потом вышел Желудино. Повернул свою волшебную шапочку стрелочкой вперёд и, к удивлению всех, заговорил на древнептичьем языке, который, как и язык жестов, понимает каждая птица, за исключением новорождённых. Он поблагодарил участников битвы и просил их весной снова поселиться в родной роще.

—А вдруг весной снова появится Бездумкин?! Да ещё и не один!.. — закричали соловьи, скворцы, вороны.

—Даю вам слово, что я разыщу Женю,— сказал Желудино, — и она сделает так, чтобы никакого Бездумкина в рощу больше не пускали!..

Птицы опять захлопали крыльями, закричали:

—Правильно. Желудёвый Человечек! Никаких Бездумкиных!.. Скажи об этом людям!.. Тогда мы сбережём пашу родину, нашу любимую рощу Красная Весна!..

ПОЖАР

Женя уютно устроилась на коврике. Разложила вокруг себя на полу коробочки с разноцветными лоскутами, лентами, моточками тесьмы, катушками ниток. И защелкала ножницами...

—О! Да у тебя тут целая мастерская! — входя, сказала мама. Что же ты шить задумала?

—Костюмчик Желудино. Попонку Желурёнку. И ещё разные...

—Слушай, доченька. Ты правда веришь? — перебила мама.

—Конечно, мамочка! Они скоро будут здесь. Я знаю!

Мама покачала головой. Задумалась. Погладила Женю по волосам и тихо проговорила:

—Выдумщики вы с дедушкой. Никто твоих желудят и в глаза не видел. А ты им наряды шьёшь. А может, так и надо? Скажи, ты сны часто видишь

—Ага! Каждую ночь. Да такие чудесные! Цветные.

—Странно. А мне уже давно ничего не снится. — грустно сказала мама. — Может, потому, что очень уж устаю. На заводе, да потом ещё дома... Ну ты шей, шей!

Мама улыбнулась и поцеловала дочку в макушку.

Потом пришёл дедушка, и они отправились в рощу. Обыскали всё вокруг Большого Дуба, но даже следов желудят не нашли.

Они ходили снова и снова, но всё без результата.

Уже и все одежды для желудят были готовы, выглажены и сложены в коробку из-под конфет, а носить их некому.

Однажды в роще они набрали на участок выгоревшей травы.

—От костра, видно, загорелась, — сказал дедушка. — Трава сухая. Кто ж это додумался в такую пору с огнём шутить!

—А вдруг тут желудята были?! — ужаснулась Женя.

—Ну что ты, внученька! Зачем предполагать самое плохое. Я верю: всё будет хорошо.

Да и сама Женя почему-то была уверена, что желудята всё-таки найдутся. Эх, узнать бы только, где они!

Но спросить не у кого. Щеглик совсем куда-то пропал. Карра будто поглупела. Долбит носом свою

кормушку, и только. А если очень пристанешь к ней с вопросами, каркнет недовольно и улетит, так и не поев как следует.

Один Генка Бездумкин хвастается, что знает, где прячутся желудята.

— Завтра поймаю их и посажу в клетку. Вот тогда они у меня запляшут! — говорил он Жене. — А тебе их не найти. Даром только в рощу бегаешь.

Когда Генка в третий раз повторил эти слова, Женя поняла: ничего-то он не знает, просто хочет её позлить.

Подошло первое сентября. Начались занятия в школе. Всегда весёлая и общительная, Женя теперь часто грустила. Посмотрит на рощу, мокнущую под дождём, и вздохнёт: «Как там мои желудятки? Ведь холодно же и сыро. Неужели я их никогда-никогда больше не увижу?..»

Отшумели ноябрьские праздники. Утром крыши белели от инея. Замерзала вода в лужицах. С неба срывались первые снежинки. Всё ближе зима. И всё меньше надежд оставалось у Жени.

* * *

Бездумкин, конечно, говорил Жене неправду. Он не знал, где прячутся Желудино и его братья. Но злопамятный Генка дал себе клятву, что обязательно разыщет желудят и отомстит им.

Он и правда приготовил железную клетку-крысоловку, в которую решил посадить желудят, когда их поймает. И ещё сделал из крепкой капроновой сетки сачок с длинной ручкой. Таким сачком если накроешь, так уж ни за что не вырвется.

Генка брал с собой клетку и сачок каждый раз, когда отправлялся в рощу. Но ему не везло: то знакомые мальчишки увяжутся, то встретит ребят из детсада, бегающих между деревьями. Как пристанут с расспросами: «А зачем клетка?.. А кого ты ловить будешь?..» И приходится возвращаться ни с чем.

Но на этот раз всё было спокойно. С крысоловкой под мышкой и сачком в руке, никем не замеченный Генка добрался до роши и двинулся по тропинке, ведущей к Большому Дубу. Шёл он медленно, низко пригибаясь к земле. Вглядывался в каждый пучок травы, раздвигал ветки кустов, ворошил сачком опавшие листья.

Вокруг то и дело что-то шевелилось, прыгало, мелькало. Генка бросался из стороны в сторону. Но это оказывались либо кузнечик, либо большой жук, либо юркая ящерица.

Генка злился на всё. На то, что ушёл из дому не позавтракав и теперь ужасно хотелось есть. Злился на солнце, которое уже поднялось высоко и пекло макушку. На то, что рубашка прилипла к спине, на боль в пояснице от постоянных нагибаний. Он грозил невидимым желудятам кулаком и шептал:

— Ну погодите! Поймаю — голову оторву!

И вдруг среди редкой травы он увидел что-то округлое, тёмно-коричневое. У Генки перехватило дыхание. Наконец-то!

Он поспешно зарядил крысоловку, чтобы тотчас бросить в открытую дверцу свою добычу. Подкрался, взмахнул сачком, дрожа от нетерпения, подsunул под него руку и... увидел на ладони обыкновенный полусгнивший жёлудь.

Генка в досаде так хватил им о дерево, что жёлудь разлетелся надвое. И тут же у ног заметил ещё несколько полусгнивших желудей. Глянул вверх и увидел, что стоит под двумя молодыми дубками с изъеденными гусеницами листьями.

При одном воспоминании о гусеницах у Генки сразу зачесались и грудь, и шея. Он отскочил в сторону, стал брезгливо отряхиваться и вдруг вздрогнул от громкого крика.

— Карр! Карр! — кричала большая чёрная птица с верхушки молодого дуба.

Генка замахал на неё руками. Но птица не испугалась. Она перелетела на другое дерево и закричала ещё громче.

«Жаль, рогатки нет! — подумал Генка. — Я бы тебе показал!» И тотчас увидел свою рогатку с красными резинками, висевшую высоко над головой на тонкой ветке гледичии.

Он с удивлением огляделся вокруг. Так ведь это та самая полянка! Вон и яма, в которую он тогда попал, и рогатка...

А птица не унималась. Громко оповещала обитателей рощи, что Генка Бездумкин здесь, что он охотится за желудями.

— Я тебе заткну глотку! — яростно грозил Генка. — Сейчас вот собою рогатку.

Он прицелился и запустил сачком с тяжёлой железной ручкой. Со свистом рассекая воздух, сачок взметнулся вверх, но в цель не попал, а, падая вниз, напоролся на острую колючку гледичии и прочно повис рядом с рогаткой.

— Каррр! Каррр! — насмешливо кричала галка.

Генка неистовствовал. Чем бы бросить в эту носатую дрянь? Ничего под руку не попадалось. Тогда он схватил крысоловку, замахнулся и... пружина щёлкнула, железная дверка захлопнулась и так прижала пальцы, что из глаз брызнули слёзы.

— Карр! — прокричала галка и улетела. Кое-как высвободив руку, Бездумкин всю злость перенёс на крысоловку. Он ругал её, пинал ногами.

— Ах, ты так?! Ну теперь всё! Не жить тебе, подлой! — и кинулся сгребать в кучу сухие листья.

Потом швырнул на них виновницу — крысоловку и чиркнул спичкой. Взметнулось пламя.

Деревянное дно крысоловки вспыхнуло, стали, как живые, корчиться от жара прутья.

— Горишь, дрянь?! Так тебе и надо! — приплясывал Генка.

Повалил густой чёрно-жёлтый удушливый дым. Генка закашлялся, закрыл глаза. И вдруг вскрикнул от боли — острый язычок огня больно лизнул ногу. Генка и не заметил, как загорелась высушенная летним зноем трава. От травинки к травинке всё дальше и дальше от костра расползались почти невидимые при солнечном свете язычки пожара.

— Я не хотел!.. Это не я!.. — пяťсь, бормотал Бездумкин. Он испуганно осмотрелся вокруг и на пролом через кусты кинулся прочь из рощи.

* * *

После победы над гусеницами желудята ходили как именинники. Да и как не гордиться — рощу спасли!

Желустрёнок то и дело разыгрывал перед братьями целые сцены, показывал, как храбро бился с гусеницами, и хвалился:

— Я их щёлкал, как семечки! Я один уничтожил сто каналий! Нет, больше: сто, сто, сто и ещё раз сто! Вот сколько!

— Бяфф! Ну это уж ты, братец, присочинил! — не выдержал Желугавчик. — Пять сотен? Столько и Кукушка не осилила бы.

— Вот ещё! Так она же просто кукушка. А я — страус!

— Ладно, братцы, хватит спорить. Идите в тень, — сказал Желудино. — Вот отдохнём немножко и пойдём в посёлок искать Женю. Надо выполнять обещание. Чтобы люди никакого Бездумкина в рощу не пускали. Тогда и птицы вернутся. И...

Желудино на полуслове перебил запыхавшийся Прыгун:

— Страшная весть!.. Опять появился Бездумкин!

— Подумаешь! — фыркнул Желустрёнок. — Я его как тюкну в нос, так будет знать!

— Не хвались! — оборвал его Желудино. — С Бездумкиным шутики плохи. Ну-ка, братцы, прячьтесь в чащу!

Они забрались в густые заросли крапивы и притаились.

И-го-го! — проржал Желу-рёнок. — Тут нас никто не найдёт!

Близился полдень, когда вскочил, забеспокоился Желугавчик:

— Желудино! Мой нос говорит, что там что-то горит!

Это у тебя от страха горит! — засмеялся Желустрёнок.

И тут над ними с криком пронеслась Стрекоза:

Спасайтесь!.. Бездумкин поджжёт рощу!..

Ветер погнал над землёй дым. Желудята закашлялись. А Желустрёнок вдобавок начал чихать. Из глаз его катились слёзы, но он никак не мог остановиться.

— Бегом к Старому Мухомору! В лабиринт! — крикнул Желудино.

Их обгоняли стремительные кузнечики. Над головой пронеслись стрекозы и бабочки. Прятались в свои норки жуки. Муравьи-солдаты наглухо закрывали все входы в свой город.

Сзади слышался всё нарастающий гул и треск. Хотя желудята бежали изо всех сил, пожар догонял их. Воздух стал нестерпимо горячим. Дым застилал глаза. Нечем было дышать. В голове мутилось.

Наконец они вырвались из кустов. Но путь преградило озеро.

Желустрёнок влетел в пего по колено и закричал:

—Мы погибли! Я не умею плавать! Пожар догонит нас!

—Замолчи! —сказал Желудино. — Ты забыл, что у нас есть друзья!.. Крак-квак! Кро-ко-кок! — громко крикнул он.

Тотчас же из воды высунулись лягушачьи головы.

—Нас догоняет огонь, который зажжёт Бездумкин! — сказал Желудино. — Перевезите нас, друзья, на другой берег.

—Мы готовы! — крикнул Большой Квак.

Он и трое его братьев подставили свои широкие спины, и Желудята вскочили на них. Желустрёнок успел лишь раз десять вскрикнуть «Ой, утону!», как все четверо очутились уже на противоположном берегу.

—Спасибо, Кваки! Берегитесь пожара! — сказал Желудино.

—Не беспокойся! Мы нырнём на самое дно, ответили Кваки.

—Вперёд! — скомандовал Желудино. — Теперь уже недалеко!

Но тут подул ветер. И едва они успели пробежать шагов триста, как пожар, обойдя озеро справа и слева, снова стал догонять их. От его горячего дыхания на кустах дрожали и корчились листья. Густой дым клубился над землёй, и впереди ничего нельзя было разглядеть. От жары задымилась шерсть на Желугавчике, взъерошились и стали завиваться в кольцо пёрышки Желустрёнка.

—Стойте! — приказал Желудино.—Нужно знать, куда бежать!

Желудино быстро вскарабкался по наклонному стволу дерева вверх. Оттуда он сразу увидел полянку у Старого Мухомора, показал направление, крикнул Желугавчику:

— Пробивайся с братцами к подземелью крота. Я догоню вас!

С высоты Желудино увидел, как братцы добежали до норы и нырнули в подземелье. «Успели!» — радостно подумал он. Глянул вниз и оцепенел: под деревом уже бушевал огонь.

Он забрался по стволу ещё выше и вдруг услышал ехидный смех. Тонкие противные голоса что-то напоминали. «Постой! Да ведь так смеялась Каналья, когда продырявила кувшинчик и оставила нас без воды! — вспомнил он. — Это смеются гусеницы!.. Но где они? Ведь птицы всех уничтожили!»

Он приблизился к пучку листьев, скрученных паутиной, и вдруг услышал, как внутри запели гусеницы:

Что нам дым! Что нам газы!
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Есть у нас противогазы!
Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Мы, каналы, всех хитрей!
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
Мы заснём среди ветвей!
Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
В листьях зиму переспим.
Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!
А ВЕСНОЮ ВСЁ СЪЕДИМ!
Гы-гы! Га-га-га-га-га!

Как только прозвучали последние страшные слова песни, отовсюду, со всех веток, из закутанных в паутину коконов, из скрученных в трубочки, из собранных в пучки листьев послышался такой злобный хохот, что Желудино похолодел от ужаса. Сколько же их тут?! Тысячи!..

У Желудино едва хватило сил спуститься на страшную обгорелую землю, по которой, пока он сидел высоко на дереве, прокатился огненный вал.

Горячая земля жгла ноги. Шатаясь, непрерывно кашляя, хватаясь руками за горячие, обугленные ветки кустов, он шёл к Старому Мухомору. Сознание

меркло. Ноги не слушались. Уже на поляне он упал на колени, но продолжал упорно ползти вперёд и всё повторял, повторял:

—Я знаю вашу страшную тайну. Канальи... Я должен сказать о ней людям... Я должен спасти мою прекрасную родину рощу Красная Весна.

Желудино приподнялся. Сквозь туман, застилавший глаза, увидел впереди обгорелую, лопнувшую надвое шляпку Старого Мухомора. До него было несколько шагов. Но сил не осталось вовсе. Желудино упал лицом в обгорелую траву и захлебнулся горьким удушающим запахом...

ДОМ, ГДЕ ВСЕГДА ТЕПЛО

Желудино открыл глаза и... ничего не увидел. «Или мне только снится, что я открыл глаза, — подумал он, — или я ослеп», — и тяжело вздохнул. И тут из темноты пахнуло теплом. Горячий язык лизнул его в нос, раздался радостный лай Желугавчика:

—Ты очнулся?! Ты живой?! Я знал, что ты будешь живой!

На лицо Желудино скатились две горячие капли.

—Ты плачешь, Желугавчик? — спросил он. — Отчего?.. И скажи, что со мной случилось? Я ослеп?

—Нет! Что ты! Я тоже ничего не вижу... Почти. А ведь я всё-таки пёс! Это в лабиринте Крота так темно. Раньше тут круглые сутки дежурили сто светлячков, и было прекрасно видно. Но пришла пора и им заснуть надолго...

—Как же я сюда попал?.. Я ведь, кажется, не дошёл...

—Это ерунда! — перебил Желугавчик. — Главное — ты жив. И скоро поправишься.

—А где Желустрёнок? Желурёнок?

Не беспокойся. Они уже давно выздоровели. И я больше двух недель как совершенно здоров. Сейчас братцы пошли подышать свежим воздухом.

—Что?! Вы все были больны так долго? Сколько же я провалялся?

—Долго, Желудино. Очень долго... Крот уже отчаиваться стал. Чем он только тебя не лечил! И листьями лесной мальвы, и лепестками фиалки и мать-и-мачехи. Но я знаю, что тебе помогло больше всего! Корень девясила! Он и меня вылечил!.. А теперь, когда ты очнулся, лекарство Мазарида сделает тебя совсем здоровым.

—Какая Мазарида? И что это за лекарство? — удивлённо спросил Желудино.

—Ты, наверно, забыл? Мазарида — это та цветочная оса, которую ты спас во время наводнения. Она, как только узнала, что ты болен, сейчас же прислала трёх жуков-носорогов с тремя восковыми горшочками. А в них лекарства до краёв! Так пахнет! Мёртвого на ноги поднимет!

* * *

Лекарство Мазарида оказалось чудодейственным. Желудино за три дня проглотил три порции золотисто

зелёной ароматной пасты вместе с горшочками и стал совершенно здоров.

Желудята, Крот с Кротихой и с подростком сыном так обрадовались его выздоровлению, что устроили в подземелье настоящий пир.

Желудино в первый раз вышел из подземелья Крота, огляделся вокруг и только тогда понял, как много времени прошло с тех пор, как он упал в обгоревшую траву возле Старого Мухомора.

Не было уже той травы. Она превратилась в тоненький слой серо-жёлтого перегноя. Не было и Мухомора. Он скрылся под ворохом опавших листьев. Не было и зелёной, весёлой, пронизанной солнечным светом рощи. Вокруг, куда ни глянь,- голые, мокрые стволы, голые, стынувшие на холодном ноябрьском ветру ветви кустов и деревьев. На земле — кучи, горы мокрых неживых дрожащих листьев...

И никого. Ни кузнечиков, ни светлячков, ни птиц.

А над всем этим — холодное небо, по которому ползут чёрные, тяжёлые тучи.

Увидел всё это Желудино и почувствовал себя маленьким, покинутым, никому не нужным. Хотелось вернуться в тёплое подземелье Крота и заснуть, чтобы ни о чём не думать.

Он, может быть, так и сделал бы. Но с тех пор как Желудино очнулся, его не покидала мысль: «Нужно вспомнить что-то очень важное. Может, самое важное в жизни...»

Он снова посмотрел вверх и вдруг вспомнил: каналы!.. Десятки сухих листьев, свёрнутых в трубочки, собранных в пучки и корзинки, оплетённых чёрной паутиной, качались на голых ветвях каждого дерева... Это гнёзда гусениц. Весной они проснутся и погубят рощу...

Желудино бегом спустился в подземелье, рассказал братьям всё и объявил своё решение:

—Я пойду искать Женю. Люди должны узнать

страшную тайну гусениц! А вы останетесь здесь, потому что сейчас очень холодно, путь длинный и опасный.

—Ни за что! — возмущённо твякнул Желугавчик. — Куда ты — туда и я!

—Спасибо, друг! — Желудино обнял его за шею. — Мне с тобой будет, конечно, легче. Ведь у тебя такие замечательные уши и нос.

—Я тоже пойду с вами! — проржал Желурёнок и решительно притопнул копытцем. — Я ведь как-никак лошадь. Пригожусь.

—Вот ещё! — пискнул Желустрёнок. — Неужели вы думаете, что я один останусь в этом тёмном подвале?! Как бы не так! Я бегаю лучше всех!.. Правда, теперь я почему-то всё время зеваю и мне ужасно хочется спать. Но ты, Желудино, не бойся! Пощекочи меня под мышками, и сон сразу пройдёт.

—Зачем это опасное мероприятие? — сказал рассудительный Крот.—Лабиринт мой огромен. Да и запасы на зиму я сделал. Всем хватит. Живите в тепле спокойно до весны. А тогда уж идите, куда вам хочется.

—Нет, — возразил Желудино. — До весны ждать нельзя.

—Не понимаю, Желудино, зачем вы это делаете? — настаивал Крот. — Желугавчик втащил вас тогда в подземелье почти мёртвого. Мы так старались спасти вас. И теперь, когда вы здоровы, опять рискуете жизнью! Кто вас заставляет?!

—Меня заставляет совесть, — спокойно сказал Желудино.

—Ну хорошо, — подумав, грустно ответил Крот. — Идите... Только не подумайте, что я бессовестный...

—Что вы, уважаемый Крот! — вскрикнул Желудино. — Я не хотел вас обидеть! Вы благородны и мужественны. Я знаю. Просто вы не можете этого сделать, а я — могу. Вы и видите слабо, и по земле ходить не привыкли... Поэтому пойду я, а не вы...

Перед дорогой Желудино пошёл попрощаться с близкими.

—До свиданья! — сказал он старой Гледичии.

Но она ничего не ответила... Желудино говорил «до свиданья» другим знакомым кустам и деревьям.

Но и они молчали.

—До свиданья, Большой Дуб! Я иду выполнять свой долг! — крикнул Желудино погромче и рассказал о страшной тайне гусениц.

Долго молчал Большой Дуб. Еле-еле шевельнул ветвями, сбрасывая дрёму, и прошелестел сонным голосом:

—Пра-а-авильно, сын мой, Же-лу-ди-но-о... Всё правиль-но... Иди... иди... Уже все деревья спят... спят... Я тоже оч-чень устал., оч-чень... Мне нужно хоро-шо выспаться за зиму... С весны у меня будет много работы! Почки выпускать... Потом листья развёртывать... И полгода ка-чать и качать воду глу-бо-ко-о из-под земли... Будь сильным, как дуб, маленький человечек... Иди...

Теперь Желудино понял, откуда появилась эта вялость у желудят. Все братья, да и он сам, целые дни зевают и зевают. Всё норовят примоститься в уголке и вздремнуть. Ведь они сыновья Большого Дуба и тоже должны зимой спать...

Поэтому Желудино решил: «Нужно уходить НЕ-МЕДЛЕННО!»

* * *

Третий день идут желудята к Жене. Идут по роще, насквозь продутой свирепыми ноябрьскими ветрами, где, кажется, не осталось ни крошки тепла. Идут среди молчаливых, уснувших деревьев, по ворохам мокрых листьев, на каждом шагу обходя препятствия, выбиваясь из сил.

Идут они гуськом. Впереди — Желугавчик. За ним — Желудино. Сзади всех — Желурёнок. А Желустренок — в середине, чтобы не отстал и не по-

терялся.

У Желудино от холода и сырости лицо из коричневого стало каким-то серо-фиолетовым. Коротенькие штанишки и безрукавка, башмаки с негреющими пластмассовыми чулками на ногах да шапочка на голове—вот и вся одежда. Ему хуже всех. Но он не подаёт виду и крепится. Ведь он старший брат и, главное, — человек!..

Желугавчику и Желурёнку легче: их всё-таки греет шерсть. На страусёнка, привыкшего к теплу, жалко смотреть. Перышки встопорщены. Ветер делает с его длинным хвостом что хочет. То хлещет им хозяина по шее, то бросает вниз, и хвост путается у него под логам. Кольцом изогнув шею, Желустрёнок прижимает голову к груди и идёт, закрыв глаза, не разбирая дороги. Спотыкается. На каждой остановке моментально засыпает. И всё время просит:

—Пойдёмте медленней. У меня ножки болят. Куда ж ещё медленней? — удивляется Желурёнок. — Я и так еле копыта переставляю.

— Не хнычь, малыш! — добавляет Желудино Если идти ещё медленней — значит, идти назад!..

* * *

К вечеру они вышли на окраину рощи. Впереди, за двумя рядами тополей, виднелась широченная дорога.

—Это шоссе, — объяснил Желудино братьям. — Если его перейти, то до Жени уже совсем недалеко.

По шоссе на круглых вертящихся лапах с ужасным рёвом мчались в обе стороны чудовища, похожие на громадных разноцветных жуков.

—Как же мы перейдём? Нас раздавят! — тявкнул Желугавчик.

—Я побегу так быстро, что они не догонят! —по привычке похвастался Желустрёнок.

Братья посмотрели на жалкого, измученного Желустрёнка и только улыбнулись. А Желудино долго

скрёб затылок, пока придумал, как поступить:

— Все когда-то спят! — решил он. — Значит, чудовища тоже заснут. Мы подождём. А теперь давай те подберёмся ближе.

Но подойти к шоссе вплотную они не смогли. Путь преградил широкий ров, наполненный густой жёлтой водой.

— Эх, сюда бы «Килькавмасик»! — пожалел Желудино. — Сразу бы переплыли... Тогда давайте устраиваться на ночёвку.

Они разворошили кучу листьев на краю канавы. Какое счастье! Середина оказалась сухой. Желудино уложил братьев, залез сам и прикрыл вход охапкой листьев.

Дом Жени был так близко, что возбуждённые желудята долго не могли заснуть. Тесно прижавшись друг к другу, они лежали в своей берлоге и переговаривались.

— А в доме Жени всегда тепло, — вздохнул Желустрёнок. — И ещё она обещала подарить мне красную шёлковую ленточку на шею с красивой бусинкой... Мне очень хочется быть самым нарядным страусёнком на свете...

— А мне Женья сошьёт тёплую попонку из голубого бархата, — мечтательно сказал Желурёнок. — И буду я тогда как настоящий скаковой конь.

— Скажи, Желудино, — смущённо проговорил Желугавчик, — это ведь правильно будет, если Женья наденет мне на шею красный ошейник и золотую медаль, как у знаменитой овчарки?..

— Конечно, правильно, братик! — подтвердил Желудино. — Я тебе за храбрость, за верность и за дружбу повесил бы сразу три золотые медали... А из дома Жени Большой Дуб видно. Хорошо! И ещё мне хочется посмотреть на красный цветок Огонёк, который цветёт даже зимой. Вот чудеса!..

* * *

Было ещё темно, когда их разбудил Желудино: Вставайте, братцы! Чудовища заснули!.. И через канаву сам построился мост!

Дрожа от холода, братья выбрались наружу и при бледном свете луны увидели, что вода во рву покрылась блестящей корочкой. Желугавчик первым кинулся к канаве, поскользнулся и проехал до середины на животе. Остальные спустились уже осторожнее. Под копытами Желурёнка, который шёл последним, блестящая корочка тихо похрустывала, и в стороны бежали тоненькие трещины. Но всё обошлось благополучно.

— Теперь главное — ноги! — сказал Желудино. — Бежать по шоссе быстро. И никому не отставать. Поняли? Ну... Марш!

Желудята пустились бежать по скользкому чёрному шоссе. Оно было ужасно широким. И к тому же наискосок почти навстречу дул ветер. Каждый шаг давался с большим трудом...

Едва преодолели треть расстояния, Желустрёнок взмолился:

— Не могу... Совсем не могу... Ножки...

— Стыдно, — сказал Желудино. — Ты ведь спортсмен! Переключайся на второе дыхание.

— А как это? — удивлённо спросил Желустрёнок. — Я не умею.

— Проще простого! — бодрым голосом ответил Желудино. — Беги себе и беги. И совсем не думай, что ты устал. Думай о чём-нибудь хорошем. Ну, например, о том, как ты станешь чемпионом роции по бегу. И тогда придёт второе дыхание...

И Желустрёнок перестал жаловаться. Когда они уже почти перешли шоссе, Желудино спросил:

— Ну как? Пришло второе дыхание?

— Ага! — бодро ответил Желустрёнок. — Я уже на четвёртое дыхание переключился!

— Как же это? — удивился Желудино.

—Так я теперь уже думаю, как стану чемпионом всего леса!

Тут откуда-то издалека хлестнули яркие лучи холодного света, и мимо них с рёвом промчались одно за другим шесть огромных чудовищ на круглых лапах. Но желудята уже были в безопасности...

—Теперь, братцы, совсем недалеко! — радостно твякнул Желугавчик. — Я взял Женин след!..

Они поспешили за Желугавчиком. И вдруг с неба стали опускаться белые мухи. Когда одна из них хотела сесть Желугавчику на нос, он испуганно отпрянул в сторону. Муха села на землю и затихла. Желугавчик понюхал, потом лизнул её и удивился. Белая муха оказалась смирной и не кусачей, холодной и мокрой, как вода.

Белых мух становилось всё больше и больше. Они кружились в воздухе, садились на землю и замирали. Каждая из них была похожа на звёздочку с голубыми и зелёными лучами... Но скоро на земле не осталось свободного места, и пришлось им садиться на спину друг другу. Всё вокруг побелело. Из-за летящих белых звёздочек уже ничего не было видно в десяти шагах. Желугавчик смотрел на братьев. Они тоже стали белыми. На спинах Желу-рёнка и Желустрёнка, на шапочке Желудино собралось по целой куче блестящих белых звёздочек...

Нос Желугавчика оказался действительно замечательным. Даже снег не сбил его с толку.

Желудята по следам добрались до Жениного дома. Сомнения не могло быть. Вон на втором этаже балкон. Это Женин балкон. Потому что как раз против него стоят два высоченных столба, связанных макушками вместе. Про эти столбы и Женя и Карра тоже рассказывали... Вот только как туда забраться, к Жене?..

Замёрзшие, запорошённые снегом желудята стояли внизу и смотрели на Женин балкон...

А снег все шёл и шёл. Первый настоящий снег новой зимы. Ветерок собирал снежинки в маленькие сугробы. Потом вдруг разбрасывал их в стороны, взметал вверх - и белая тьма над головой становилась совсем непроницаемой. В ней уже не разглядеть ни Жениного балкона, ни самого дома. Будто в мире остались только холод, снег и бесцеремонный проникающий везде ветер...

* * *

За окнами было ещё темно, когда Женю разбудил крик Кукушки. Она открыла глаза, но вспомнила, что сегодня воскресенье, первое декабря. В школу не идти. Повернулась на другой бок и прикрыла одеялом ухо.

Но Кукушка не унималась. Она снова прокричала восемь раз...

Женя насторожилась: «Восемь?! Но ведь Кукушка кричала восемь раз и тогда, когда они с дедушкой нашли восемь волшебных желудей!..» Женя вскочила, зажгла свет, глянула на часы. Стрелки показывали только половину восьмого.

Стрелки показывали. А Кукушке на стрелки было наплевать! Она будто с ума сошла и кричала снова и снова. Восемь! Опять восемь!..

В комнату вошёл уже одетый дедушка. Женя кинулась к нему:

—Дедушка, она кричит восемь раз!.. Понимаешь, восемь!..

Дедушка не успел ничего сказать. Едва смолкла Кукушка, на балконе громко, требовательно закричала Карра.

Женя кинулась к окну. Взвизгнула:

— Ой!.. Они... Они пришли!

За окном, прижавшись к стеклу, все засыпанные снегом, стояли Желудино, Желугавчик, Желурёнок и Желустрёнок... А за ними на перилах сидела Карра. Она махала крыльями и во всё горло кричала от радости.

Женя рванула балконную дверь и схватила желудят в охапку...

ЭПИЛОГ

В воскресенье, в начале марта, я снова побывал в посёлке. В роще Красная Весна ещё не везде стоял снег. На тонкой ветке Гледичии до сих пор висит рогатка Бездумкина с красными резинками и сачок. Походил я около Большого Дуба. В дупле старой ветлы видел спасательный кораблик «КИЛЬКАВМАС». Стоит себе как новенький, ждёт своего капитана. А вот входа в подземелье Крота я так и не нашёл.

Возвращаясь, на краю рощи вдруг увидел: костры горят. К деревьям лестницы приставлены. Мальчики и девочки длинными шестами сбивают с ветвей гнёзда гусениц и бросают в огонь.

«Эге, — подумал я, — значит, Желудино рассказал-таки людям о страшной тайне гусениц». И так мне захотелось посмотреть на желудят, что я зашёл к Жене Платоновой.

Спят они в большой красивой коробке из-под конфет. Желудино в красивом костюме Ивана-царевича. За поясом — шпага и страшный пищик. В руках — лук. А рядом — колчан со стрелами.

Желустрёнок в тепле разметался, отставил свои маленькие крылышки, которые не умеют летать, и вытянул замечательные длинные ноги настоящего чемпиона по бегу. На тоненькой шейке у него атласная ленточка с синей бусинкой.

Желурёнок спал стоя. На нём попонка из голубого бархата и шёлковая уздечка. У ног — пучок травы, который, наверно, выпал у него изо рта. А верный Желугавчик так и заснул рядом с Желудино, положив мордочку на золотую медаль, точно такую, какие носят знаменитые овчарки и другие чистопородные псы.

И будут спать они до прихода настоящей весны, когда проснутся деревья и кусты, пробьются из земли травы и расцветут цветы в роще Красная Весна.

Но это уже будет другая, новая весна. А с ней придёт, наверно, и другая, новая сказка.

